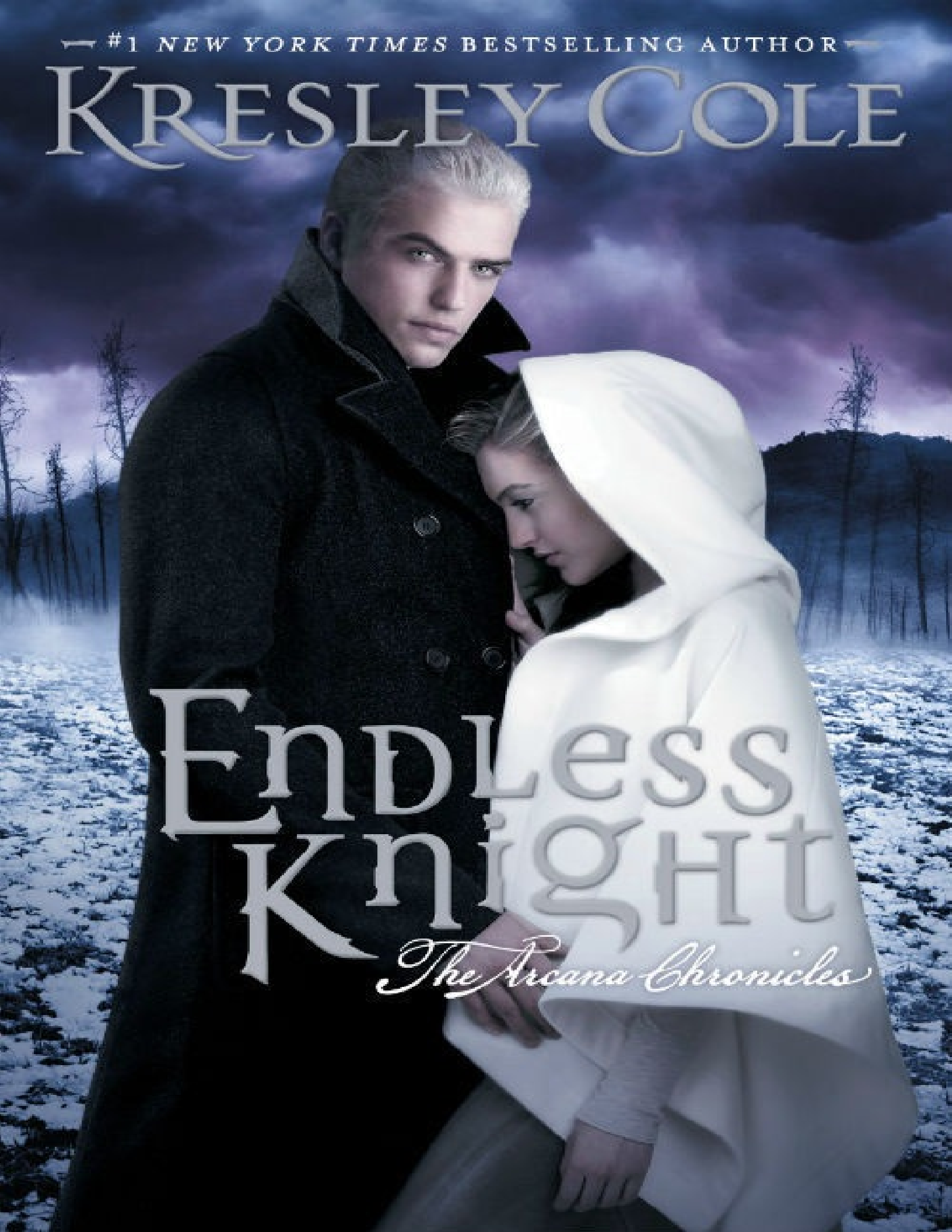
#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR
KRESLEY COLE
ENDLESS KNIGHT
The Arcana Chronicles

Annotation

Во второй книге серии Хроники Аркан Эви полностью вступит в свои права императрицы Таро. И Джексон видит это. После убийства Артура, карты Алхимика, Эви понимает, что между подростками-картами назревает война, и она должна использовать силы чтобы убивать-или будет убита. Все становится еще сложнее, когда Эви встречает Смерть-таинственного, сексуального, непостижимого Найта. Когда-то между Смертью и Императрицей была романтическая история, которую Эви не помнит-а смерть не может забыть. Она общается с рыцарем бесконечности, но влюблена в Джека. Преисполненная решимости понять, почему она получила эти силы, которые помогут ей либо спасти мир, либо уничтожить его, Эви пытается осознать свое место в пророчестве.

- Кресли Коул
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32

- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45

Кресли Коул
Рыцарь бесконечности

Глава 1

ДЕНЬ 246 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА
РЕКВИЕМ, Теннесси
ПРЕДГОРЬЯ СМОКИ-МАУНТИНС

Это то, чем я действительно являюсь…

Он пятится назад и крестится. Так, как я когда-то предсказала. Одним этим жестом, он полностью разбил мое сердце.

— И все же я не могу не гордиться тобой, Императрица. — Обольстительно прошептал Смерть в моей голове. Я слышала его так ясно, он должен быть где-то близко. Теперь мне нечего терять, больше нет причин жить в страхе перед ним.

— Следи за своими шестерками, Жнец, я вышла на охоту.

Грубый смешок.

— Твоя Смерть ждет.

Я начинаю смеяться, и я не могу остановиться.

Джексон бледнеет еще больше. Я надеюсь, что он покинет меня сейчас и заберёт других с собой, вне зоны моей досягаемости. Потому что иначе, Императрица может просто убить их всех.

Влага скатилась по лицу. Слеза?

Дождь.

Джексон и я смотрим друг на друга, и только капли падают между нами…

Мой смех умер, когда я увидела его руку, сжимающую мою ленту, так крепко, что его избитые костяшки пальцев побелели, как будто он держался за нее, будто он мог удержать ту милую девушку, которую знал.

Она ушла, уступив место Императрице, по-прежнему напряженной после борьбы, стоящей в луже останков Алхимика. Мои красные волосы струились по щекам, и я чувствовала, как на моем лице появляется выражение, которого раньше там не было. Угрожающее.

Я была немного удивлена, Джексон не наводил на меня свой смертельный арбалет, он был всё еще на плече.

Наряду со зловещей моросью, в этом городе-призраке, скрывая все, начал стелиться туман, но краем глаза я заметила движение. Я перевела взгляд от Джексона к остальной части нашей, такой разной группы, из трех других Арканов, таких же как я.

Селена, Мэтью и Финн.

Селена привлекла мое внимание. Она сняла лук со спины и теперь скользящим движением доставала стрелу из колчана на бедре.

Я приподняла в удивлении бровь. Наверное, Лучница, наконец, устала от ожидания и решила убить нас.

Когда она заложила стрелу, шипы вокруг взвились в торнадо, закрывая меня. Лоза, у моего лица вытянулась в ее сторону, словно змеи готовые к атаке.

— Так вот как это произойдёт, Лучница? — Мой голос был хриплым от крика и боли. Я походила на героиню плохого фильма. И чувствовала, себя так же. В бою становится горячо, как Мэтью и сказал мне.

— Мы сделаем это сейчас? — Терпение истощилось, мое тело начало регенерировать. Хотя кислотными гранатами Алхимика была разъедена часть моей одежды и кожи,

готовность бороться ещё не оставила меня.

Но как надолго?

— Эй, дамы, что здесь происходит? — спросил Финн со своим южно-калифорнийским акцентом серфера. — Селена, почему, черт возьми, ты целишься в Эви?

— Луна прибывает. Полная Луна. — Пробормотал Мэтью.

Селена проигнорировала обоих парней.

— Я не хочу причинять тебе боль, Эви. — Сказала она, несмотря на то, что направляла стрелу на меня. Ее безупречная кожа светилась оттенками красного, словно кровавая луна*. Ее длинные волосы струились потоком вокруг ее лица, светлые, серебристые, цвета лунного света. — Но я буду защищать себя, пока ты не возьмешь это под контроль.

(* Здесь и далее примечания редактора. Кровавая луна — hunter's moon — астрономическое явление, когда в ходе затмения, луна приобретает красный оттенок.)

— Я вспомнила, что мы призваны делать, Селена. — Убивать друг друга. — Назови мне хоть одну причину, почему я не должна покончить с тобой прямо сейчас. — Я покачала двумя огромными дубами, которые возродила раньше. Позади нее земля содрогалась, когда их корни извивались, подползая ближе, готовясь затащить ее под землю.

Мои солдаты ожидают приказа. Это было бы ужасным развитием событий.

— Ты должна мне. — Сказала она. — Ты и я, наряду с некоторыми другими картами, станем союзниками и убьём Смерть. Он слишком силен для любого из нас, чтобы сделать это в одиночку. Мы работаем вместе, пока не победим его. Тогда все ставки снимаются.

— И если я скажу — нет?

Она натянула тетиву. Символы вьющейся на моей коже, зажглись ярче, агрессивней.

— Стреляй в меня, Селена. Я просто восстановлюсь, а тебя я похороню. — Самоуверенное заявление, учитывая, что я и мои солдаты ослаблены.

Селена рискнула бросить взгляд через плечо.

— У нас нет на это времени сейчас! Бэгмены идут, и их больше, чем я когда-либо видела.

Ни одна ночь после апокалипсиса не обходилась без кучи этих кровожадных зомби.

— Но Джей Ди, — она дернула подбородком в сторону Джексона, — и меня, отделяло от них всего несколько стрел. Мы украли джип у ополченцев, чтобы добраться сюда. Скажем так, они не спешили легко расставаться с ним.

Я слышала душераздирающие вопли Бэгменов где-то в ночи. Будто посчитав секунды между ударом молнии и громом, я предположила, что они на некотором расстоянии.

Звучало так, будто их тысячи.

— Кроме того, другие карты вышли на наш след день назад. — Продолжала Селена. — В настоящее время, они знают, что ты прикончила Аркан — смерть Алхимика приведет их сюда. Скоро.

Джексон смотрел вперед и назад на меня и Селену. Пятнадцать минут назад, он думал, что мы были двумя обычными нормальными девушками, или, настолько, насколько нормальными мы могли быть после Вспышки.

Сейчас мы говорим, как убьём друг друга, убив карту по имени Смерть. В то время как торнадо крутится над нами. Не говоря уже, что Джексон видел останки алхимика, и знал, что это я разорвала на куски парня.

Селена ослабила тетиву.

— Мы должны объявить перемирие на ночь и насколько это ещё возможно.

— Перемирие, мы идем, хорошая идея! — Сказал Финн. — Давайте по дороге и обговорим это. Эви, скажи мне, что у тебя мой грузовик.

— Без топлива.

— Дерьмо. Наши, тоже. Похоже, мы пешком.

Никакой реакции от Джексона. Он выглядел таким ошеломлённым, сбитым с толку и усталым. Глаза налиты кровью. Щетина, покрывала его подбородок.

Пыл сражения прошёл, и мне больше не приходилось подавлять непреодолимое желание уничтожить другой Аркан. Может быть, всё во мне вспыхнуло так сильно, потому что я отказывала природе Императрицы так долго.

Селена была бы идиоткой, если бы убила меня пока Смерть жив. Возможен ли союз? Мне нужно было время, чтобы подумать обо всем, чтобы рассмотреть все варианты.

— Перемирие. — Согласилась я.

— На сегодня.

Она сняла стрелу с тетивы, вставив ее в свой колчан одним плавным движением. Я не могла не закатить глаза. Такие понты.

Без этой нависающей угрозы, я обуздала свои способности. Поскольку мои когти превратились в обычные розовые ногти, я направила мой торнадо, чтобы он упал на улице. Шипы упали, как рой пчел умирающих в унисон. На моем левом предплечье, на коже мерцал символ из трех шипов от золотого до зеленого и темнее.

Я послала прощальный поцелуй ласковой лозе. Когда вся её длина просочилась в кожу моей правой руки, как будто погрузилась под воду, символы, бегущие по коже, засветились, а затем исчезли. Мои красные волосы усыпанные листьями опять стали светлыми. Я знала, что мои глаза поменяли цвет с зеленого на мой нормальный, синий.

Джексон, внимательнее, чем когда-либо, изучал мои движения, мои реакции. Осторожно, как будто он увидел дикое животное. Я не виню его. Я чуть не сошла с ума, когда увидела это в первый раз. А на самом деле, я думала, что сошла с ума, когда впервые увидела эти вещи через видения Мэтью.

Сегодня вечером Джексон узнал мир, которого не существует, которого, он думал, не существует. Сейчас он смотрел, как будто хотел быть где угодно, только не здесь. Но если он боится меня или нас, то почему он остается?

Я хотела спросить его, когда волна головокружения и озноба накрыла меня, регенерация забирает мои последние силы. Капли дождя были редкими, но и их было достаточно, чтобы намочить мои волосы и открытую кожу. Когда я, хромая, пошла искать свою куртку, я подумала, есть ли у меня время забрать жизнь из дубов.

Я могу вонзить свои когти в их кору и высосать их досуха, их огромную энергию. Но потребуется время. Первый недостаток в использовании дерева в качестве оружия? После Вспышки, чтобы вырастить их, я должна была напитать их моей собственной жизненной силой, моей кровью.

Второй недостаток? Ты не можешь взять их с собой.

Остальные последовали за мной внутрь дома, огибая лужу останков. На самом деле не «внутрь», подумала я, глядя на сюрреалистическую картину.

Хотя дом был разделен на две части, и его внешние стены и крыша рухнули, часть холла

осталась нетронутой. Салфетки лежали на столе. Огонь горел в очаге.

Этот дом был, как я. Мы начали день одновременно, и теперь мы не подлежим ремонту. Но часть меня осталась прежней. Я надеюсь.

Взгляд Джексона мерцал, когда он стоял над следами ожогов от кислоты на полу. Кислота оставила там такой же рисунок, какой образовывали волдыри на моих ногах. Дерево было волнистое вокруг двух совершенных следов, как два острова.

Когда он посмотрел на мою исцеленную кожу, и я знала, что он представлял то, что случилось со мной здесь. Конечно, он бы понял, почему я должна была сделать то, что сделала.

Мой взгляд упал на диктофон Артура, который всё ещё лежал на краю стола и теперь был усеян каплями дождя. Там, внутри, на ленте записана история моей жизни. Его отключили как раз перед тем, как он угрожал разрезать скальпелем мое лицо…

Мэтью подошел ко мне, улыбаясь мне сверху вниз с высоты своего роста, большие карие глаза, такие доверчивые.

— Я скучал, Эви. Императрица — мой друг.

Я почувствовала, как вспышка агрессии Императрицы почти полностью сошла на нет. Неужели, я действительно верила, что могу причинить вред другим? Мне было стыдно за свои мысли.

Конечно, я никогда не наврежу Мэтью. А это означало, что я никогда не выиграю в эту игру.

Он поднял лицо к небу, ловя дождь. Прошло восемь месяцев, в течение которых не было дождя, Мэтью предсказывал, что все плохое придет с ним.

По одной угрозе за раз.

— Нам нужно найти укрытие, дорогая. Желательно с постоянной крышей и без частей тела разбросанных вокруг.

Морщась от боли в ногах, я спросила:

— У меня есть время, чтобы высосать энергию из дубов?

Прежде чем Мэтью смог ответить «нет», Финн закричал:

— Бэгмены!

Глава 2

Наша пятерка побежала к крыльцу. Из тени, по направлению к передней части двора, брели десятки Бэгменов. Их обожженная кожа воняла и выделяла слизь.

— Как они добрались сюда так быстро? — простонал Финн. — Они были в милях отсюда.

— Туман играет с нами. — «Туман лжет, Эви», когда-то говорила моя бабушка.

Ближайшими Бэгменами были трое высоких мужчин, одетые в одинаковые черные костюмы Adidas. Команда зомби-атлетов? Позади них, костлявая женщина в бюстгальтере Spanx качнулась вперед, поролоновые розовые бигуди подпрыгнули в ее слипшихся волосах.

Разношерстная толпа шаркала вниз по улице. Врач в рваной, потертой одежде. Старик в клетчатой пижаме. Полицейский с пистолетом, свисающим с пояса на его тощей талии.

В их блеклых, слезящихся глазах не было и намека на мысли. С момента своего превращения в зомби, Бэгмены повиновались только своей жажде.

Селена, с нацеленным луком, придвинулась ближе ко мне.

— Не будет сейчас дождя, чтобы пролился на них?

Они двигались вперед.

— Наверное, нет! Эви, атакуй своими деревьями! — Она повернулась ко мне, хмуро глядя на все, что видела. — Твои символы тускнеют. Черт, попробуй в любом случае.

Тускнеют? Я знала, что это значило, что запас моих сил был исчерпан, указатель уровня топлива моей Императрицы был на нуле. Тем не менее, я махнула рукой, командуя двум огромным дубам, вымести Бэгменов со двора. Они стонали в знак протеста, но медленно повиновались, как перегруженные работой мышцы.

— Давай, давай!

Им удалось разбить ряды Бэгменов, отправив их, как кегли в воздух.

— Святое дерьмо! — Закричал Финн. — Я знал, что ты можешь заставить их танцевать, но чтобы увидеть это!

— Mere de Dieu. — Услышала я хриплый голос Джексона. Матерь Божья. Первый раз, когда он заговорил.

Прежде чем я успела нанести новый удар, еще больше Бэгменов затопило двор. Я никогда не видела их так много, даже в доме Мэтью, когда мы спасли его.

Я изо всех сил пыталась контролировать деревья, но они были слабыми и неуклюжими, как я. Они медленно раскачивались, ничем не напоминая сердитую гидру, какими были раньше.

Бэгмены напали на деревья, как шакалы нападают на раненого, жуя их ветви, а я чувствовала каждый укус. Наконец, мои солдаты просто… сдались. Когда ветви повисли, я зашаталась, Мэтью поймал меня, прижал к себе.

Селена проклинала меня.

— Это способ израсходовать все свои силы, идиотка.

Я выдохнула:

— Хочешь сказать, что в колчане осталась одна стрела?

— Леди! — Прокричал Финн. — Время БЕЖАТЬ!

Он и Селена пробежали мимо меня к задней части дома. Джексон последовал за ними, выхватывая свой арбалет из-за спины, и выстрелил три раза. Трио стрел поразило цели, стрелы торчали из их черепов, но Джексон не стал стрелять оставшимися боеприпасами.

Когда он поравнялся со мной, то немного замедлился. После того времени, что я провела с ним, я почти ожидала что он схватит мою руку и крикнет «Шевели задницей, детка!». С мрачным взглядом он колебался долю секунды, показывая, что я должна идти перед ним.

Схватив за руку Мэтью, я так быстро, как только могла, похромала к задней части дома.

Оглянувшись через плечо, Финн сказал:

— Они и здесь тоже!

Селена опустилась на заднее крыльцо, ее лунная стрела лежала на тетиве лука, нацеленная. Но она никогда не должна использовать эту последнюю стрелу.

— Эви, у тебя есть еще какие-нибудь ухищрения?

Мои иные способности не работали против зомби. Яд работал только на живых существах. Торнадо из шипов мог содрать кожу, но не мог убить их. Может быть, это может замедлить Бэгменов, остановить. Хотя мой символ шипов был совсем темным, я подняла руки, чтобы призвать их еще раз. Я почувствовала их вибрацию на тротуаре… шипы пытались вернуться к жизни… потом ничего.

— Н-не получается. — Сказала я Финну, — создай иллюзию, будто мы бежим в другую сторону.

— Я почти истощился! Я маскировал наш джип в течение сорока восьми часов. Движущийся джип, не давая увидеть водителя кайджана. Но я постараюсь. — Он начал шептать на своем таинственном магическом языке, воздух вокруг него стал нагреваться.

Вскоре мы стали невидимыми, в то время как пять иллюзий нас появились, сбегая по ступенькам крыльца, и за него. Ближайшие Бэгмены последовали за ними. Пока что.

К сожалению, Финн не мог скрыть наш запах.

Джексон расширившимися глазами смотрел на иллюзии.

— Еще больше Бэгменов идет! Дом будет окружен через несколько секунд.

Я посмотрела направо, в сторону тропинки в подвал. Джексон проследил за моим взглядом и направился туда. Селена поспешила за ним, жестом показывая, чтобы я оставалась рядом. Я последовала за ними, а Мэтью и Финн шли позади меня. Но на пороге, я стала сопротивляться возвращению в лабораторию.

Финн потянулся мимо Мэтью, чтобы подтолкнуть меня немного.

— Давай, Эви!

Я обернулась и посмотрела на него.

— Последнего парня, который заставлял меня идти вниз, я размазала.

Финн поднял руки, широко раскрыв глаза.

— Нет проблем, детка. — Он создал еще одну иллюзию, это был фонарь, чтобы освещать путь. — Все лучше с небольшим светом, да?

Спускаясь вниз, Джексон хмуро смотрел на магию. Потому что сегодня он впервые стал свидетелем этого? Мы должны были держать наши силы втайне от не-Арканов.

В тайне? Думаю, что я распахнула эту суку настежь.

Он и Мэтью оба должны были пригнуться, чтобы пройти в дверь. После того как мы все были внутри, Джексон легко закрыл подвальную дверь, а затем придвинул к ней металлический стол.

Мы отступили вглубь лаборатории, ближе к забрызганным кровью пластиковым шторам, отделяющим подземелье. Остальные осматривались, их взгляды прошлись по горелкам Бунзена, по поверхности длинного стального стола, по полкам с законсервированными частями тела. По остаткам моего боя с Алхимиком — битому стеклу и пролитой сыворотке, покрывающим утрамбованный земляной пол.

Финн сказал:

— Говорю официально, это — самое жуткое место, которое я когда-либо видел. Некий сумасшедший ученый только что звонил, хочет вернуть свою лабораторию обратно.

Ты еще не видел худшее.

После того, как в них ударил прогорклый запах из темницы, Финн прикрыл рот.

— Что, черт возьми, там находится?

— Трупы, — глухо ответила я, — это запах разложения. — Меня снова начало трясти.

Когда Мэтью обнял меня за плечи, я прижалась лицом к его влажной рубашке.

Как будто они могли чем-то помочь им, один за другим, Джексон, Селена, и Финн проскользнули мимо тех забрызганных штор.

Мэтью подвел меня к задней стене, расчистив от стекла, своими потрепанными теннисными туфлями, пятачок на полу.

Когда мы сели на холодную землю, я сказала:

— Ты уже знаешь, что там, не так ли?

— Разделочные столы. Сливные желоба. Пилы для разделки тел и ножи. Ржавые кандалы, болтающиеся на стене. — Он пожал плечами. — Я вижу, далеко. — Он уже показывал мне видения прошлого, настоящего и будущего Арканов, и даже не Арканов.

Но, однажды он сказал мне, что будущее, как волны или вихри, и, что его трудно читать.

— Знал ли ты, что я собираюсь победить Алхимика?

Он покачал головой. Он казался менее озадаченным, чем обычно.

— Я вижу, далеко не все. — Он схватил мою правую руку, и нажал на новую метку. — Бьюсь об заклад, ты взяла его знак.

Я предположила, что эти символы — способ вести счет в этой извращенной, больной игре.

Мне показалось, что я услышала вздох из темницы и попыталась представить себе пространство их глазами. Поняли ли они, увидев прикованные трупы, с чем мне пришлось столкнуться?

Если бы я добралась до Артура раньше, то возможно, я могла бы спасти эту девушку. Я откинула свою голову назад и уставилась в низкий потолок. Как много других побывало там, в цепях, ожидая, когда их освободят…?

Глава 3

Спотыкаясь, Финн первым вышел из подземелья, прикрывая рот рукой.

— Сейчас вырвет. — Он пытался удержаться от рвоты.

Лицо Селены, когда она вышла, ничего не выражало. Не говоря ни слова, она уселась на одну из стоек.

Когда появился Джексон, казалось, что он едва сдерживает свою ярость. Для парня, который так часто пускал в ход кулаки, он слишком презирал насилие над женщинами. Он подошел к столу, подпирающему дверь, затем опустился на землю возле одной из его ножек. Чтобы лучше блокировать дверь? Или потому что это место в комнате было максимально далеко меня?

Казалось, в нем бурлит энергия, не нашедшая выхода, словно у тигра, бродящего по клетке. Будто зверю в ловушке, Джексону было некуда податься.

Я попыталась поставить себя на его место. Как бы я поступила, если бы считала его одним человеком, а потом он оказался кем-то совершенно другим? Я хорошо знала, как выглядела, управляя своими силами — я была в ужасе, увидев в кошмаре прошлую Императрицу.

Если даже я была возмущена, как он мог не быть?

Над нами раздался топот, затем грохот! Как будто кто-то опрокидывал мебель.

— Они вернулись, — прошептала я. Бэгмены взяли наш след.

Мы все уставились в потолок, Джексон и Селена подняли свои лук и арбалет. Сколько их там? Сможет ли разлагающееся здесь, внизу, тело, перебить наш запах?

Несколько ударов сердца; они двинулись дальше. Селена и Джексон медленно опустили оружие.

Облегченно вздохнув, Финн сел рядом с Селеной, он все еще был безумно влюблен; она пристально посмотрела на него.

— Полагаю, нам придется провести здесь какое-то время, — начал он. — И мне нужны ответы на кое-какие вопросы. Например, почему вы двое ведете себя так, будто хотите убить друг друга. Должен заметить, две самые горячие штучки на всей земле.

— Скажи им, Селена, — пробормотала я. Я все еще восстанавливалась, и это значило, что боль расходились по всему телу. — Расскажи им все, что ты знаешь об этой игре — все, что ты скрывала от нас все это время.

— О, ты с кем-то заговорила! — Селена схватила лук, лежащий на коленях, словно хотела выстрелить в меня.

— Что за игру вы имеете в виду? — спросил Финн. — Стрип-покер это игра. Бросание монетки это игра. Игры это весело.

Так, будто слова из нее вытаскивали, Селена сказала:

— Раз в несколько веков начинается борьба, двадцать два подростка противостоят друг другу в конфликте не на жизнь, а на смерть. Мы называемся Арканы и у нас есть особые силы, как и в любой игре.

Финн поднял руку:

— Эй, ты говорила, что не знаешь, почему у вас есть силы.

— Я солгала. — Сказала она без капельки стыда. — Последние оставшиеся в живых, получают возможность дожить до следующей битвы, как бессмертные. Наши истории

зафиксированы на картах Таро.

Я посмотрела на Джексона, чтобы увидеть, как он воспринимает эти откровения. Его глаза сузились, осматриваясь вокруг. Да, кайджан, мы все скрывали от тебя секреты, а я больше всех. Да, мы не полностью, ну, люди. И да, ты застрял в подвале с уродами.

Селена продолжила:

— Некоторые семьи хранят записи об игроках и сражениях, подробные хроникам. Моя семья. Семья Эви. Ее бабушка мудрая женщина, летописец Таро, Тарасова. Тем не менее, по каким-то причинам Эви говорит, что забыла все об этом.

— Я забыла, потому что была маленькой! — отрезала я, хотя это была далеко не вся правда. Не нужно сообщать ей, что я была перепрограммирована в ПШР, в психушке в Атланте. — Мне было восемь, когда я видела ее в последний раз.

Селена указала на мою руку:

— Сейчас Эви вошла в игру по-настоящему. Она начала убивать.

Финн спросил меня:

— То есть тот парень, сумасшедший ученый, был Арканом? Как ты нашла его?

— Я слышала его позывной и последовала за ним.

Селена пояснила Джексону:

— У всех Арканов есть фраза, как подпись, обозначающая их характер. Мы можем слышать друг друга. Я думаю, так мы общаемся. Так мы можем сказать кто близко.

Чтобы найти Алхимика, я научилась блокировать голоса и мысли других, подобно поиску станции на радио. Даже если я не буду на связи с каналом Арканов, другие будут по-прежнему принимать трансляцию.

— Это верно, Селена, — сказала я. — И все же ты говорила нам, что никогда не слышала голоса, называла нас сумасшедшими.

Финн бросил на меня чертовски красноречивый взгляд.

Словно я ничего не говорила, она сказала Джексону:

— Мы можем даже услышать мысли, если они сопровождаются сильными эмоциями.

Сейчас Арканы были взбудоражены и мы все слышали это:

— Императрица совершила первое убийство! -

— Алхимика больше нет! -

— На ней сейчас два знака! -

Остальные замолчали, когда Смерть заговорил:

— Я пролью кровь Императрицы. Поэтому я определяю игру. -

Так как он угрожал мне уже несколько месяцев, мне было наплевать на его слова. Смерть хочет грохнуть меня? Может быть во вторник.

Финн спросил:

— Как Смерть может говорить со всеми?

Так же как Мэтью, Смерть может мысленно общаться со всеми нами. Но особенно со

мной.

— Он выиграл три последние игры, — сказала Селена. — Ему больше двух тысяч лет. Уверена, он знает некоторые трюки.

Я предполагалась как последний победитель, он — король эфира или еще чего-то. Объясняет ли это, как он может читать мои мысли?

Если Селена ожидала, что Джексон включится в диалог, ее ждало разочарование. Он не отвечал, не задал вопросов. Почему? Он любил разгадывать загадки, и если кому-нибудь и предстоит разгадать все это…

— Парень, которого ты убрала, был Алхимиком, да? — спросил меня Финн. — Что? Не картой Серийный Убийца? Или Невменяемый убийца?

Я покачала головой:

— Так же известен как Карта Отшельник. Он изготавливал исцеляющие сыворотки и зелья, дающие ему сверхчеловеческую силу, но он даже не знал об игре. Он сказал мне, что записывает истории людей после апокалипсиса и обещал еду, если я позволю ему записать мою. — Абсолютная ложь. — Я заметила, что он добавил в мой напиток наркотики, поэтому я играла одна, действуя на свой страх и риск, потому что мне показалось, я слышала кого-то в подвале. — Мой взгляд метнулся к подземелью. — У него там было приковано четыре девушки, на которых он экспериментировал. Одна не выжила. Остальных я освободила. — Я обратилась к Мэтью:

— Будут ли они в безопасности сегодня?

— Девушки бегут из Реквиема. Две будут жить. Третья не выживет при любом сценарии.

Мое сердце упало.

Селена сказала:

— Так ты заставила Алхимика заплатить за это? Серьезно?

— Я не хотела причинять ему боль, никогда не хотела никого убивать. Часть меня отказывалась верить, что только один из нас выберется отсюда живым. Пока он не сказал мне, что снимет ошейник с этих останков и наденет мне на шею!

— Чуваак. — пробормотал Финн, слова снова были проникнуты симпатией. — Похоже, Алхимик связался с не той цыпочкой.

Я не отрицала этого, потому что так и было.

— Теперь я понимаю, почему Мэтью продолжает говорить об убийстве плохих карт. — Сказал Финн. — Большинство из них убийцы? Те уроды, которые придут после нас получат бессмертие как приз? И эй, почему ты говорил, что эти двое убьют друг друга?

Мэтью снова прошептал:

— Убить плохие карты.

Когда он впервые сказал это, несколько дней назад, я думала, он имеет в виду битву между добром и злом. Какая я наивная. В некотором смысле мы все родились, чтобы творить зло.

— Плохие карты, Matto. — Финн запустил пальцы в свои выгоревшие на солнце волосы. — Мы не плохие. Так что между нами ничья. Мы все друзья. Правильно, Селена? Я имею в виду, да, я рассорил нашу новую маленькую семью своей несвоевременной иллюзией, — сказал он, его акцент стал сильнее. — Но я говорю, я сожалею. Я облажался — поступил нехорошо. Ребята, я не имел в виду ничего такого.

Несвоевременная иллюзия? Что если он использовал свои способности, чтобы сделать себя похожим на Джексона, чтобы поцеловать Селену? Я начала подозревать, или, скорее, надеяться.

— Финн, это был ты, с… ней?

Финн витиевато поклонился; Селена метнула в него испепеляющий взгляд.

Я вспомнила, что той ночью Финн спрашивал меня, как завоевать ее. Он сказал мне, что «кое-что придумал» Боже, неужели это был он.

Тогда где был Джексон? Мы встретились взглядами. Он поднял голову, как бы говоря «ты меня совсем не знаешь».

Как мне относится к нему, зная, что он никогда не целовал ее? Я попыталась провести мысленную инвентаризацию своих эмоций. Все было сырым и онемевшим. Но не имело значения, что я чувствовала к нему. Он показал свое отвращение ко мне.

Креститься, Джек? В самом деле? Неужели он думал, что я демон, которого он должен прогнать? Должен ли он? Я поискала глазами свою красную ленту. В какой-то момент он либо сунул ее в карман, либо выбросил.

Селена сказала Финну:

— Тебе повезло, что ты остался жив, после того, что вытворял со мной. Видишь, Эви? Я уже пошла на жертву ради этого альянса. В обычной жизни я бы наказала Мага за использование своих способностей на мне. Он играл со мной.

— Как дурак, — сказал Мэтью.

Селена посмотрела на него, потом сказала:

— Но я сделала поблажку, чтобы мы были сильнее.

— А мы союз? — спросила я. Всего несколько дней назад, Лучница плела заговор, чтобы убить меня. — Что изменилось?

Ее глаза метнулись к Мэтью и обратно.

— Мы альянс, — сказала она твердым голосом. Должно быть, он сказал ей что-то о будущем.

— Наказать меня? — сказал Финн сквозь зубы. — Хватит болтать, будто ты военачальник, Селена. Я не хотел, чтобы к тебе относились, как к дуре. Я не могу это контролировать… иногда я обманываю людей.

Топот наверху стал сильнее. Я подпрыгнула, когда один Бэгменов издал резкий вопль.

— Я не понимаю этого, — прошептала Селена. — Разве они не должны быть счастливыми в дождь? Почему они не стоят там, глядя на небо с открытыми ртами?

— Вернемся к этому вопросу позже. — Взгляд Финна упал на лук Селены. — Скажи мне, что ты никогда не планировала убить нас в этой игре.

— Конечно, она планировала, — сказала я, понизив голос. — Вы все слышали ее. Сначала мы победим Смерть, а потом все соглашения аннулируются.

Дико оглядываясь вокруг, Финн открыл рот и закрыл его. Открыл, закрыл.

— Вы, ребята, угрожаете моим яйцам, не так ли?

Все нахмурились, глядя на него.

— Засунете мои яйца мне в горло? Завинтите меня? — Его глаза смотрели безумно. — Скажи мне, Селена!

Она не ответила. Просто смотрела прямо перед собой.

— Скажи мне или клянусь, я закричу.

Джексон поднял брови, бросая на парня удивленный взгляд. Неуловимым движением он нацелил свой арбалет, готовый заткнуть Мага в случае чрезвычайной ситуации — всегда остаться в живых, сделать все что потребуется.

Наконец Селена сказала:

— Один игрок получает жизнь. Это правило. Я была воспитана, чтобы играть в эту игру, но это не значит, что мне все нравится.

Было похоже, что в Финне что-то сломалось, крик отменялся.

Джексон опустил лук, встревоженный выражением, появившемся на его лице. Возможно, он и Селена никогда не были влюблены, но я была уверена, что он считал ее другом. Не хладнокровным убийцей. Эта игра собиралась превратить нас всех в убийц. Если мы это допустим.

Джексон посмотрел на мои босые ноги, поморщился, и, вытянув фляжку из кармана, сделал щедрый глоток. Переволновался, кайджан? Не то, чтобы ему когда-либо нужен был повод, чтобы выпить.

Финн спрыгнул со стола, чтобы сесть в одиночестве.

— Я не могу поверить, что я дал тебе пищу и кров, — сказал он Селене. — Я даже отдал тебе мой последний сникерс! Возможно, он был последним на земле.

Ее лицо ничего не выражало.

— Так почему же ты сдержалась? — Спросил он ее. — Почему не убила нас?

Селена посмотрела на меня, а не на него.

— Хотя это убивает меня, я скажу, ты мне нужен.

Я хмыкнула с издевкой.

— Думаешь, я доверюсь тебе Несущая сомнения, поверю, что ты не перережешь мне горло, если я утрачу бдительность хоть на секунду?

Видимо, я больше не могла зависеть от Джексона, чтобы он присматривал за мной, когда я сплю. Финн повернулся ко мне.

— Теперь, когда ты вспомнила игру, ты собираешься убить нас?

— Нет.

Селена покачала головой.

— И кто теперь лжец?

— Я не играю в игры, где не я устанавливаю правила, — сказала я, голосом фрау Плохая задница, какой был у моей рассвирепевшей матери. Наконец-то. И более того, я верила в то, что я говорила. — Я выведу из игры Смерть. Затем я остановлюсь.

Я разберусь с этим аспектом в «горячей битве». Да, до того, как я начала использовать свои силы, у меня были неприятности, но у меня есть туз в рукаве.

— Моя бабушка, Тарасова, поможет мне. Все, что мне нужно сделать, это связаться с ней в Северной Каролине. — Если предположить, что она еще жива. Что я и сделала. Я чувствовала, что она жива.

Селена посмотрела на меня с новым интересом.

— Ты не сможешь просто остановиться.

— Посмотри на меня. — Возможно, мне не следовало избегать своих способностей. Я могла бы использовать их вне игры, чтобы помогать людям, как тем девушкам в подземелье. Играя в эту извращенную игру, я могла бы перепрофилировать себя, и бороться с долбанными преступлениями. — Я не хочу участвовать в этой игре. Я лучше умру, чем причиню боль Мэтью. — Он снова похлопал меня по руке.

— Как ты собираешься пройти мимо других карт? — спросила Селена. — Я уже чувствую некоторые, не слишком далеко. Со смертью Алхимика, они придут к нам. Они могут стоять на выходе из этого подвала, готовые пожелать нам доброго утра.

— Тогда мне придется убедить их не играть. — Стал ли мой голос слабее? — Я начну с различного рода альянсов.

— Мы идем против плохих карт, и тебе никогда не дадут слово.

Несмотря на угрозу от старших Арканов, я прислонилась к Мэтью, когда на меня накатила очередная волна головокружения.

— Я рискну, — сказала я, едва удерживая глаза открытыми.

Финн обдумав все это, спросил меня:

— Что такого важного в этом чуваке, Смерти? Почему он единственный, с кем ты будешь сражаться?

— Потому что он психопат, который не остановится, пока я не умру.

Желудок Мэтью зарычал. Даже падая от истощения, я спросила:

— У кого-нибудь есть любая пища для Мэтью?

Финн поднял брови в сторону Джексона.

— Кто-то не дал нам много времени на сборы, потому что должен был ехать за Эви. — Сказал он мне. — Мы отказались от моих обширных запасов. Рад, что мы приехали вовремя, чтобы спасти тебя, кстати.

Я повернулась к Джексону.

Он поднял свободную руку и руку с арбалетом. Ответив грубым тоном:

— У меня ничего нет для соо-уфn. — Кайджанский дурак. — Моя сумка находится в грузовике.

Что он думал о своей ошибке, оставленной сумке? Он считал, потерю своего аварийно-спасательного снаряжения смертным грехом, равным самоубийству. Он набросился на меня однажды, подобно собаке, когда я отошла футов на пять от своей сумки.

— Ты труп без этой сумки! — Сказал он тогда, вкладывая ее в мои руки. — Ты мертвец. Ты меня слышишь? Мертвец.

Я бы сумела сохранить ее, если бы не была похищена группой ополченцев. Джексон спас меня от тех людей, доказывая, что он герой.

Неужели прошло всего три дня? Сейчас он здесь, со мной. И он никогда не был с Селеной. Я хотела, чтобы его сильные руки обвивались вокруг меня. Я хотела, чтобы он шептал мне на кайджанском-французком своим рокочущим голосом те слова, что лишь я

могла понять. Но было такое чувство, будто он находится на расстоянии тысячи миль.

Я не смогла удержаться от вопроса:

— Ты ничего не собираешься сказать обо всем этом?

Он ответил жестокой ухмылкой, сверкая своими белыми зубами.

— Теперь это не моя группа, нет? — Гнев сверкал в его серых глазах.

— Нет. Это не так.

Все замолчали.

Несмотря на возросшее напряжение, повисшее в воздухе, мои веки становились все тяжелее. Сон сморил бы меня, но я боялась Селены.

Мэтью прошептал у меня в уме:

— Она защитит тебя своей жизнью, пока Смерть не придет за тобой. Если Смерть придет. Она знает, что ты его единственная слабость.

А я? Смогу ли я их обидеть? Случайно выпустить ядовитые споры и тому подобное.

— Безопасно. Ты контролируешь это сейчас.

При этих словах я закрыла глаза. Я почувствовала взгляд Джексона на мне еще до того как Мэтью сказал:

— Он смотрит. Он смотрит. Он жаждет знать, что за твоим фальшивым лицом. Любопытство сжигает его.

Я повернулась к Мэтью, желая услышать больше. Фальшивое лицо? Почему он смотрит так, будто ненавидит меня?

— Ненависть\любовь. Боль\неловкость.

Я не понимаю. Мэтью не ответил. Наверное, смотрел на свою руку, что означало: тема закрыта. А у меня не было сил надавить на него.

Финн откашлялся:

— Так значит этот чувак, Смерть, не будет утруждать себя приходом за таким второстепенным персонажем как я?

Прежде чем я скользнула в сон, Мэтью горестно пробормотал:

— Смерть придет за всеми нами…

Я потеряла слишком много крови, она лилась из раны на боку, капая на песок пустыни.

Мои враги окружили меня. Мы собрались в этом месте как листья в вихре. Их призывы все сильнее звучали в моей голове. Я уже убила четырех из самых сильных, но мои силы истощены, я ранена.

У меня нет ни шипов, ни лозы, ни деревьев, чтобы помочь мне. Ничто не растет в этих пустынных землях. Нигде нет воды, только стены каньона.

И я понятия не имею, как ориентироваться на местности, нет лошади, чтобы уехать. Когда я, спотыкаясь, бреду через лабиринт ущелий, мои ноги утопают в песке. Хожу по кругу?

Там, впереди… Я вижу свой собственный след крови. Я хожу по кругу! Я опираюсь спиной на скалу. Почему я не могу быть одаренной представительницей фауны?

Топот копыт эхом отдается в каньоне, что означает — скачет массивный конь. Смерть? Он нашел меня в последний раз? Каким-то образом мне удалось ускорить темп, увеличивая

расстояние. Пот льется. Льется кровь.

Я останавливаюсь. Я в тупике. В ловушке. Я оборачиваюсь, так чтобы Жнец был в поле зрения.

Он один, верхом на белом коне с красными глазами. На нем черные доспехи, шлем на лице. Два меча висят на поясе. Полированный конец косы выступает из кобуры на седле.

— Императрица. — Произносит он

— Смерть. — Отвечаю я, пытаясь скрыть тяжесть моего ранения.

— Я видел твое сражение с другими сегодня, — сказал он, его голос глубокий и скрипучий. — Твои силы чудовищны, тварь.

— А твои, нет? — он мог убивать одним прикосновением к чужой коже. Другие Арканы шептали, что он предпочитает убивать прикосновением.

Но я хочу жить! Мне только восемнадцать лет и я далека от того, чтобы покинуть этот мир.

Смерть склонил скрытую шлемом голову.

— Твоя плоть регенерирует. Интересно, могут ли другие убить тебя.

— Не могут, — ложь — и ты не можешь. Так что оставь меня.

Словно я ничего не говорила, он снимает шлем, обнажая шокирующее зрелище — свое лицо. Он… прекрасен.

Его скульптурные черты лица правильные и смелые, горделивый лоб и нос. Его загорелая кожа и легкие светлые волосы выделяют янтарные глаза. Думаю, ему не больше семнадцати лет.

Он спрыгивает с легкой грацией. Пока он подходил ближе, я поднимала голову все выше и выше, чтобы удержать его взгляд. В нем должно быть более шести футов. Его осанка выражала высокомерие. Очевидно, он знатного происхождения.

Его взгляд падает на окровавленные руки, которыми я зажимала свои раны.

— Так много знаков. Скоро они будут моими.

Если он убьет меня, эти знаки появятся на его руках, мои убийства станут его собственными. Аркан, который имеет, в конце концов, все знаки, последний оставшийся, выигрывает.

Вдалеке ревут львы. Фауна и ее звери.

Где мои союзники? Дурак, ты меня оставил?

Когда смерть достает меч, я плюю кровью в его лицо и бегу вправо, он ранит меня с неестественной скоростью. Я бегу влево, то же самое. Я скрючиваю свои пальцы и кидаюсь на его броню, ожидая увидеть борозды на металле от моих острых когтей.

Полетели искры, но мои когти не оставили ни единой царапины.

Задыхаясь, я встряхиваю головой, дико взбивая свои красные волосы. «Нет яда» шепчут мои локоны. Я поднимаю свободную руку и призываю появиться мой лотос. Ничего. Я нажимаю на свои губы, облизываю их. Они онемевшие, треснувшие. Нет покрывающего их яда для смертельного поцелуя.

Я использовала все мои способности, зарабатывая четыре знака на моей руке, мои символы стали тусклыми, как эта ненавистная пустыня.

— Умоляй меня сохранить твою жизнь.

Я подняла свой подбородок, даже когда мои легкие боролись за воздух.

— Я — великая Императрица… Королева Мая, первоклассный убийца… Я никогда не буду просить.

Он неохотно кивнул мне, как если бы уважал меня за это.

— Ты заслужила почетную смерть, тварь. — Он встречается со мной взглядом, глаза начинают светиться, как будто наполнены звездами. Я не могу отвести взгляд. — Больно будет не долго.

Молча, он вонзает меч, пронзая меня насквозь. Я кричу от боли, сжимая клинок, который прижимает меня к скале. Мои крики умирают, когда я начинаю задыхаться от крови.

В лучистых глазах Смерти нет сочувствия, только решительность, когда он, хватает мои запястья, прижимает их одной рукой в перчатке. Поднимает другую ко рту, зубами стаскивает с нее перчатку.

Прикасается ко мне.

И я знаю, что этот парень выиграет игру…

Глава 4

ДЕНЬ 247 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

— Я иду за тобой, Императрица.

Я проснулась, вскочив на ноги. Смерть был в моих снах и в моей голове. Это было, так, будто я чувствовала его присутствие в своей голове, ощущала, словно тяжесть.

Как будто была одержима.

Этот сон с ним был настолько ярким, что я прижала руки к животу, ожидая, почувствовать меч, пронзивший меня.

Черты его красивого лица остались в моих воспоминаниях. В моих снах он выглядел моложе, чем сейчас, и его черные доспехи были другими, более древними. Были ли это видения его другого, из ранее сыгранной игры?

Постепенно ощущение присутствия призрака Смерти надо мной исчезло. Подняв голову, я с беспокойством огляделась. Я была одна в лаборатории? С разлагающимся трупом? Были ли виноваты в ощущении чего-то зловещего моё окружение или приснившийся мне кошмар?

Одевайся, Эви, — крикнула Селена. Послышался стук её шагов в подвале, справа на землю у моих ног, тяжело упал водонепроницаемый пакет. — Быстрее!

— Что происходит? — Я опустилась на колени рядом с пакетом, копаясь, я нашла в нем парку военно-морского флота, джинсы, толстые носки, футболку, и даже нижнее бельё. Кожаные ботинки на шнуровке. Все выглядело примерно моего размера.

Под одеждой лежали готовые энергетические пайки Mayday, MREs, и energy gel packs* в апокалиптической коробке для завтрака.

(* Mayday, MREs — Meal, Ready-To-Eat, energy gel packs — «Еда, готовая к употреблению» предназначены для питания людей во время военной подготовки или во время реальных военных операций, когда нормальные объекты общественного питания не доступны. Являются полностью автономным оперативным рационом.)

Когда я стянула свою рваную рубашку, Селена заслонила меня:

— Бэгмены днем ушли, но Мэтью предсказал приход Арканов, они приближаются. Карты следуют за убийством, как я и предсказывала, — добавила она, возвышаясь надо мной.

— Какие?

— Башня, Суд и Мир.

Впервые, двоих из них я видела в бою, в видении Мэтью. Даже если бы я стремилась играть в игру, я не хотела бы ссориться с ними, особенно сейчас, когда я была настолько ослаблена после вчерашнего дня.

— Ты слышала их позывные? — Могла ли я спать и не слышать?

— Пока нет. Думаю, они еще слишком далеко. Мы были заняты поисками запасов Алхимика, у ублюдка было все, когда Мэтью начал бормотать о глушении частот. Это что-нибудь значит для тебя?

Я покачала головой.

— Он сказал, что эти карты идут быстро, у нас времени меньше часа.

— Так что мы можем улизнуть? — Я подумала, есть ли у меня время, чтобы выпить силу из дубов, или они будут моим прощальным подарком Реквиему? Кивнув Селене, я спросила:

— Почему ты так стремишься избежать боя?

Она посмотрела на меня.

— Потому что сегодня мы бы проиграли.

Хорошая причина.

Она подняла ламинированную карту Юго-Востока, испещренную выгоревшими дырами.

— Я собираюсь разработать план нашего ухода из этой долины. — Легко, как газель, она взбежала вверх по ступенькам.

Я сняла то, что осталось от моих штанов, с облегчением увидев, что моя кожа зажила. После того как я натянула новые джинсы — слишком длинные в ногах, слишком тугие в заднице, я зашнуровала сапоги. По крайней мере, те подошли.

Бросив последний взгляд вокруг, я взвалила на плечи рюкзак и поспешила наверх. Даже в этой кризисной ситуации, я поняла, что нервничаю при мысли о встрече с Джексоном, интересно, как он будет действовать на меня сегодня. Я хотела видеть сны о нем, а не о Смерти.

В тусклом утреннем свете, дом выглядел еще более странно: повсюду была слизь Бэгменов и разбросанная мебель. Через зияющие в крыше дыры, что-то капало на мои влажные волосы. Тонкие облака неслись в тусклом солнечном свете. После нескольких месяцев либо голубого неба, либо жестоких пыльных бурь, эта серая дымка выглядела причудливо.

Не говоря уже о предсказании Мэтью, что мы будем слабы во время дождя, в то время как наши враги станут сильнее.

Пока Селена корпела над картой, Финн помогал Мэтью складывать вещи в пакет. Я с облегчением заметила, что на Мэтью было новое пальто. Он очень нуждался в теплой одежде. Как и на всей одежде, что у нас была, в ней были темные, круглые отверстия от пуль, убивших предыдущих ее владельцев.

Я подозревала, что это Финн достал одежду для него. Маг хотел быть полезным, чтобы компенсировать свой маленький обман? Хотя я злилась на него за его иллюзию, я действительно думала, что парень имеет доброе сердце.

Но где Джексон? Я мгновенно запаниковала, интересно, вдруг он ушел. Конечно, он не мог уйти, не поговорив со мной. Не после всего, через что мы прошли. Это ты моя peekфn (колючка).

Только я собралась спросить, как Селена объявила:

— Мы находимся в долине, окруженной горами с трех сторон. Две стороны слишком высоки. Третья приводит к владениям Каннибалов.

Финн тяжело сглотнул. Он видел людоедов раньше, когда пересекал горы.

Понимая проблему Финна, Мэтью потрепал его по голове.

— Туда, туда.

Единственная дорога отсюда находится в узком месте. Если мы сможем выжить до следующей встречи с Арканами, мы могли бы вернуться на юг, обратно в дом Финна. Заманить Смерть в наше укрытие, и бороться с ним на нашей территории. Способности Эви проявятся лучше, когда она сможет быть близко к земле и подготовиться. — Продолжала Селена.

Лицо Финна просветлело.

— Ты думаешь, я приглашу тебя к себе Селена? Я не выйду из этого города с тобой. С нами все будет хорошо и без тебя.

Он сунул карту в свой пакет.

— Слушай ты, обманчивый кусок дерьма, Эви — это наша опора. Я иду с ней.

— Опора еще идет искать свою бабушку.

Я прервала ее:

— Как я и сказала, я направляюсь в Аутер Бэнкс. — Я осмотрелась вокруг. — Где Джексон?

Финн закрыл молнию на пакете Мэтью.

— Гм, Джек вылез из подвала до того, как мы проснулись, — сказал он виновато. — Он ушел, Эви.

— Не карта. — Сказал Мэтью. Он никогда не чувствовал себя комфортно с Джексоном, не-Арканом рядом.

— Ушел? — Нет, я отказывалась верить, что он отказался от меня, так просто, не оглядываясь назад. Как и ты отказалась от него? Шептала моя Совесть.

Селена закатила глаза.

— А чего ты ожидала? Джей Ди стал свидетелем того, как ты превратилась в Императрицу, в Маленькую шкатулку ужасов. Я думаю, что он понял сообщение: мы-не-люди. Не говоря уже о том, что он услышал в подвале, что мы противостоим Смерти. Если бы я была на его месте, я бы бежала от нас так быстро, как только могла.

Это было… справедливо.

— Я удивлена, что ты не пошла за ним.

— Если бы он любил меня, я бы попросила его сбежать вместе со мной, — призналась Селена. — Хотя, я думаю, что альянс с вами — это единственное, что может сохранить мне жизнь.

Я спросила Мэтью:

— Я полагаю, он не вернется?

Мэтью посмотрел на облачное небо.

— Он должен был попрощаться.

Я осмотрела двор и тела Бэгменов после предыдущей ночи. Уходя, Джексон собрал свои стрелы из трупов. Какая практичность, кайджан.

Мои глаза наполнились слезами, но я постаралась сохранить отсутствующее выражение на лице.

— В любом случае, это к лучшему.

Как же я ненавидела то, что он ушел!

— Он не был одним из нас.

Он был моим. Никогда не увидеть его снова? Эта мысль причиняла так много боли, хуже, чем, если бы мне проткнули живот мечом. Я спросила Мэтью:

— Если бы Джек по-прежнему оставался рядом, он был бы в безопасности от других карт?

Мэтью покачал головой:

— Не Аркан.

Но всё же, здесь были мы, и значит, мы в опасности. Сейчас я не могу себе позволить думать о Джеке. Нужно выяснить, как пережить следующий час!

— Ладно, Эви, что будем делать? — Финн проверил свои новые часы. — У нас будет компания меньше чем через сорок пять минут.

Он посмотрел на меня, словно я была его лидером, как будто он послушает всё, что скажет девчонка вроде меня.

В прошлом, никто ни о чём не советовался со мной. И для меня это было нормально.

— Мы бежим из долины, через узкое место — сказала я. — Но если вы хотите пойти со мной, то мы заключим договор, что мы не вредим друг другу, и мы сделаем это сейчас.

Селена и Финн нахмурились, глядя друг на друга.

— Какие у нас варианты? — требовала я. — Скажем, мы дойдём до финала, и скажем, у нас как-то получится победить Смерть. И наша пятерка, вместо того чтобы праздновать победу, начнет просто убивать друг друга?

Когда они остались при своем мнении, я сказала:

— Мэтью показывал мне видение другого альянса из трёх. Они сражались со Смертью. Они были организованы, квалифицированы, и совершенны. Они бы никогда не обидели друг друга, что означает, они должны были планировать выход из игры. — Я обратилась к Мэтью. — Я права?

Он не отрицал, просто сказал:

— Система — это игра, игра — это система. В бою станет горячо.

— Так что, — сказала я, — нам, возможно, придется бороться, но это не значит, что мы должны убивать друг друга. Если мы все это сделаем, мы не должны становиться убийцами. Ваши руки должны быть чистыми. — В отличие от моих, однажды уже отмеченных.

— Ты думаешь, сможешь выполнить такой договор? — спросил Финн Селену.

— Если мы сможем придумать жизнеспособный способ выйти из этой игры, то я не наврежу никому из вас. — Сказала она. — В противном случае, мы вернулись к выводу из игры Смерти альянсом.

Мы с Финном переглянулись. Это лучше всего того, что мы рассчитывали получить.

Он постучал по часам.

— Время уходит.

А это означало, что я оставляю мои деревья. Пожалуйста, Реквием!

— Хорошо. Первая задача альянса: бежать.

Они оба схватились за пакеты, как будто я отдала приказ выходить.

Схватив руку Мэтью, я поспешила во двор.

— Ты видишь, как далеко остальные карты? — Мы прошли место, где я прикончила Алхимика. Там не было никаких признаков его крови. Должно быть, Бэгмены слизали ее с досок дочиста.

— Ты должна остаться и бороться, Императрица.

Одна эта мысль вызывала тошноту, мои ноги стали ватными.

— Мы уходим, дорогой. И это будет безопаснее для тебя.

— Я надеюсь, что ты в ужасе, ты злишься и огорчаешься, с тех пор, как пошел дождь. — В его больших карих глазах было торжество.

— Мэтью! Зачем ты так говоришь? — Я бросила на него обиженный взгляд. — Ничего, мы поговорим об этом позже.

— Смерть наблюдает. Ударь первым, или будь тем, кого ударят.

Он продолжал говорить, но даже если я использую всё свое оружие, я не знаю смогу ли убить Смерть. Он мог разрубить мои преграды и лозы своими мечами. Его броня защитит от шипов и когтей. Так же, как было во сне. Сейчас Императрица не была в расцвете сил, и я не возлагала особых надежд на свои способности.

— Давай по одной угрозе за раз, ладно?

Мы еще не вышли из двора, когда все замерли на полушаге; позывные Арканов зазвучали:

— Глаза к небу, ребята, я ударю сверху!

— Я наблюдаю за тобой, как ястреб!

Я слышала эти позывные раньше, видела их владельцев в видениях Мэтью. Первый позывной принадлежал карте Башня, Джоулю. Второй — Габриэлю, карте Суд, крылатому мальчику.

Дерьмо, это начинается!

— Мэтью, ты сказал, у нас есть час!

— Меньше. Менее часа.

— Они уже в долине, — нахмурилась Селена, — и если мы слышим их позывные, тебе лучше поверить что они слышат наши. Мы не можем обойти их сейчас. Узкое место, слишком узкое.

В то время как Финн сказал:

— Четверо могут справиться с двумя, верно? — мы услышали еще позывной:

— Попавшие в мои ладони. -

Я никогда не слышала его прежде.

— Кто это?

Мэтью ответил:

— Тесс Квин, карта Мир, один из элементалей. Квинтэссенция танцев во всем мире.

Что бы я не отдала за дешифровочное кольцо!

— Какие силы у Тесс?

— Неуловимость, левитация, манипуляция временем, телепортация, астральная проекция… — он вздохнул, чтобы продолжать.

Я прервала его:

— Ладно, ладно. Что нам делать?

— Это трио идет за тобой. Джоуль хочет твоей смерти. Назло Смерти.

И тут мы услышали, как Жнец говорит всем Арканам:

— Жизнь Императрицы моя. Подчинитесь, и я не убью вас, пока. -

Финн сказал:

— Почему этот Джоуль так жестко с Эви? И почему Смерть предупреждает?

— Мэтью показал мне убийство Каланте, девушки Джоуля, — быстро объяснила я, — она была картой Воздержания. Джоуль был опустошен, когда она погибла. Башня, Суд и Воздержание были тем альянсом, о котором я упоминала.

Селена подняла свой лук:

— Если Джоуль хочет Эви, тогда ему придется побороться.

Как странно, что Селена теперь пытается защитить меня. Интересно, что Мэтью сказал ей.

Финн спросил меня:

— Как там силы? У тебя есть что-нибудь? Я истощен.

Селена сказала:

— И я все еще располагаю одной стрелой. Может, мы можем установить ловушки и засады?

— Сохранение и сближение, — щебетал Мэтью.

— Привет, прислушайся к себе! — я сжала виски, — мы не боремся с ними! Если нам придется столкнуться, мы должны попытаться взять их в альянс. Тогда нас будет семеро, и мы объединимся против Смерти. Никто не ненавидит его так, как Джоуль. Мы можем использовать это.

Селена смотрела на меня как на сумасшедшую:

— Или Джоуль может прикончить нас, получить наши знаки и больше силы и бороться со Смертью сам. Башня — это тяжелая артиллерия.

— Настолько, насколько ненавижу признавать это, — сказал Финн, — Селена права. Если попытаться завербовать их, пока мы слабы это будет выглядеть, словно мы пытаемся выторговать наши жизни. Мы должны пустить в них стрелы, а затем предложить милость в виде присоединения к нам.

Они были правы. Этот бизнес-альянс как моя старая группа поддержки — должна выглядеть так, словно в ней самые клевые ребята, или никто не вступит в нее.

— Мэтью, нам нужна твоя помощь. Что нам делать?

— Посмотри на мою новую обувь, — он поднял один ботинок, — Финн сказал, что я выгляжу как сутенер. — Затем он нахмурился. — Хорошая вещь?

— Да, да, но…

— Он заботился обо мне, когда ты бросила меня.

Боже, чувство вины. Быстро я сказала:

— Я думаю, ты был в безопасности с Финном больше, чем на дороге со мной! Ты

знаешь, как опасно добираться до побережья. — Но потом я поверила в это, прежде чем осознала, насколько смертельно это могло быть.

— Опасность, Императрица!

— Я понятия не имела, что Джексон потянет вас всех сюда. — Он шел за мной, желая быть со мной. Пока не стал свидетелем того, чем я была. — Дорогой, пожалуйста, можешь сосредоточиться? Что мы должны делать?

— Бороться со Смертью.

— Черт побери, Мэтью!

Селена схватила меня за предплечье:

— Ты хочешь присоединиться к этой да-любви-нет-войне фигне? Тогда убеди меня, что это вообще возможно. Ты можешь быть не в состоянии победить их, но тебе лучше выглядеть, будто это не так…

Глава 5

— Не работает! — Развернувшись на крыльце Артура, я сбросила новую парку и пакет, желая, чтобы мои когти появились. Пальцы подрагивали, но когти бездействовали. — Бесполезно. — Мои символы стали темными, указатель уровня топлива мигает Е*. — Я прошлой ночью использовала все, из своего арсенала.

(*Е мигает, когда топливо на нуле.)

Рука Селены взлетела и ударила меня по лицу.

— Какого черта? — Когда я подняла ладонь к щеке, она ударила по другой ещё сильнее.

Я почувствовала, как мои символы пришли в движение.

— Если ты не хочешь, чтобы эти карты тебя убили, тогда приступай к работе, Эви! Нужно выглядеть как Императрица из прошлого: скользкой, жуткой и сексуальной одновременно.

— Прикоснись ко мне снова, и увидишь, скользкую и жуткую.

Со своей супер скоростью, она толкнула меня прежде, чем я смогла отреагировать. Я споткнулась и приземлилась задницей прямо на свой пакет.

— Ты, сука! — Я подскочила, размахивая огромными когтями.

— Вот и все! Сделай это, сестра, или мы умрем!

Я посмотрела на свое тело, на кожу светящуюся сквозь одежду. Острые эмоции, такие как ярость и ужас всегда вызывали мои силы; Селена взбесила меня достаточно, чтобы силы совершили стартовый рывок. Я сузила глаза, глядя на Мэтью.

— Вот почему ты хотел, чтобы я была злая, напуганная и обиженная в сезон дождей?

Пустая улыбка.

Какие силы выбрать? Моим символом был цветок лотоса, шипы — моим торнадо. Блестящая лоза вилась у моего плеча, готовая распуститься и ожить, оставив мое тело, чтобы калечить и убивать. Мелкая дрожь прошла по телу, вернулся мой яд.

Я раскрыла свою ладонь, вглядываясь вниз на три шипа, которые вышли из моей кожи. Я подбросила их в воздух, наблюдая, как они распадаются в небе, образуя торнадо.

— Вот это работа. — Простонал Финн.

Вы ещё ничего не видели. Несколько ран от моих когтей на предплечье дали мне кровь, чтобы вырастить лозы. Я позволила крови капать на пальцы, роняя капли на землю. Зелень взметнулась к жизни. Когда я почувствовала, как напряглись мышцы шеи, два дуба были предоставлены моему вниманию.

— Теперь мы поговорим, девочка. — Селена брала стрелы, держа лук наготове. — Джунгли это круто!

Я осмотрела свой арсенал. Не то, чтобы приводил в оцепенение как прошлой ночью, но…

— Это то, что есть.

Мы заняли позиции на крыльце. В этом затишье в голове мелькнула мысль о Джексоне и в груди заболело. Не думай о нем, не думай о нем. Он был в безопасности вдали от нас. Сейчас мы столкнулись, возможно, со сверхъестественной битвой.

Селена спросила меня:

— Ты, правда, думаешь, что твоя добрая старая бабушка поможет тебе выйти из игры?

— Она возможно последний живой летописец. — Раньше мне было необходимо найти ее, чтобы спросить о кошмарах и галлюцинациях, о физических изменениях, происходящих внутри меня. Теперь я нуждалась в ней, чтобы помочь мне не превратиться в хладнокровную убийцу, у которой есть желание убить своих друзей. — У нее есть ответы.

Да, бабушка однажды сказала мне, что я должна «убить их всех», но она только следовала древним правилам. Факт в том, что ее внучка-Императрица оказалась неправильной. Эта Императрица не хотела иметь ничего общего с игрой.

— Как могли карты найти нас так быстро? — спросил Финн. — Эви только вчера поджарила одного из этих уродов.

Селена осмотрела улицу.

— Мы притягиваемся друг к другу, ища, возможность начать бой. Вероятно, они были близко.

— Сближение, — сказал Мэтью.

Финн вытер вспотевшие ладони о джинсы.

— Что если некоторые игроки были в Антарктике до Вспышки? Сейчас они не могут улететь или взять лодку.

Хорошее предположение, так как не было самолетов. Или океанов.

— Сближение, — настойчивым голосом повторил Мэтью. — Мы привели. Мы ведем. Нас преследуют, Макгаффин*. Альянс Башни прибывает через двадцать… девятнадцать… восемнадцать…

(Макгаффин (англ. graph-definition>

англ.

MacGuffin) — распространённый термин для обозначения предмета, вокруг обладания которым, строится фабульная сторона произведения (как правило, приключенческого жанрagraph-definition>

приключенческого жанра

)).

Пока он продолжал тихо вести обратный отсчет, Финн спросил:

— Если Башня является сильным соперником, то, что умеет этот парень?

Я пробормотала:

— Контроль над всем электричеством и молниями. У него есть серебряные копья, которые появляются в руке. Куда он бросает их, там появляются молнии. Плюс ко всему, он может наэлектризовать свою кожу.

— Четырнадцать… тринадцать…

Селена объяснила:

— Прямой удар мог бы поджарить мои внутренности, но я бы выжила. Эви была бы оглушена, возможно, достаточно надолго, чтобы взять её голову. Финн, ты и Мэтт — вы умрете мгновенно.

Финн нахмурился, морща свой веснушчатый нос.

— Это не честно! Почему мы такие уязвимые?

— Мэтт должен быть в состоянии предвидеть удар, и вы могли бы ускользнуть от него с помощью твоей магии. Но он псих, а ты слабак.

— Восемь… семь…

Это были мы: психически неуравновешенный Дурак, стреляющая, но не имеющая стрел, Лучница, Маг со спорными способностями и я, работающая на раздражении и гневе.

Что может пойти не так?

Я напомнила себе, что сегодняшняя встреча может быть первым шагом в этой древней борьбе. Я представляла себе игру как машину, в которой винтики и колесики начинают вращаться раз в несколько столетий. Я хотела обложить все её винтики динамитом и смеяться, когда он взорвёт эту машину раз и навсегда.

— Тсс. — Мэтью накрыл губы указательным пальцем. — Они здесь.

Когда троица завернула за угол, двое по земле, а третий по воздуху, мой адреналин подскочил. Но потом я заметила, что наши противники были не столь устрашающими, как я ожидала. Прилетевший Габриэль, очевидно, испытывал боль, кровь сочилась из одного его шелковистого черного крыла, стекая на серый костюм, видавший старые добрые времена. Пот из-под волос струей стекал на бледное лицо.

Как Аркан, я могла видеть его изображение, мгновенно появилась картинка, его карты Таро. Его изображением был, архангел, который нес посох и меч, и пролетал над людьми.

— Он ранен. — Пробормотала Селена.

— Смерть проткнул его крыло, — ответила я. — Прежде чем обезглавил карту Воздержание.

И Мир? Тесс Квин была пухлой брюнеткой с нервными глазами. Она вела раненого соратника за руку. Ногти свободной руки были обкусаны до мяса. Вряд ли опытный убийца.

Держу пари, что у неё контроля над своими силами, так же мало как у меня было раньше. Ее карта была Девой в полуобнаженном виде с полоской ткани вокруг бедер, а по четыре стороны от нее в углах четыре символа: Ангел, Бык, Орёл и Лев.

Но Джоуль смотрел враждебно, его темные глаза сверкали, как искры, сверкающие на его коже. Его карта была самая страшная — башня, в вершину которой ударяет молния. Два обугленных человека падают вниз вместе с обломками.

Когда они втроём остановилась перед домом, он крикнул:

— Какие виноградные лозы! Императрица, должно быть, пролила пинту крови, чтобы вырастить их! — его ирландский акцент был хорошо слышен.

— И огромные деревья тоже? Бьюсь об заклад, ты растратилась впустую. Этот торнадо на вид свиреп, но Гейб может летать кругами вокруг него. — Он поднял правую руку, и в ней появилось копье.

На это проявление неприкрытой агрессии мои когти снова начало покалывать, жар поднялся волной. Подойди, Башня, прикоснись, было на кончике моего языка. Вместо этого я вздохнула, успокаиваясь, и заставила себя сказать:

— Привет, Джоуль, меня зовут Эви.

Башня внимательно на меня посмотрел.

— И я хочу, чтобы ты знал, я сожалею о том, что случилось с Каланте. Она была храбрым бойцом. Она заслужила лучшего.

В моей голове, Смерть поцокал языком.

— Ты обижаешь меня, тварь. -

Не обращая на него внимания, я сказала Джоулю:

— Мы хотим заключить с вами союз против Смерти. Тогда нас было бы семеро, чтобы охотиться на него.

Джоуль с легкостью крутил копье. Это была очень красивая вещь, блестящая, с древними символами.

— Или я мог бы прикончить вас всех сегодня, забрать ваши знаки и забрать себе всю вашу силу.

— Я же говорила тебе, идиотка. — Пробормотала Селена.

— Мы не хотим неприятностей с вами, — произнесла я.

— Очень плохо. Потому что вы их получите.

— Что случилось с выражением: враг моего врага мой друг?

— Смерть украл у меня мою возлюбленную. Теперь я собираюсь украсть у него то, что он жаждет больше всего — твою кончину.

Реализовать это было сложнее, чем я думала и это до сих пор, выглядело так, будто мы пытаемся спастись.

— Этого не случится, Джоуль. Наш союз слишком мощный. Дурак уже предвидел, что мы победим в этой борьбе, и вы втроём умрете. — Блефую. — Мы, могли, скрыть себя иллюзиями Мага и устроить засаду для вас, но я хотела предложить альянс. Мы не играем в эту игру. Мы отказываемся, убивать любого другого игрока, за исключением Смерти. Мы можем вам поклясться в этом.

Глаза Тесс расширились, волнение отразилось на ее лице. Парящий над нами Габриэль наклонил голову, но выражение его лица было нечитаемым. Джоуль выглядел еще более взбешенным.

— Порочная Императрица дает обещания? Проблема в том, что ты никогда не держишь их. Всем известно, ты нарушаешь свои клятвы в каждой игре.

Это правда? Я кинула на Селену вопросительный взгляд, но она сфокусировалась на Джоуле.

— Ну, тогда, эта игра отличается. Мы отказываемся убивать.

— О, это так? — Его враждебность была ощутима и по непонятным причинам усилилась.

— Так и есть. — Мои надежды на союз сливались в канализацию. Сейчас я просто хотела выбраться отсюда живой. Я готовила свою армию. Я могла бы связать их лозами, давая нам время, чтобы убежать.

— Лгунья! — Закричал Джоуль. — Ты думаешь, я не могу видеть твои руки, сука? Ты уже убила! — Без предупреждения, он метнул свое копье прямо в меня.

Словно расплывчатое пятно, стрела Селены, ударила его копье, сбив с курса. Копьё попало рядом, в дом. Взорвавшись молнией, оно взметнуло над нами мусор.

Куски дома отлетели в ближайший дуб, будто удары топора, кроша его широкий ствол, посылая его боль сквозь меня. Фрагменты камней попали мне в лицо, и потекла кровь. Он напал? После того как я предложила перемирие?

Он напал… на меня? Ярость наполнила меня, и я закричала, мои рыжие волосы взметнулись, руки взмыли вверх. Корни вырвались глубоко из-под земли, проникая на

поверхность, окружая его и Тесс. Когда Джоуль направил другое копьё, виноградная лоза обвилась вокруг его талии, бросая его об землю.

Остальные корни дуба свернулись вокруг него, дерево стонало, стараясь сжать сильнее. Он бился, чтобы вырваться, но был быстро связан.

Габриэль издал боевой клич, начал пикировать атакуя, но мой торнадо заставил его развернуться.

Когда лозы как змеи окружили Тесс, она нервно вскрикнула, и закружила свой жезл над головой, как она могла бы вращать лассо. Оба, Джоуль и Габриэль, замерли, затаив дыхание.

Ничего не произошло. Она должна быть одной из самых сильных? Я подавила зевок, когда она закрутила свою маленькую палку снова. С Миром скучно, я направила свои лозы к ней. Она ударила их своей палкой, но они продолжали ползти. Потекли слезы, она сгорбилась и заплакала.

Джоуль крутился, пытаясь вырваться.

— Отпусти меня, сука!

Смерть засмеялся.

— Я знал, что эта Императрица Мира не продержится долго. Ты слишком гордишься своим… ремеслом. -

Прежде, чем я успела принять сознательное решение, я подскочила к Джоулю, ветви деревьев разошлись, пропуская меня. В состоянии близком к бессмысленной ярости, я вскочила поверх него, верви сильнее сжались вокруг груди, осторожно избегая его электрифицированной кожи. Я могла чувствовать ток, которым он бил свои путы.

— Лес. — Объяснила я. — Такой плохой проводник. — Он пытался изо всех сил, а я подняла ядовитые когти, чтобы покончить с ним.

— Похоже, ты беспомощен.

Смерть убеждал меня:

— Сделай это. Ты как-то рассказывала мне, насколько хорошо чувствовать, когда твои когти погружаются в плоть. Разве ты не помнишь? -

Тесс закричала:

— Не надо причинять ему боль! П-пожалуйста, не надо!

Крича от разочарования, Габриэль попытался ускользнуть от моего торнадо, чтобы спасти своего друга, но он был ранен и слишком медлителен.

— Pyg mo thyin, — упёртый Джоуль. — Поцелуй меня в задницу, Императрица.

— Ах, Башня, ты должен был принять мое предложение. — Мой голос был хриплым, и звучал злым. — Яд — это так болезненно.

Смерть прошептал:

— Почему ты всегда их дразнишь? Просто убей. -

Заткнись!

Хотя Джоуль был в ужасе, его тон был полон бравады.

— Сделай это. То, что я хочу, в любом случае, на другой стороне.

Я наклонилась к его голове, смакуя, как мои светящиеся символы отражаются в его испуганных глазах.

— Подойди. Дотронься. Но заплатишь… — Слова застряли в горле, потому что я

увидела…

Джексона.

Он вернулся, бежал по соседнему переулку, арбалет наготове, но, увидев меня, замер.

Мое сердце подпрыгнуло. Он не оставил нас?

Он укрылся за старым сараем в пятидесяти метрах от нас. На нем было охотничье пальто, толстовка, и перчатки без пальцев. Ремни его, такой знакомой мне сумки, были на широких плечах. Байкерские сапоги были заменены походными ботинками.

Он пополнял запасы перед тем, как вернуться ко мне! Я должна была иметь больше веры.

Рот Джексона раскрылся, когда он увидел меня. Он выглядел, как после моего боя с Алхимиком, но теперь его место на казнь было в первом ряду.

Казнь?

Это была не я. Я не убийца. Джек не оставил нас этим утром, но я знала, что если я сделаю это сейчас, я потеряю его навсегда. Я взглянула на Джоуля.

Я уже не видела злую карту Башня. Он был всего лишь ребенком, потным от страха. Я тяжело покачала головой, сдерживая ярость. Вдох. Выдох. Взгляд на Джека. Лучше.

А Джоулю, я сказала:

— Я же сказала, не хочу убивать. Единственная причина, этой отметки на моей руке, потому что я была вынуждена защищать себя. Я сделала все, чтобы не причинить вред Алхимику.

— Посмотрите сколько остроумия!

Вид того, сколько в Джоуле было ярости и желания умереть, заставил меня повторить мое предложение альянса. Хотя сегодня, я была против, привлечения этой невеселой группы в альянс, я согласна была пощадить их, при одном условии…

— Если я освобожу вас, клянетесь ли вы не нападать на нас снова?

Тесс простонала: — Дай клятву!

Габриэль крикнул: — Сделай это, Башня!

Джоуль моргая, посмотрел на меня:

— Ты пощадишь нас?

— Эта игра отличается. На этот раз Императрица не играет. Я пощажу вас всех.

Селена Мэтью и Финн подошли и стали по бокам от меня. Единым фронтом.

— Никто из нас не играет. — Я посмотрела на Селену, — не так ли?

Она вздохнула:

— Видимо мы собираемся выяснить способ убить Смерть, а затем остановить игру.

Джоуль выпятил подбородок:

— Да, тогда я клянусь, что не буду охотиться на вас. Но если и вы не будете атаковать нас.

Желая поговорить с Джеком, я сказала:

— Достаточно! — мои шипы снова упали на землю. Когти втянулись обратно. Символы поблекли. Мысленно я освободила Тесс и Башню, и предложила руку, чтобы помочь Джоулю встать.

Джоуль уставился на нее. Пробормотал — черт возьми, — но взял ее.

Когда бой был предотвращен, Габриэль спустился, и Селена опустила лук. — Архангел расколол Лучницу?

— Тебе не нужно идти линять или еще что-нибудь? — Фыркнула она.

Горестным тоном Мэтью сказал Тесс:

— Мир был сотворен не за один день.

Затем он повернулся к Джоулю. С наибольшим уважением, которое я когда-либо от него слышала, Мэтью сказал:

— Ты должен покинуть эту долину, Башня. До захода солнца.

Взгляд Джоуля скользнул по каждому из нас:

— Не проблема.

Как только Башня и его союзники оказались вне поля зрения, казалось, все стали бороться за мое внимание, тогда как все, чего хотела я — это поговорить с Джексоном.

Селена хлопнула меня по спине:

— Если бы я была хорошим человеком, который не ненавидит тебя, я бы сказала, что ты поступила хорошо.

Дубы подставили свои ветви под мои острые когти, как доноры, которые предлагают руки. Чтобы я взяла у них энергию.

У Смерти был свой комментарий:

— Ты избавила от Башни всех Арканов? Ты сошла с ума, тварь? -

Но я не обратила внимания ни на один из них, вместо этого я поспешила к тому месту за сараем, где был Джексон. Он уже шагал прочь.

— Джек, подожди, — я побежала за ним.

Он продолжал идти в сторону гор. Ту, которая вела во владения каннибалов.

Селена позвала его:

— Джей Ди! — он проигнорировал ее.

В то время как другие топтались в замешательстве, я последовала за ним.

— Что ты делаешь?

— Уношу свою задницу подальше от Реквиема. — Он бросил мне мою старую походную сумку, которая как я думала, была навсегда потеряна.

Я уставилась на нее:

— Как? — он, должно быть, забрал ее у ополчения. Я заглянула внутрь. Они украли ювелирные украшения, которые были у меня для торговли, но оставили основные запасы и флэшку. — Когда ты ее забрал?

— Вероятно в то время, когда ты думала, что я с Селеной.

Мое лицо запылало:

— Ты оставил свою сумку вчера вечером.

— Ошибка, — перехватив мой взгляд, он сказал — не повториться. — Затем продолжил

идти.

Я старалась не отставать от его широких шагов.

— Куда ты идешь? Так быстро? Так далеко от меня?

— В горы.

— Те, которые кишат людоедами? — спросил Финн, в то время как он и другие взяли свои сумки и куртки и пошли за нами. — Знаете, те, кого я видел, едят сырое мясо. Кто-нибудь меня слушает?

Я слушала.

— Мы отправимся в другую сторону, — сказала я Джеку, — через ущелье.

— Значит, ты хочешь умереть.

— И тебя это не беспокоит?

Его плечи напряглись, но он не замедлил шаг.

— Там орды Бэгменов, — его рюкзак был набит больше, чем вчера вечером, значит, он побывал на складе, примерно в шести милях вниз по дороге. — Он развернулся к другим с жестким взглядом на лице.

— Если будете идти медленно как Эви, вы будете в их владениях на закате.

Я ничего не могла сказать о своей медлительности. Я была не такая, как во время моего весеннего побега.

— Горы. Или приманка для Бэгменов. — Сказал Джексон. — Выбирая между тобой и твоим богом. Я? Я направляюсь прочь от ближайшей опасности.

Было много вещей, которые мы должны сказать, вопросов, которые следует задать.

— Веселись, Императрица. — Он усмехнулся.

— Почему ты так сердишься на меня? — Я знала, что гнев был его ответом на любую эмоцию, но он дрожал от него.

Он развернулся и подошел ко мне:

— Ты. Ты не. Правильная. Ни один и вас.

Я ахнула и покачнулась.

— Я-я не могу изменить того, кто я есть.

— Это не значит, что я должен иметь с вами дело. Тебе не нужно, чтобы я нянчился с тобой. — Он поднял толстовку, повернулся и пошел вперед.

— Ты бесишься из-за того, кто я, или что я скрыла это от тебя?

— Поровну между тем и тем. Назовем это — частично.

— Ты-ты дал обещание моей матери, что доставишь меня к бабушке!

Он бросил взгляд суженых глаз через плечо:

— Ты хочешь продолжать играть в это дерьмо со мной? Прекрасно. Постарайся идти в ногу, потому что я иду этим путем. — Он указал на горы, как будто мне смелости не хватит пойти за ним.

Будто надеясь, что я не стану этого делать.

Пока я стояла в шоке, Мэтью встал рядом со мной.

— Должны ли мы следовать за Джеком? — спросила я его.

— Я поведу вас правильным путем. Сообщу, когда вы сойдете с него. — Он пробежал

мимо меня, вслед за кайджаном.

Было ли это правильным решением? Все смотрели на меня, будто я была их лидером.

— Мы пройдем по краю, — заверила я Финна и Селену, — идем на юг к границе, а затем срежем в сторону Северной Каролины. Мы не будем углубляться в горы.

— А если мы заблудимся? — спросил Финн? — там тысячи мин. Все заселено каннибалами, как холмы муравьями. Я говорил тебе, что никогда не пойду через Аппалачи снова.

— Я следую за Мэтью. — Джексон не имеет ничего общего с моим выбором. Вранье, Эви.

Селена почти смогла скрыть облегчение, что пока мы будем идти с Джеком. Финн почти скрыл страх. Впереди в нескольких шагах от Мэтью он поймал каплю дождя на язык.

— Идем…

В течение следующего получаса мы блуждали по сгоревшему городу-призраку, никого не встречая и никого не ожидая. Мы проходили через груды тел, оставшихся после Вспышки. Лишенные одежды, они были похожи на сложенные манекены.

Я посмотрела в сторону гор, к которым мы направлялись. Внизу они когда-то были покрыты лесами. Выжженные Вспышкой деревья представляли собой обугленные стволы, напоминающие стволы линий электропередач без проводов. Земля была покрыта пеплом.

Пепел. Сожженные Вспышкой остатки деревьев, животных и людей. Я вздрогнула, вспомнив, как я боялась этого. Когда начался Апокалипсис, он кружился в бурях и образовывал кучи, снова меняя свой вид и расположение.

Низко стелящийся туман заливал ближайшие горы, крадучись вокруг их оснований. Когда он накрыл нас, то зловещее ощущение, которое появилось раньше, только усилилось, хотя я думала, что уже привыкла к нему.

Когда я уже собиралась сказать остальным, что план нужно пересмотреть, Бэгмены закричали позади нас. Вперед, Эви.

Что ожидает нас в тех темных холмах?

Глава 6

За нами наблюдали.

После многочасового подъема в гору по грязи, мы не встретили никого, ни Арканов, ни кого-либо, похожего на каннибалов. Ни один из их позывных не прозвучал рядом. Не было и Бэгменов; мы могли слышать их крики в долине, расположенной ниже. Их сдерживало заходящее солнце.

Пока.

Поскольку день клонился к вечеру, мое предчувствие нарастало. Я тащила задницу, пыхтя и отдуваясь, едкий запах сожженных деревьев разъедал нос. Хоть я и занималась танцами в течение многих лет, но по сравнению с ребятами и Селеной, моя выносливость была смехотворна. Продолжающийся дождь создал условия, чтобы влага, пепел и грязь превратились в клейкую массу.

Я падала так много раз, что мои руки и волосы были покрыты комками грязи. Органические останки. В моих волосах.

Финн шел немного впереди, Мэтью рядом со мной, как лоцман. Селена и Джексон ушли далеко вперед, когда мы направились в соседнюю долину на юге. На карте, в этой долине располагался город, должно быть мы направлялись к нему. Джексон должен быть рад.

Так много всего произошло за последние двадцать четыре часа, я изо всех сил пыталась обдумать все это. Поражение Артура, возвращение некоторых из моих воспоминаний, разборки с Джексоном, сны о Смерти.

Признание Джексона, о том, что он обо мне думает.

Селена попала в самую точку, когда сказала, что он почувствует отвращение. Я все бы отдала, чтобы только поговорить с ним, объяснить, что я была не права, что если бы у меня был выбор, я бы никогда не причинила ему боль. Что выбора не было вообще.

— Ты там в порядке, Эви? — спросил Финн с озабоченным видом. — Может быть, мы остановимся на минутку.

— Я в порядке. — Я умираю! — Мы должны двигаться дальше. — Я бы отрубила свою правую, отмеченную знаком, руку, чтобы остановиться. Нам никогда раньше, не приходилось бороться с грязью. Я надеялась, что это замедлит любого Бэгмена или Аркан, который решит преследовать нас.

— Хорошо. Круто. — Он пошел вперед, как если бы я сказала ему правду.

Я едва могла говорить, но вопросы кружились в моей голове. Прерывисто дыша, я сказала:

— Мэтью, прошлой ночью мне снился сон о прошлом, когда Смерть проткнул мечом Императрицу. Ты послал мне этот сон?

— Да.

— Почему именно сейчас? Я уже узнала о своих способностях. Я использовала большинство из них вчера и сегодня.

— Научись побеждать Смерть. Ты будешь сражаться с ним своими силами.

Императрица в моем сне была не в состоянии воспользоваться своими способностями. Есть чему учиться для меня.

— Все эти сны мне знакомы, но именно в этом, я могла чувствовать, как меч Смерти входит в мое тело.

— Ты чувствовала это.

— Да, это то, что я только что сказала.

Он кивнул, легко шагая рядом со мной.

— Ты чувствовала, это в прошлой жизни.

Я повернулась к нему, уцепившись за слова: «Прошлая жизнь». Он никогда не говорил мне, что мои кошмары были на самом деле обо мне.

— Ты никогда не говорил, что мы перевоплощались.

Конечно, он никогда не говорил и того, что мы не перевоплощались. Разве я не подозревала? В видениях, которые показывал мне Мэтью, Императрица была так ужасна, что я назвала ее красной ведьмой.

Но почему не все ее деяния я чувствовала, как воспоминания?

— Императрица, в этот раз, обладает чувством юмора, — сказал Мэтью, повторяя комментарий, который он сделал неделю назад.

В этот раз. Потому что я была той же картой, просто другой версией. Сотни лет назад она была порочной убийцей.

Я не была чем-то меньшим, чем Артур.

Я прижала руку к своему животу. Я перенесла этот удар в прошлой жизни. Было ли это тем, что ждет меня в нынешней?

— Императрица из сна прошлой ночью, кажется, отличается от той, которую я видела еще до Вспышки. Той, которая использовала морские водоросли, чтобы уничтожить галеоны и уничтожала целые деревни.

— Возвращаешься все дальше и дальше, — сказал Мэтью. — К двум предыдущим играм. Ты была тогда Королевой Мая. Красная ведьма была Повелительницей растений. Ты — Принцесса яда. Ты и все они: Леди лотос, Хозяйка Флоры, Леди Шипов.

Он называл мне, эти имена и раньше, но я не думала, что так звались разные Императрицы.

— Зачем возвращаться в другую игру? Я уже видела сны — воспоминания — о Красной ведьме. Или Повелительнице растений, или кто она там.

— Смерть впервые встретил тебя тогда.

— Ты имеешь в виду Смерть в этой реинкарнации? — Его настоящая жизнь началась тысячи лет назад. Я могла бы вернуться, как три различные Императрицы с тех пор, а он просто жил, проживал год за годом, игру за игрой. — Ладно, я поняла, почему ты хочешь, чтобы у меня были эти воспоминания. Тогда почему ты дозируешь эту информацию, Мэтью? Почему бы просто не показать мне сразу все воспоминания?

— Я так и сделал. Показал две игры. Твой ум сопротивляется. Сны смягчаются. Защитный механизм.

— Подожди… — Я изо всех сил старалась не отставать физически и умом. — Так что, у меня есть все воспоминания из двух игр, я просто должна увидеть их? Почему я не могу увидеть их все сразу?

Он посмотрел на меня снисходительно.

— Тогда ты станешь, как я. Сумасшедшей. Слабой для Смерти.

— Поэтому ты все время рассказываешь мне. А он случайно не знает о моей слабости?

— Так же хорошо, как и свое лицо в зеркале. Обрати внимание на свои сны. Я у него в кармане, так что он в моих глазах.

Это был не первый раз, когда Мэтью сказал мне это, но я не понимала его. Теперь я поняла. Смерть мог видеть меня через глаза Мэтью, так что он всегда знал, что происходит со мной. Хотя я так и не поняла, как Смерть может проникать в мои мысли. Наш последний обмен был во время подъема сегодня утром:

— Ты заслужила каждую секунду этих страданий и страха, тварь. -

— Ты знаешь, куда можешь засунуть свою косу. -

Одно дело, слышать мысли других, или вести тихий разговор с Мэтью. Но слежка Смерти нервировала меня до чертиков.

— Как может Смерть слышать мои мысли?

— Через коммутатор.

Ссылаясь на комментарии Селены, о помехах в частотах Мэтью, я спросила:

— Считываешь ли ты частоты наших позывных и мыслей?

Я бы назвала его радаром Арканов. Может быть, действительно был коммутатор Арканов. С нервным смешком, я спросила:

— Не ты ли тот оператор коммутатора?

Как будто разговаривал с ребенком, он сказал:

— Я — Дурак.

— Тогда как мы связаны между собой?

— Через меня. Оператора коммутатора. Дурак — хранитель игры.

Я вспылила:

— Но ты сказал мне, что ты не был… — Я замолчала. Или он на самом деле не отрицал того, что был? — Таким образом, это одна из твоих способностей?

Неудивительно, что он так часто путается.

— Ответственность.

— Необходимо разорвать этот цикл, Мэтью! — Я думала, что чтение мыслей, было просто одной из способностей Смерти. И тут я вспомнила, что Жнец говорил мне однажды: «Matto помнит свои долги. Он покажет тебе меня…»

— Внутренние голоса важны, — настаивал Мэтью.

— Зачем ты позволяешь ему быть в моей голове? — Я не могла понять этого. — Пару недель назад, он сказал что-то о твоем неоплаченном долге? — Ничего. — Ты ведь слышишь все мысли?

— Смерть хочет только тебя. Смерть, обладает Жизнью. Я у него в кармане.

— Итак, позволь мне спросить тебя прямо. Ты подключаешься к мыслям Арканов. Ты позволяешь Смерти связываться со всеми нами. И ты предоставил ему доступ к моему мозгу потому, что у тебя кое-какие долги?

Мэтью предложил мне обугленную сосновую шишку.

Терпение!

— Ты же понимаешь, что смерть всегда будет знать то, что мы планируем.

— Его не волнует то, что мы планируем. Не больше, чем, если бы ты волновалась, что каннибал планирует взорвать муравейник. Он смеется над нашими планами.

— Я не хочу пускать убийцу в свою голову!

Мэтью замедлился, глядя на меня с таким выражением, что стал казаться гораздо мудрее своих лет.

— Я делаю вещи, если для них есть причины.

Посмотрев в сторону, я сказала:

— Я должна сказать другим. Это огромная слабость! Я не могу заключать альянсы против врага, когда он знает все наши ходы наперед.

— Ты ощущаешь его присутствие. Изучи, когда он дома. Смерть знает мой взгляд. Изучай его.

— Я могу научиться определять, когда он следит? — Когда Мэтью показал мне последнее видение Смерти, сражение Джоуля и его друзей, Жнец почувствовал нас. А я не ощущала тяжести его взгляда? — А до тех пор, как я могу знать, что Смерть не будет пытаться помешать мне, добраться до бабушки? — Спросила я, надеясь, что Мэтью может подтвердить, что она еще жива.

— Смерти скучно. Он не верит в нее, так как ты.

— Можешь ли ты сказать мне, она в безопасности?

— Что такое безопасность, — сказал Мэтью, глядя на свою руку. Тема закрыта.

Она должна была быть живой. Я должна была верить, что если Мэтью заботится обо мне, то не позволит мне тратить время на бессмысленную затею.

— Почему у Смерти такой интерес ко мне? Есть ведь и другие карты, чтобы их терроризировать.

Пожатие плечами.

— Ты знаешь, но не говоришь мне.

Улыбка.

— Сумасшедший, как лиса!

— Мэтью, давай… — на некотором расстоянии от меня, справа, обломилась ветвь. Я дернулась, оглядываясь кругом, но ничего не увидела. Липкое чувство подползло к моему затылку.

— Неужели за нами все время следили?

Он уставился на меня.

— Почему бы и нет?

— Мы в опасности?

Он усмехнулся, показывая указательным пальцем на меня.

— Чувство юмора.

Да, я понимаю, что мы никогда не были в безопасности. Я продолжала идти вперед.

— Джексон собирается оставить нас? — Как только я спросила это, я пожалела, что потратила дыхание на вопрос.

Я знала ответ на него.

Приняв решение, он тащился вперед, подняв капюшон своей толстовки. Весь день выражение его лица колебалась от ярости к еще большей ярости. Как будто у него получалось становиться злее, заново каждые несколько минут.

Он не говорил со мной, но также игнорировал Селену и Финна. Да, он все мысленно рассчитал. Я полагала, что он планировал «испариться», как только мы дойдем до следующего города.

— Следовало бы сказать до свидания. Арканы и не-Арканы плохо смешиваются. — Вздохнул Мэтью. — Ди-ви-о смотрит на тебя, когда ты не видишь. Охотник. Наблюдает. Ты ангел на вершине елки, которого он никогда не сможет достичь. Подарок, который он никогда не сможет развернуть. -

Кто бы мог подумать, что я буду слушать бред Мэтью. Я точно нет.

— Вся его жизнь — одни фальшивые лица. Родился с фальшивым лицом. Ты показала ему свое.

Джексон еще носит шрамы своего нищего детства. Его отец отказался платить алименты, или даже признать своего обездоленного сына. Его мать была алкоголичкой, которая развлекалась с пьяными любовниками. Те люди, злоупотребляли ею и избивали Джексона, учили его никому не доверять.

Учили его быть жестоким и общаться с помощью кулаков. Все, что он когда-либо знал, было обманом и насилием.

Как же он мог не увидеть меня лживой и жестокой? У него на глазах, я превратилась в ядовитого монстра — того, кто, смеясь, чуть не перерезал горло некоему тощему ирландскому мальчику.

Мэтью сказал:

— Меньше думай о Ди-ви-о, больше об игре.

Взбираясь вверх по крутому склону, я обдумывала все то, что помнила о картах. Вчера вечером, когда я смотрела на свой новый знак, воспоминания о моей бабушке затопили меня волной. Они все еще были фрагментами, но со временем все более сформировывались. Я пыталась вспомнить, рассказывала ли она мне об игроках, которые могут контролировать животных, как я контролирую растения. Я вспомнила карты, которые могут контролировать элементы.

Её голос казался эхом в моей голове:

— Учи карты. Запоминай их. Каждый символ имеет свою причину, чтобы находиться там, Эви. Они расскажут тебе об игроках.

Как же я хотела, чтобы у меня в руках была колода. Я знала, у карт было полным-полно точек соприкосновения, общих тем. На некоторых картах были изображены животные, на некоторых — растения. На других вода или огонь.

Я помню, как бабушка напевала, перетасовывая её колоду, готовясь расспрашивать меня.

— Какие карты лучшие завлекатели?

Я щебетала:

— Верховный жрец, Любовники. И я!

— Самый сильный телом?

— Дьявол! Дьявол самый сильный!

Не удивительно, что моя мама была напугана.

Финн дожидался нас наверху.

— Эви, я хотел еще раз извиниться, что принял облик Джека, случайно обманул тебя и заставил бежать и за все это. Прости меня?

Злилась ли я еще? Я постаралась увидеть светлые стороны. Хорошо, да, я без сомнения порвала с Джексоном, без возможности примирения, я — убийца, и скрываюсь от орды зомби.

Но… Я вспомнила об игре Арканов, я спасла трех — ну, двух — девушек и, возможно, жизни других, которые попали бы в ловушку Артура. И я научилась контролировать свои силы.

Это все смыло. Затем я вспомнила, как Финн присматривал за Мэтью последние два дня.

— Я принимаю твои извинения, Финн. Только не повторяй этот трюк снова.

Дальше, впереди Джексон остановился передохнуть, отпил из фляги. Он смотрел вниз с горы. Боже, такой высокий и гордый. Такой сильный. Его грубые черты были полны достоинства.

Мы были так близко, и все же я скучала по нему.

Финн поймал мой взгляд:

— Я знаю, сейчас все, что касается его, кажется невозможным, но он придет. Он сошел с ума, когда ты пропала.

— У него есть характер — что не удивительно, учитывая его трагическое происхождение.

— Нет, Эви. Он был… безумен, потерял контроль. Словно Халк в кабине грузовика. Когда он понял что отсутствие транспорта единственное, что удерживает его от тебя, он ворвался обратно в лагерь ополченцев, шагая под градом пуль. Чувак не уклонялся, не обходил, просто шел, убивал, взял джип.

Мои губы приоткрылись, когда я посмотрела на Джексона в изумлении.

— Он любит тебя. — Настаивал Финн.

Как будто чувствуя, что является предметом нашей дискуссии, Джек бросил на меня насмешливый взгляд через плечо, а затем двинулся дальше.

— Конечно.

— Это так. Причина, по которой при нем не было его сумки, когда он отъезжал вчера вечером — потому, что он не думал о своем выживании — только о твоем.

Я взглянула на Мэтью, который коротко кивнул мне: это правда.

— Ему просто требуется время, чтобы привыкнуть к мысли, что у тебя есть силы. — Финн склонил голову к моему лицу, которое, как я знала, было раскрасневшимся от напряжения и грязным от органических останков. — Его подруга превратилась из кролика в змею. От горячей попки, к курящей монстрессе.

Я подняла брови:

— Курящей? Я была омерзительной.

Финн помог мне перебраться через бревно.

— Когда ты превратилась в Эвизиллу, у меня был стояк, размером с… ну, что-то большое и определенной формы, образно выражаясь.

Мои щеки нагрелись еще больше, но я не слишком верила в то, что Финн сказал. Он не сильно разбирался в девушках.

— Ну, Джексон так не думает. Он списал меня со счетов. У него просто сильное чувство любопытства. Он умный, любит головоломки, покопаться в тайнах. Тем не менее, не задал ни одного вопроса о нас, обо мне? Это потому что мы больше не часть его жизни.

Я помолчала, немного переводя дыхание. Одну вещь я должна была знать:

— О чем ты думал, когда обманул Селену в ту ночь? Стоило ли этого одного поцелуя?

Финн запустил пальцы в волосы:

— Черт, нет. Я перешел границу.

— Думаешь? Ты не должен относиться к девушкам так.

— Я знаю, знаю. Но иногда я чувствую, потребность обманывать других.

Мэтью пропищал:

— В его крови.

Финн нетерпеливо кивнул:

— Чем больше я использую мои иллюзии, тем больше мне хочется. Я становлюсь дерганым, если не делаю этого. Это было одной из причин, почему меня отправили из Южной Калифорнии в Южную Каролину жить со жлобом-кузеном — из-за шалостей над родителями.

— Например?

— Моя мама испугалась, когда проснулась с розовым ястребом и видела его весь день до ужина. Мой папа, вот странно, не думал, что забавно видеть клоуна с окровавленным топором в бассейне нашего дома. Они не знали наверняка, что это я, но знали, что что-то происходит и не могли справиться с этим. И все же я не мог заставить себя остановиться. Это похоже на принуждение.

Я бросила на него удивленный взгляд.

— Чем больше я использую свои силы…

Я замолчала.

— Тем больше ты хочешь убить нас, — закончил за меня Финн.

Я пожала плечами, как всегда это делал Мэтью. Но этот разговор заставил меня задуматься: мог ли Мэтью мыслить более ясно, если бы избавился от видений? Когда всё стихнет, надо попросить его попробовать.

Беречь наши силы — мудро в любом случае. Наши возможности не безграничны. И Финн и я — мы оба — исчерпали себя, и нам необходимо восстановить силы. Я посмотрела на Селену, которая с легкостью перепрыгнула через вымоину. Что случится, если она использует слишком много, запуская свои стрелы? Каковы её слабые стороны?

Меняя тему разговора, я сказала Финну:

— Похоже, иметь проблемы с родителями это черта любого из Арканов. И они намного серьезней, чем парочка ссор из-за комендантского часа.

Было ли это нашим проклятием, быть не понятыми нашими родителями? Моя любимая

мама, упокой господь ее душу, отослала меня в психушку. Мама Мэтью пыталась утопить его. Даже Артур говорил, что растворил своего отца в кислоте.

Я услышала, как хрустнула другая ветка, на этот раз слева от меня. Я повернула голову, но споткнулась. Подскочив, мне удалось остаться в вертикальном положении. Впереди, Селена остановилась, наклонив голову. Тоже что-то почувствовала? Она погладила пальцами последнюю стрелу, которую она забрала, прежде чем мы оставили Реквием. Но спустя мгновение, она продолжила путь.

Взгляд Финна был устремлен на неё.

— Я знаю, чего тебе это стоит, мне жаль, что так получилось с Селеной, — сказала я, — я знаю, как сильно она тебе нравится.

— Нравилась. Прошедшее время. Одно дело любить девушку, которая хочет другого парня. И совсем другое, девушку, которая планирует тебя убить, в удобное для неё время.

— Она сказала, что воспитывалась для этого. Полагаю, она ничего не может с этим поделать.

Я не могла поверить, что заступаюсь за Селену. Я повернулась к Мэтью:

— Что ты рассказал ей, чтобы она приняла мою сторону?

— Будущее. Если она убьет тебя, Смерть воткнет её же стрелу ей в глаз.

— Такой милый парень.

Капли полетели мне в лицо. Дождь пошел сильнее, похолодало, в воздухе появился пар от нашего дыхания.

— Мэтью, ты сказал мне, что мы станем слабее, когда начнется дождь. Ты говорил мне: «Ты никогда не знала настоящего ужаса, но узнаешь, когда пойдут дожди». Как? Почему?

— Солнечно и зелено? Ты разрушительна. Сейчас? — Он покачал головой. — Силы. Стоп. Начинать. Сажать. Растения без солнца слабы. Ты уже это чувствуешь. Плюс, препятствия будут быстрее, сильнее. Противники смеются над тобой.

Свои видения Мэтью разделял на четыре категории: арсенал, противники, поле битвы, и препятствия.

— Какие препятствия? — нет ответа. — По крайней мере, скажи мне, как долго продлится дождь.

— Пока не пойдёт снег. — Как будто это ответ на всё.

— Когда это случится?

— Армия мелет, вращая ветряные мельницы. Тот, кто научится больше, победит остальных.

Что бы это ни значило. Мэтью не мог накапливать информацию, и он не мог торопить предсказания.

Когда я увидела, Джексона и Селену, остановившихся впереди на вершине, я чуть не застонала от облегчения. А солнце скоро сядет. Может быть, рядом есть какое-нибудь убежище?

Как только мы подошли к ним, я изо всех сил попыталась спрятать, насколько я была уставшей. Судя по глазам Джексона, у меня никого не получилось обмануть.

— Я не… сказала ни слова. — Я выдохнула. — Не… жалуюсь.

— Нет, ты никогда этого не делаешь. — Поколебавшись, пробормотал он.

Это звучало почти не жестоко.

Отсюда, мы могли видеть внизу Реквием, весь путь до склада. Как Джексон и сказал, он был переполнен зомби. Они выглядывали из дверных проемов, ютились в нишах. Некоторые, невзирая на день, сновали туда и обратно в укрытие. Как будто проверяли солнечный свет.

— Это только мне кажется, или они выглядят быстрее? — Спросила Селена.

Я кивнула.

— Что движет ими? Что заставляет их двигаться в таком исступлении?

— Жажда крови. — Сказал Мэтью.

Финн покачал головой.

— Я думал, они перешли на кровь, потому что вокруг не было никакой воды.

— Дождь означает, что они всегда будут достаточно сильны, чтобы выслеживать кровь. Новая батарейка.

— Ты шутишь — Я сжала свой лоб. — Они предпочитают кровь? — Дождь будет их энергией. Конечно, препятствия будут быстрее, сильнее. Больше мы не увидим их останков на обочинах дороги.

— Они будут придерживаться темноты?

— Понравился вкус Алхимика. — Ответил Мэтью. — Забрать пятерых из нас. Больше крови на мили и мили. Готовится охота.

Даже учитывая наши силы Арканов, нас было мало против многих Бэгменов. У Селены была одна стрела. Финн мог скрыть нас, но зомби просто следовали бы по нашему запаху. У Мэтью не было никаких атакующих сил.

А я? Я плохо сражаюсь на бегу, а тем более с силами, которые пропадают и возникают в зависимости от настроения.

— В чем дело, Императрица? — Джексон смотрел на мою грязную правую руку, на мой знак. — Почему ты выглядишь испуганной, ты? Ты можешь просто убить их всех. — Не жестокое настроение, которое было ранее, прожило не долго.

Я устало выдохнула.

— Нет. Нет, я не могу.

— В любом случае не похоже, что ты можешь умереть.

Мэтью покачал головой.

— Она может умереть. Смерть видит ее.

— Можешь на это рассчитывать. — Прошептал Смерть. — Ты окажешься под моим мечом в течение недели. -

Глава 7

ДЕНЬ 249 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

— Итак… У кого-нибудь ещё появилось чувство обреченности? — спросил Финн с полным ртом, жуя батончик «Мейдей», — я имею в виду, больше, чем обычно. А может быть, кто-то почувствовал, что за нами наблюдают?

Стуча зубами, я сказала:

— О да, — мне тоже так казалось, с тех пор как мы покинули Реквием два дня назад.

Ту, первую ночь, мы провели, на несколько несчастных беспокойных часов, ютясь в укрытии скал. Этой ночью, после того как мы бродили вокруг почти вслепую, в темноте, Джек наткнулся на охотничий домик. В общем, это была металлическая хижина около пяти футов высотой, с облупившейся краской и одним открытым концом.

Когда мы все расселись в том, что он «нашел», Джек посмотрел с нетерпением на небо, но ничего не сказал.

Внутри было достаточно места для всех нас, у каждого было немного пространства, если бы он попытался встать. Это позволило нам избежать дождя и предоставило некоторую защиту до рассвета.

Мы поставили наши жизни, на то, что Бэгмены не смогут догнать нас до этого времени.

Я потянула за свои волосы, пытаясь немного успокоиться.

— У меня з-зловещее п-предчувствие.

Финн создал очередной иллюзорный фонарь для нас. Я могла поклясться, что ночи становились длиннее, и даже, несмотря на то, что мы передвигались в летние месяцы, температура продолжала падать.

Однажды солнце забудет подняться?

Несмотря на то, что все мы были мокрыми и замерзшими, кроме Селены с ее идеальной верхней одеждой, мы не стали разжигать огонь. Была бы у нас сухая растопка, возможно, но любые влажные дрова будут дымить, как сумасшедшие, а у нас на хвосте все еще были Бэгмены.

Весь день мы задавались вопросом, могли ли Бэгмены передвигаться, в таком темпе, как и мы. Из того, что я поняла, они не излечивались от травм, а большинство из них было создано в ночь Вспышки. За восемь месяцев, они должны были поизноситься.

Если только они не были вновь созданными от заразного укуса Бэгмена.

Пятнадцать часов назад, на рассвете, Селена спускалась туда и провела разведку. Ее оценка?

— Их еще больше.

Я спросила ее:

— Куда они уходят, чтобы провести день? — Хотя день был и пасмурным, он до сих пор был ярким. И мы не встретили по пути ни одного дома, только миля за милей сгоревший лес.

Она поколебалась, потом сказала:

— Они зарываются. В грязь. Хорошей новостью является то, что если какой-нибудь Аркан надумает следовать за нами, его будет ожидать адский сюрприз.

Как минное поле из Бэгменов. Я вздрогнула от этого образа. И всю остальную часть дня, с каждым своим шагом задавалась вопросом, не наткнусь ли я на Бэгмена.

Сейчас Селена призналась:

— У меня то же чувство, что и у вас двоих. Что нас преследуют, как охотники оленя. — Пощипывая тетиву, она призналась, — я не привыкла быть на этой стороне.

Я посмотрела на Джексона, сидящего за пределами нашего круга, рядом с открытым выходом, с краю. Он сказал мне, что ничто не может застать его врасплох, и в течение последних нескольких недель так и было.

Он остается с нами, потому, что ему с нами по пути, или потому, что он вынужден сдержать обещание, данное моей матери? Поскольку он отказывался разговаривать со мной, я не могла себе представить, как он все это переносит. Мэтью сказал, что он сгорает от любопытства. Сегодня вечером я почти физически ощущала его интенсивность.

Хотя Джексон не задал ни единого вопроса, кроме вопроса о своей стороне, я предположила, что он слушает, изучает. В течение дня, я ловила на себе его взгляды снова и снова, выражение его лица, менялось от ярости к… замешательству.

— Мэтью, ты чувствуешь что-нибудь?

В ответ он изучал свою руку. Он тоже задумался над чем-то. Я хотела, чтобы он поговорил со мной, даже если я мало что пойму из того что он скажет.

Я вложила половинку моего батончика «Мейдей» в его руку, сжимая своими пальцами в перчатках его пальцы, до тех пор, пока он сам не стал держать батончик. В конце концов, он взглянул вниз, явно удивившись, обнаружив его в своей руке. Но съел.

— Кто может следить за нами? — спросила я.

— Не Бэгмены, — сказала Селена. — Они бы просто напали на нас. Каннибалы?

Финн покачал головой.

— Они не охотятся далеко от дома.

Мы проходили один из тех участков, которого нет на карте Селены. Там была выжжена дыра. У меня было такое чувство, будто мы стерлись с лица земли. Читай: здесь были драконы!

Но если мы будем подальше от шахт и орд Бэгменов, то я готова идти.

— Мы ведь услышим позывные других Арканов, не так ли?

Внезапно Финн резко оглянулся через плечо. Мы все напряглись и уставились в открытый конец хижины в том же направлении, все одновременно, как сурикаты*.

(Сурикаты — вид млекопитающих из семейства мангустовых.)

Он пробормотал:

— Все, что хотелось бы мне, это здесь запереться.

— Слушай, слушай. — Пытаясь отвлечься от своей нервозности, я обратилась к Селене.

— Если ты так стремишься к союзу с нами, почему бы тебе не рассказать нам, все что ты знаешь?

Со снисходительной улыбкой, она открыла сумочку и достала колоду карт Таро.

— У тебя все время была колода! — В такие моменты, как этот, я могу увидеть привлекательность игры.

Она пожала плечами, укладывая их поверх своего тепло-отражающего одеяла.

— Если ты хотела быть моим союзником, зачем было держать это в секрете? —

упорствовала я.

— Из-за твоего я-не-помню-игры, которым ты кормила нас. Я думала, что ты лжешь. — Она раскладывала карты в крестообразном порядке, так же, как делала бабушка. Как только я увидела Таро, в моей памяти пробудились воспоминания, возрождаясь, как маки, пробивающиеся сквозь слой снега.

Пытаясь привлечь Мэтью в наш разговор, я сказала: — Смотри сюда Мэтью.

— Я указала на его карту; на ней был изображён молодой человек, который улыбаясь, шёл по пустынной земле, неся мешок и белую розу. За ним бежала лающая собака.

— В месте, где ничего не растет, я несу цветок. Память о тебе. — Мэтью склонил голову на бок.

Я улыбнулась ему.

— Это так мило.

— Это буквально произошло. — Он нахмурился.

— О.

— Это очень похоже на образ, который я увидел, когда мы встретились в первый раз. Он вспыхнул над ним. — Сказал Финн.

Я кивнула.

— У всех нас было такое. Они называются картинами.

Финн поднес карту к лицу Мэтью, ища сходство.

— Ты выглядишь каменным, Matto.

Мэтью вздохнул с удовлетворением.

— Спасибо.

Я подняла карту Селены. — Луна. — Ее изображением была светящаяся богиня охоты.

Выражение лица Финна потемнело.

— Не интересует. Следующая.

Селена посмотрела на него.

Я вытащила еще одну карту. Молния бьет в башню.

— Ребята, вы уже знаете, Башню, приятного ирландца, который был так рад встрече. А вот Смерть. — Я указала на карту в своих руках. Жнец был одет в черные доспехи, с косой наперевес, верхом на коне, бледный со злыми красными глазами. В руке он держал черный флаг, украшенный белой розой.

— Иисусе. Этот чувак настоящий? — пробормотал Финн. Он скомкал обертку от «Мэйдей» и бросил ее в тень. — Так в чём заключаются его способности?

Все посмотрели на меня, ожидая ответа. Даже Мэтью, как будто этот вопрос относился ко мне.

— Он всадник на коне, со сверхъестественной скоростью и силой. Он использует два меча и может махать ими так быстро, что они кажутся призрачными. Его броня неуязвима, даже для моих когтей. Он бесстрашен. В одном из видений Мэтью, я видела его идущим под ливнем из молний Джоуля, как будто ничего не было. — Таким я представляла себе Джексона, идущего под шквалом полицейских пуль. — Его прикосновение смертельно. — И

он мог читать мои мысли несколько недель. Хотя я его не обнаружила и до сих пор не чувствую.

— Слабые стороны? — Спросил Финн.

— Одна, — ответила Селена. — Императрица.

— Да, это то, что я постоянно слышу, — сказала я.

Финн нахмурился.

— Если он воин с мечом то, что помешает ему срубить твои деревья, проскакав как Поль Баньян* за твоей задницей?

(Поль Баньян — вымышленный гигантский дровосекgraph-definition>

дровосек

, персонаж американского фольклора.)

Джексон придвинулся ближе к нам? Ко мне?

Селена сказала:

— Должно быть ее яд.

— Но как я смогу приблизиться к нему достаточно близко, чтобы отравить, не дав себя зарезать? Как мне пробить его броню?

Селена пронзила меня своим взглядом.

— Нам придется это выяснить, если мы хотим жить.

Через некоторое время я отвернулась.

— Подумать только, а я ещё сочувствовала ему.

— Мне не нужно твое сочувствие, тварь! -

— У тебя больше его нет! -

— Я скучаю о времени, проведенном с тобой, скучаю, о прикосновениях к тебе. -

— Потому что ты убиваешь своим прикосновением. Ты больной! -

— Эви? — Финн щелкнул пальцами перед моим лицом.

— Что? Что ты сказал?

— Твоя карта. — Он поднял ее.

Императрица сидела на троне с широко раскрытыми руками. На заднем плане были покатые зелёные и красные холмы, как растения и кровь. Недалеко каскадом падает вода.

— Ты выглядишь устрашающей. И сексуальной.

Я собиралась сказать, что это не я. Но это была я, в прошлой жизни.

Финн показал карту Джексону и его хмурый взгляд скользнул с карты на меня и обратно.

— Итак, у тебя есть ядовитые когти, — сказал Финн, — цветок лотоса появляется на твоей ладони, парализуя людей, и торнадо из шипов, а также твоя кровь возрождает мёртвые растения. О, и твои раны регенерируются. Я что-то упустил?

Токсичные споры в моих волосах. Я могла бы убить ими целый город. Услышав, как кто-то другой перечисляет это, я почувствовала себя еще большим уродом. Я посмотрела на Джексона, мечтая, чтобы он понял, что никому не захочется быть монстром, которого все боятся. Черт, даже такой злодей, как Смерть называет меня тварью.

Одна из хороших вещей, происходящих с Императрицей? Когда я сражалась, моя ярость раскалялась добела, не оставляя никаких сомнений.

Теперь же, когда Джексон наклонил голову в мою сторону, я была опустошена этим.

Селена радостно добавила:

— Она может также гипнотизировать парней. — Раскрывая этим, без сомнения, выгоды для Джексона.

Он сузил глаза, выражение его лица говорило: Сучий выродок! Это многое объясняет.

Финн выглядела возбужденным.

— Гипноз? В самом деле? Это объясняет жуткий позывной твоего Аркана. — Хриплым голосом Финн произнес: — Подойди, прикоснись… но заплатишь свою цену.

Джексон горько усмехнулся.

Хотя руки Императрицы на карте были подняты в приветствии, ее взгляд был угрожающим, как если бы она призывала прямо в этот момент. Неужели это действительно было ее-моей гипнотической способностью. Привлечь, соблазнить, чтобы потом нанести удар.

— Гипноз — это не то, чем я занимаюсь каждый день, — поспешила объясниться я. — Только, когда я полностью вхожу в роль Императрицы. Это не всегда срабатывает и, в любом случае, ненадолго. Я пошла ва-банк против Алхимика, а он по-прежнему стремился нарезать мой язык, и замариновать его в банке!

Селена кивнула.

— Угу, ты скажешь что угодно, Эви.

Я повернулась к ней.

— А как насчет тебя, La Luna? Ты способна сеять семена сомнений и заманивать людей к себе луной! Остерегайтесь ловушки. Ты устроила ловушку для меня в своем доме в Джорджии, но так как со мной был Джек, так и не атаковала. Ты знаешь, я держу пари, что этот дом даже не был твоим. Я не видела ни одной твоей фотографии на стенах.

Она повторила то, что уже сказала однажды:

— Докажи.

Все смолкли.

— Как насчет твоих слабостей? — наконец спросил меня Финн.

Снова Селена с радостью ответила:

— Когда рядом нет растений, чтобы подпитывать её энергией, она быстро истощается, а тем более, если она использует кровь, чтобы оживить или создать растения. Ей необходимо солнце. Её сила совместная — некоторые карты больше зависят от окружающей среды, чем другие.

Стараясь отвлечь от себя внимание, я спросила:

— А какие же у тебя слабые стороны?

— Разве это не очевидно? — Селена указала на свой набедренный колчан, в котором была одна настоящая стрела и две самодельные. Она пыталась пополнить свои запасы, но, как она объяснила, не нашлось зелёных деревьев, чтобы вырезать новые.

Я подумала, что могла бы помочь ей в этом, открыв вену и дав жизнь саженцу, но я еще не достаточно ей доверяла, чтобы ослабить себя для того, чтобы сделать ее сильнее. И не похоже, что у меня было много сил, чтобы делиться.

Как Мэтью и предупреждал, мои силы продолжали ослабевать в такой дождь.

— В конечном итоге, у меня всегда заканчиваются стрелы. Тогда я буду зависеть от своей сверхскорости, выносливости и грации.

Закатив глаза, я взяла карту «Дьявол».

— Так, это Оген, он же Дьявол. Он союзник Смерти. У него рога и копыта, как у козла, но тело мужчины — людоед с нечеловеческой силой. Его позывной? «Я устрою пир на твоих костях».

— Оген — людоед? — Финн поднял брови. — Серьезно?

Я пожала плечами.

— Я не создаю новости, я просто сообщаю их. — Я взяла следующую карту: «Суд». — Вы, ребята, уже встречались с Габриэлем. Он может ударить сверху, как реактивный снаряд.

Селена добавила:

— Он обладает животными инстинктами. Вот почему так опасно то, что он сошелся с Джоулем. Габриэль может почуять наш запах, даже сквозь иллюзию Финна, а Джоуль может просто дождаться выгодной позиции, чтобы прицелится и расстрелять нас.

Сильные и слабые стороны. Я должна была спросить Мэтью, что может убить меня, кроме прикосновения Смерти.

Финн понюхал Селену:

— Скрыть тебя моими иллюзиями?

Я видела выжившие альянсы, более прочные, чем мой.

Он спросил меня:

— Что произойдет, если один из нас умрет, в силу естественных причин?

Я не помнила ответ, поэтому махнула Селене.

— Аркану, ближайшему к тебе присваивается знак.

— Что происходит с проигравшими?

Селена ответила ему:

— Они возрождаются, без памяти о своих прошлых жизнях. Ну, кроме него. — Она указала на Мэтью. — Дурак помнит все. Вот что сводит его с ума.

Мэтью радостно закивал ей.

Угрюмо поглядывая на нее, я рылась в остальных картах, когда Финн потянулся рукой к одной.

— Подожди, я видел этого парня. — Его лицо побледнело.

— Иерофант? На ней была изображена фигура в мантии, которая благословляла коленопреклоненных последователей. У них у всех были молочно-белые глаза. Я протянула Финну карты.

Вполголоса Мэтью сказал: — Иерофант. Он из Темных Обрядов.

Я вспомнила, как бабушка предупреждала меня о нем: он обаятельный, Эви, завлекатель. Никогда не смотри ему в глаза. Ты уязвима для него. И он не единственный. — Моя бабушка рассказывала, что он может контролировать разум, чтобы заставлять совершать чудовищные деяния. Если однажды это случится, то будешь порабощен навсегда, даже после его смерти, будешь продолжать делать именно то, что он хотел от тебя. Чудовищные деяния разные в

каждой игре. — Когда я была в психушке, у меня был страх контроля разума.

Наши взгляды сошлись на изображении в его дрожащей руке, Финн сказал: — Он был с каннибалами. Я думаю, знаю, что за деяние в этот раз. Он заставляет людей есть человеческую плоть.

— Никому не нужно заставлять людей есть других. — Джексон присоединился к разговору? — В случае если вы не заметили, в этих горах нет никакой еды. Никакой.

За прошедшие месяцы опустели продуктовые магазины и ничего не растет. Всего несколько животных выжило, чтобы охотиться.

Шепотом Финн сказал: — Эти конкретные каннибалы едят… живых. Не просто в сыром виде. Живых. Достаточно чудовищно для вас?

Нет. Не может быть.

Финн посмотрел на Мэтью загнанным взглядом: — Эти Арканы больные. Они борются не просто друг с другом. В чем, черт возьми, цель нашего существования?

Мэтью пораженно поднял взгляд. — Цель? Отличие. Мы чемпионы богов!

— Боги? — Прохрипела я, вглядываясь в низкий потолок. — Существуют ли, похожие божества, бегающие по кругу и управляющие игрой.

— Они ушли.

Внезапно Джексон дернул арбалет из-за спины, целясь в дверь хижины. — У нас компания.

Селена уже поднялась на одно колено, держа лук и стрелу слишком близко к моей голове. — Это волк, — сказала она, как только увидела блестящие желтые глаза в выгоревшем лесу.

Большие желтые глаза.

Хотя Джексон частично расслабился, Селена стала выглядеть еще смертоносней. Прежде, чем я успела сказать слово, ее стрела, со свистом пролетела мимо моего уха, в направлении животного.

Когда мы услышали, как существо сползает по грязи, Селена выругалась.

— Зачем ты убила его? — спросила я. — Он мог быть последним в своем роде на земле!

Даже Джексон — опытный охотник — послал ей взгляд, который говорил: «Не круто».

— Это был не обычный волк. — Взгляд Селены выражал беспокойство. Селена никогда не смотрела с беспокойством. — Мы сорвали разведку карты Сила. Повелительницы Фауны.

Я вспомнила карты и слова бабушки: «Фауна может контролировать животных, Эви, заимствуя их чувства и превращая их в свою семью».

— Почему тогда мы не слышим ее позывной громче? — Спросил Финн.

Селена уже натянула одну из своих импровизированных стрел. — Потому что она не рядом с нами. Пока нет. Только ее семья.

Я отодвинулась с линии огня. — Почему тогда она не спустила волка на нас?

Селена покачала головой. — Я не знаю почему, но Фауна хотела просто посмотреть. И я думаю…

— Что?

— Я думаю, она хотела, чтобы мы знали, она наблюдает за нами. Этот волк преследовал нас в течение нескольких дней, но я ни разу не видела его. Теперь он показывает себя?

Я сглотнула, а Финн спросил, — что ты имеешь в виду, наблюдает за нами? И как карта Сила может вовлекать животных?

Я кое-что вспомнила: восемь лет назад я задавала такой же вопрос.

— Люди только в последнее время начали называть ее Сила. Раньше она была картой Стойкость, названной так за ее целеустремленность. Она мыслит как животное, охотится как

животное, с единой решительностью, которая управляет кровью.

Я вытащила ее карту, показывая им хрупкую девушку в белом одеянии, которая удерживала за пасть свирепого льва.

— Ее карта является одной из наиболее буквальных. Она может манипулировать животными так же, как я растениями. Как и у Габриэля, у нее есть животные чувства.

Селена добавила:

— Не только это, она может подключаться к чувствам всех существ поблизости.

Я кивнула.

— Я помню, это. Если бы она захотела, шпионить за нами, она могла бы послать ворона, летающего над нами, чтобы следить его глазами. — Даже Джексон внимательно слушал это. — И если она обменяется своей кровью с животным, то оно становится ее семьей, связанным с нею навсегда. Я точно не знаю как. Селена?

— Коммерческая тайна. Иногда мы не знаем, всех способностей. Хотя Мэтью может.

Он бросил на нее упрямый взгляд.

— Не твою психику.

— Мэтью, пожалуйста, — пробормотала я, — ты можешь рассказать нам что-нибудь?

Он посмотрел на свою руку. Однако теперь казалось, он что-то искал там.

Или может быть, моя паранойя распространяется как кудзу*. Я спросила Селену:

— Ты когда-нибудь союзничала с Фауной? Или с ее семьей?

— Обычно нет. Каждую игру, она связывается с разными картами.

Финн долго рассматривал ее изображение.

— У нее есть символ бесконечности на карте. Он прямо над ее головой. Как и на моей.

(* Кудзу — вьющееся растение из семейства бобовых.)

Эти общие символы. У карты Смерть есть водопад, как и у меня и роза на его флаге. В сущности, он несет одну белую розу — тоже делает и Дурак на своей карте… это можно читать, как карту.

Казалось, еле сдерживая внутреннюю дрожь, Финн сказал:

— Итак, подведем итог, у нас есть Бэгмены, идущие по нашему следу, каннибалы совсем рядом, а теперь у нас появился еще и Аркан на хвосте.

Посмотри на светлую сторону, — сказала я. — Сколько животных может быть еще живо? Эта игра, будет отстойной для Повелительницы Фауны. — Не успели эти слова слететь с моих губ, как недалеко завыл волк.

С жалобным воем, ему ответили еще два.

Глава 8

Кровь вытекала из моего рта и раны, когда я корчилась на мече у Смерти.

Пожалуйста. Слово было на моих губах, но я слишком горда, чтобы произнести его.

Не смотря на то, как сильно я хочу жить, я никогда не стану умолять!

Жнец снимает перчатку, обнажив руку, покрытую знаками. У него должно быть уже девять убийств. Вскоре наберется ещё пять.

Он протягивает ко мне обнаженную руку, которая сама по себе является оружием. Я дрожу от страха и боли. Чем больше я трясусь, тем больше его меч разрезает мои внутренности, хрустит мой позвоночник. Слёзы размывают мое видение, проливаясь по щекам.

В отдалении рычит лев.

— Больно будет не больше минуты, — обещает он, его взгляд направлен на меня.

Всё, что я хотела сделать, я сделала. По крайней мере, моя семья передаст будущим Императрицам знания, которые я получила. Я уверена в этом.

Он так близко, что я могу ощущать его дыхание на моем лице, оно охлаждает слёзы.

Я смотрю на Смерть, а его рука на расстоянии дюйма…

Я резко проснулась, проводя ладонью по щеке, удивленная, что слёз не было, ошеломленная, что Смерти нет рядом со мной. Я прищурила глаза и осмотрелась, убедившись, что его действительно нет.

В хижине было темно, но моя рубашка съехала, обнажая светящийся символ. Он отбрасывал достаточно света, чтобы увидеть спящего поблизости Мэтью. Селена и Финн тоже спали.

Джексон не спал, сидя напротив меня и, глядя на символ. Он отражался в его серых глазах.

Вполголоса он произнес:

— Ты можешь чувствовать их, правда?

В его голосе не было ярости.

— Они как кусочки меня, — призналась я, — это приятно чувствовать их. — Из-за того, что они были в моем арсенале, я считала, что так или иначе, каким-то образом они стояли между мной и Смертью.

Взгляд Джексона мерцал над моим лицом, изучая. Всегда изучая.

— Что ты чувствуешь, когда полностью изменяешься?

Это удивительно. Нет места для неопределенности, просто испепеляющая власть.

— Это, безусловно, отличается.

— Ты была как…divinitй. (божество).

Я села. Его слова по-прежнему заставляют меня трепетать. По-прежнему, я была на один удар сердца дальше от того, чтобы рассказать ему, насколько же я…

— Ты не человек, не так ли?

Волнение вспыхнуло, оставив пепел. Хотя утверждение было справедливым, оно все еще ранило. Как ответить?

— Оба мои родителя были. Ты знал мою маму, — Джексон познакомился с ней в ночь перед ее смертью, давая ей достаточно времени узнать его, чтобы быть уверенной, что он может обеспечить мою безопасность. — Я никогда не хотела обманывать тебя, Джек. Я еще привыкаю к этим вещам в себе. Я не знаю своего предназначения во всем этом.

Он провел рукой по усталому лицу:

— Почему ты не рассказала обо всем этом дерьме?

— Меня предупредили не доверяться другим. — Арканы значит тайны, так говорил Мэтью.

— Соо-уфn должно быть сказал тебе это!

Селена вздохнула не просыпаясь. Финн причмокнул губами и пробормотал:

— Мам, как долго я должен оставаться там?

Не говоря ни слова, Джексон собрал вещи и вышел в туман, садясь на соседний выступ.

Без приглашения я присоединилась к нему.

— Ты слушала соо-уфn, доверяла ему больше чем мне?

— Да, Джексон, физически я защищаю свою жизнь, не рассказывая никому. Знаешь, про мальчика, который предсказал конец света и спас меня от Вспышки. Кроме того ты и я заключили сделку. Я бы рассказала тебе свои секреты, когда ты доставил бы меня к бабушке.

— Как бы ты мне сказала? Ты написала мне записку и вылетела от Финна, не сказав ни слова, потому что знала мою реакцию.

— Это не правда. После нашей ссоры я решила, что ты имеешь право знать правду, безопасно это или нет. Я пришла, чтобы сказать тебе все и увидела тебя и Селену…

— Не меня.

— Не тебя. — Прошептала я.

Он замолчал. Мне хотелось кричать: поговори со мной! Скажи мне, о чем ты думаешь.

— Ты сказала, что я успокаиваю голоса, — позывные арканов, которые я слышала, но не понимала. — Похоже, тебе нужно слышать их сейчас.

— По каким-то причинам ты успокаиваешь их гул. Но если кто-то подойдет достаточно близко, я все равно услышу его, как услышала позывной Селены

— Тебя это пугает, знать, что эти люди хотят тебя убить?

Я кивнула.

— Я в течение многих месяцев знаю, что у Смерти какой-то больной интерес ко мне. Я не знаю, почему он это делает — я думаю о своих снах. Судя по всему, они были всегда. — Мэтью показал мне его мастерство, отсутствие милосердия. — И Смерть сказал, что я не продержусь до следующей недели. — Но я стараюсь не зацикливаться на этом, думать о других вещах.

— Каких?

О желании быть нормальной и чтобы мы были вместе.

— Я много думаю о тебе.

— Почему? Тебе не нужен больше защитник.

Спорно. И Может быть, мы должны защищать друг друга. Кроме того…

— Это не та причина, по которой ты мне нравишься.

— О, мне нужно было это услышать, — его тон был насмешливым.

— Забудь. Это не имеет значения. Почему я должна объяснять тебе что-то? Ты собираешься уйти, как только мы доберемся до следующего города. Это очевидно.

— Неужели?

— Это в любом случае к лучшему. Для тебя будет безопаснее, как только мы разделимся. — Разделиться. Жизнь без Джексона Дево. Простая мысль об этом заставила мои эмоции вскипеть.

Моя кожа снова начала светиться, даже через футболку символы светились, словно раны на руке, на груди. Я знала, что мое лицо тоже светится.

Он уставился на мои изменения.

— Посмотри на себя, Джек! Ты в ужасе.

— Не привык к тебе такой, — он встал на колени передо мной, осторожно, двигаясь боком, как мангуст вокруг змеи, — просто позволь мне сделать это, ладно?

Когда он потянулся ко мне, то стянул свою перчатку без пальцев, как Смерть в моем видении.

Забудь об этом.

Джексон поднял подол рубашки, обнажив мое тело для небольших уколов дождя и своего жадного взгляда. Он напрягся, словно был готов отпрыгнуть в любой момент, и осторожно прикоснулся ко мне.

Я задохнулась от его прикосновения.

Осмелев, он провел костяшками пальцев по символу, словно скользя по моей влажной коже. Его глаза из-под капюшона следили за пальцами:

— Это завораживает.

Его выдохи выбрасывали короткие клубы пара в холодную ночь, выражение его лица было зачарованным.

С бесконечной медлительностью он гладил, пока и я не начала задыхаться, словно я заболела. Я прикусила нижнюю губу, чтобы не застонать вслух. Мне нужно, чтобы он поцеловал меня. Мне нужны эти сильные руки, прижимающие меня к нему.

— Твоя кожа такая мягкая… Satinйe, — пробормотал он, — ты сведешь меня с ума, прежде чем все закончится, не так ли?

— Джек, пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — Он поднял голову и встретился со мной взглядом.

Прими меня, поцелуй меня. Я облизнула губы.

Он помедлил. Хотя его брови сошлись, словно ему больно, он не давал мне поцелуй, который я жаждала. Тем не менее, его пальцы двинулись по коже выше, выше…

Когда он обнажил бюстгальтер и провел костяшками пальцев поверх него, я не могла больше терпеть — я опустилась на колени, схватила его широкие плечи и поцеловала его.

Его мышцы застыли у меня под пальцами. У его губ я пробормотала:

— Вернешь мне поцелуй?

Сердце остановилось.

Затем, со стоном он это сделал. Медленно приблизил свои губы к моим, более горячие, более настойчивые. Он опустил меня на руку, положив свою грубую ладонь мне на щеку, чтобы держать меня в устойчивом положении, пока он меня целует.

Стон вырвался из его легких и сорвался с моих губ. Как всегда, огонь между нами растопил ад. Это взрывная химия. Он целовал меня, словно хотел заклеймить…

Кто-то откашлялся.

Когда Джексон выпустил меня и отступил, я увидела Мэтью, неловко стоящего у входа в хижину.

Когда я опустила рубашку вниз, Джексон прохрипел мне:

— Ты на вкус как Эви, чувствуешься как она. Но ты — не она. — Он сильно провел тыльной стороной ладони по губам.

И в этом была ярость.

— Мы здесь беззащитны перед Бэгменами, настороже, а у меня до сих пор дух захватывает от взгляда на тебя! Ты и меня тоже загипнотизировала? Это единственная причина, почему я как проклятый до сих пор думаю о тебе, после всего этого дерьма. Всю свою жизнь, я никогда не искал неприятностей, но они всегда находили меня! Ты просто последняя порция несчастья.

Мои глаза закололо от слез.

— Я не хотела, чтобы это было так.

— Тогда отпусти меня! Перестань держать меня рядом с собой!

— Я не гипнотизировала тебя. Я бы не стала. — Ведь не стала бы?

— Подойди, прикоснись, но ты заплатишь. Это твой позывной? Хорошо, я сделаю это. Я заплачу свою цену.

Он схватил свой арбалет и сумку и зашагал прочь в темноту, оставив меня дрожащую, холодную, плыть по течению. Долгие мгновения я смотрела ему вслед. Когда я подтянула колени к груди, Мэтью подошел и сел рядом со мной.

— Не Аркан.

— Ты можешь увидеть будущее Джексона?

— Я вижу, далеко. — Он нахмурился. — Не с ним. Неизвестно. Изменчиво. Выбивается из уравнения!

— Будет ли ему безопаснее вдали от нас?

Мэтью посмотрел на меня, подняв брови. В самом деле? Смотрит. Глупый вопрос. Затем он склонил голову.

— Еще один сон о Смерти?

Я заставила себя отвести взгляд от Джексона и обратила внимание на Мэтью, который выглядел относительно устойчивым.

— Да. Та же встреча со Смертью, после того как он ударил меня. Опять же, я отметила, что он выглядел моложе. Если он бессмертный, то какой же возраст Смерти?

— Продолжительность игры. Игра начинается — он стареет. Игра заканчивается, он останавливается.

— Он не кажется сейчас гораздо старше. Как давно была последняя игра?

Мэтью вздохнул.

— Это был один из самых длинных промежутков.

— Если я могу регенерировать, то это его Прикосновение Смерти — единственный способ убить меня? Или, может быть, меня, как и Бэгмена, можно убить выстрелом в голову?

Он пожал плечами.

Смена курса.

— Он всегда меня убивал?

— Не всегда. И Леди Лотос не умерла однажды.

Я сглотнула.

— Значит, кто-то другой убил меня, или я выиграла игру? — Я чуть не пожалела, что не знала этого. — Скольких тогда убила я лично?

Колебание.

— Больше, чем кто-либо раньше. Или после.

Я была рекордсменом. Неудивительно, что Селена, не волновалась обо мне, когда мы слышали позывные, знакомились с новыми Арканами. Я была выше всех их на голову.

— Кто еще убивал меня?

Мэтью обдумывал, как закрыть эту тяжелую тему.

— По крайней мере, скажи мне, сколько раз Смерть сделал это.

— Этот Смерть? Два из трех последних. — Карие глаза Мэтью были такими же серьезными, как и его слова, — практика — путь к совершенству.

Глава 9

ДЕНЬ 254 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА
ГДЕ-ТО В ГОРАХ АППАЛАЧИ

— Если это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой… — пробормотал Джексон, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мы вышли к заброшенной усадьбе, причудливой хижине, расположенной на самой вершине, с креслом-качалкой на веранде и с сараем неподалеку. Было похоже, что когда-то она принадлежала кому-то, кто курил трубку, сделанную из кукурузного початка, носил «комбинезон» и ходил по барам.

При виде человеческого жилья, я почти прослезилась. У нас не было приличной крыши над головой, после той хижины, дней пять. Как обычно, все, кроме Селены были промокшими и замерзшими. Мои зубы снова стучали, мой живот урчал. На такой большой высоте, стояли, леденящие до костей, туман и мороз.

Но мы были настороже.

— Даже если он пустой, можем ли мы рисковать, оставаясь здесь? — Спросил Финн глядя на это место с такой же тоской, как и я.

Бэгмены продолжали плестись за нами, а у нас еще было пару часов до заката.

— У Бэгменов д-должны были возникнуть трудности во время п-последнего подъема, не так ли? — спросила я.

— Как и у тебя, Эви! — весело сказала Селена.

Сука. На карте не было отвесной скалы. Нам пришлось использовать веревку! Я бы никогда в своей жизни не полезла в скалы и не висела бы как форель на леске. Я не так беспокоилась о себе, как о Мэтью, но по сравнению со мной он оказался альпинистом.

Джексон не присоединился к обсуждению, просто направился к хижине. Когда мы двинулись за ним, он сказал:

— Я иду один.

В прошлом, Селена уже побежала бы за ним, но сейчас она осталась рядом со мной. Как жвачка на подошве моих ботинок.

Я сказала ему:

— Fais gaffe a toi. Береги себя.

Взгляд Джексона остановился на мне, и, прежде чем он их спрятал, я увидела там мерцание каких-то эмоций.

Пока я наблюдала за ним, шагающим прочь, с арбалетом наготове, я снова задалась вопросом, что происходит в его голове. Мы не разговаривали с тех пор, как я поцеловала его. Он до сих пор жалеет, что ответил на мой поцелуй?

После той ночи, я думала, что он порвал со мной, но продолжала ловить на себе его взгляды. Иногда выражение его лица было наполнено горечью, как будто я обидела его. Но в целом, его вид не был поникшим, скорее… встревоженным.

Как будто он пытался пролить свет на тревожащую его тайну.

По дороге к хижине, он осмотрел небольшой сарай. Должно быть, там было все чисто, потому что выстрелов не было. Теперь хижина…

Пожалуйста, будь осторожен, пожалуйста, будь осторожен.

Вскоре после того, как он вошел, я увидела дым, струящийся из трубы. Колени ослабели от облегчения и волнения. Он был в безопасности, а у нас будет реальная крыша и настоящий огонь.

Финн сказал:

— Я могу скрыть дым.

Селена покачала головой.

— Не нужно. Мы в облаках. Джей Ди знает это, иначе он бы не зажег огонь.

Он вышел наружу. Дернув подбородком, он показал нам присоединиться к нему.

Самоуважение вылетело в окно, и мы побежали за ним, как будто это была граница дружественной страны.

Несмотря на пыль внутри, в маленьком уютном домике была кровать, деревянная ванна, а теперь и огонь в печи. По дороге мы набрали целый баррель дождевой воды. Помятый котелок висел над огнем. Деревянные поленья были сложены рядом с одной из стен неким владельцем, который больше никогда не вернется. Чтобы положить их в огонь…

Тепло. Ванна. У меня была даже небольшая дорожная бутылочка шампуня и гель для тела.

Это было как золотое дно, так отличалось от наших обычных условий, что я как параноик, боялась, что эта возможность выскользнет из моих рук.

— Разыграем камень-ножницы-бумага, чтобы решить, кто первый примет ванну, — объявила я, но боролись за это только Финн, Селена и я. Мэтью был слишком погружен в себя, опустившись в одно из кресел-качалок на крыльце, а Джексон не был заинтересован.

— Пойду, поохочусь на рябчиков, — сказал он, уходя, не говоря больше ни слова. Его тон и поведение говорило. — Я пойду сам.

Я считала, что шансы найти рябчиков были настолько малы, что проще выследить йети.

Селена смотрела ему вслед с озабоченным видом, напоминая мне, что Джексон мог не вернуться вообще.

В течение нескольких дней она тосковала по нему. Это было так очевидно. Сначала меня это раздражало, но потом я поставила себя на ее место. Когда Финн обманул ее, она думала, что Джексон выбрал ее. Что ее мечта сбылась. В своем воображении, она испытала его объятия.

Как это должно быть странно для нее, путешествовать с парнем, с которым она думала, что целовалась — а также с парнем, который обманул ее.

Теперь, когда все, казалось, ненавидят Селену, я начала чувствовать к ней жалость, даже после всего того дерьма, что она творила по отношению ко мне. Несколько дней назад, я поняла — никто не хотел быть монстром. Но именно так, мы обращались с ней.

Хотя она пыталась вовлечь Джексона в разговор снова и снова, он продолжал игнорировать ее, как будто даже не слышал ее. С капюшоном на голове, он шел дальше, задумавшись. Безучастный ко всему.

Я перестала заботиться об этом. Я перестала.

Не думай о нем. Я планировала воспользоваться большей частью этой неожиданной воды и времени, чтобы отмыться от пепла. Иногда я чувствовала, что пепел становится частью меня, обволакивая меня, как он сделал с Хейвеном, моим домом в Луизиане.

Когда я выиграла в игру за ванну, Селена закатила глаза. Но села снаружи, рядом с Мэтью, и стала строгать стрелы. Финн направился к сараю, искать, чем бы пополнить запасы.

Я закрыла дверь и вернулась к своей задаче. Насколько это может быть трудно, вылить

кипящую воду в ванну? Однажды я видела эпизод «Домика в прерии». Резюме: Давай сделаем эту суку.

Четыре ожога и час спустя, я погрузилась в маленькую ванну, по пояс в воде и с паром вокруг меня. Пузырьки пены лежали на поверхности воды. Если бы не жгучая боль от волдырей на моих ногах, когда они регенерировали, я бы поклялась, что вижу сон.

И если бы я не чувствовала страха из-за того, что Джексон ушел.

У потрескивающего огня, я намылила и промыла волосы, размышляя о прошлой неделе.

Каждый день мы уносили задницы от Бэгменов, но каждую ночь были вынуждены прятаться. Бэгмены, в противоположность нам, съедали милю за милей каждую ночь, на рассвете зарываясь в землю. От мысли об этом, мне стало холодно.

Наши гонки в режиме стоп-старт, продолжались в течение нескольких дней. Мы были вынуждены недосыпать.

Я была постоянно настороже, не в состоянии расслабиться ни на секунду. И я все еще слабела. Да, мои волдыри регенерировали, но более медленно. Я поняла, что, если бы моя кожа вернулась к своему состоянию до травм, я бы никогда не натерла мозоли.

А это означало, что я всегда буду с волдырями. Красота.

Я не была единственной, кто был настороже. Как охотница, Селена всегда казалась гипер-осведомленной, но теперь она впадала в крайности. Каждое утро она возвращалась назад, чтобы разведать Бэгменов позади нас. Вчера она сказала нам:

— Их число продолжает расти. Они, должно быть, обращают любого, с кем сталкиваются. — Это было похоже на снежный ком, увеличивающийся в размерах от контакта с большим количеством снега. Если эта орда поймает нас…

Нервозность Финна тоже возросла, он был больше похож на наркомана, слетевшего с катушек. Что будет, если он в ближайшее время не сможет создавать иллюзии?

Когда мы впервые встретились, это был веселый шутник. Теперь он всегда был нервным, настаивал на проверке и перепроверке наших карт, чтобы убедиться, что мы не подойдем слишком близко к шахтам каннибалов.

Он переболел Селеной, не разговаривал с ней больше, чем несколькими словами, и, казалось, решил свести Джексона и меня снова вместе, как будто он был единственной причиной разногласий между мной и кайджаном.

Удачи. Я боялась, что это было в прошлом, бесполезна даже сила магии.

Мэтью стал более замкнутым, часто оценивающе глядя на Джексона. Мне с трудом удавалось заставить мальчика поесть, и в его разговорах больше не было никакого смысла.

Если бы я спросила его, не болит ли его голова, он бы ответил:

— Остерегайся Прикосновения Смерти.

Однажды ночью, когда он рвал на себе волосы и кричал: — Воды! Воды! — Я всячески старалась напоить его из фляжки, прежде чем он сделает себе больно, но он отбросил ее прочь.

Удивительно, но однажды Джексон смог успокоить Мэтью. Он разговаривал с ним как с испуганной лошадью. Джексон говорил:

— Эй, мальчик, tracasse-toi pas. Prend-lй aisй. Не волнуйся. Успокойся

Всякий раз, когда мне удавалось урвать пару часов сна, я видела сны о Смерти, все в той же пустыне, все о той же встрече. Его тянущаяся рука все ближе ко мне.

Я чувствовала запах горячего песка и взмыленной лошади. В последнем сне я смотрела

на небо и сквозь слезы увидела карту Суд, который кружил над нами.

Смерть лез в голову все меньше и меньше. Я догадывалась, что он был чем-то занят. Сейчас мой ум блаженствовал от свободы…

Три волка Фауны продолжали преследовать нас, сверкая глазами в темноте, как в долбанном мультфильме. Но они никогда не приближались достаточно близко к нам, чтобы можно было хорошо их разглядеть.

Вчера, позывной Фауны, — Красные зубы и когти! — эхом звучал громче, чем все остальные. А это означало, что она была, наконец, в пределах досягаемости.

Когда она сделает свой ход? Почему не атакуют ее звери?

Мои предчувствия усилились. Стресс от сложившейся ситуации был почти невыносимым. Волки окружали нас, Бэгмены преследовали, и мы находились близко к границе каннибалов.

В довершение всего, сильно раздражал постоянно слабо моросящий дождь. Несмотря на предупреждения Мэтью, я почти хотела, чтобы небеса, наконец, разверзлись. Это было похоже на то, как если бы кто-то тыкал тебя в руку, говоря: «На, на, на».

Поведение Джексона также держало меня на краю. Он стал делать мелочи, проявлять внимание. Такие как, развести огонь в печке, не оставшись, чтобы насладиться им.

А две ночи назад, во временном убежище нашей группы, он немного переместил бревно, лежащее рядом с ним. Так, чтобы я сидела рядом с ним? Или просто, решил отодвинуть от сквозняка?

Да, он помог мне успокоить Мэтью. Чтобы уберечь мальчика от Бэгменов? Вчера на тропе, я видела, как он подсунул Мэтью половину энергетического батончика. Когда я улыбнулась ему, Джексон нахмурился, как будто был пойман на чем-то глупом.

Сегодня утром, началось что-то новое. Несколько раз он открывал рот, словно собирался что-то сказать, но затем резко закрывал его, так же, как он это делал, когда мы вместе учились в школе. Он по-прежнему оставался рядом со мной в течение дня.

Может быть, он смягчился ко мне, потому что я не превращалась в Императрицу в эти дни? Или, может быть, я искала признаки того, чего не было.

Я скучала по нему, моя грудь болела, когда я вспоминаю нас двоих, вместе на дороге. Как мы двое, такие разные, какими мы были, начали сближаться.

Я просто положила голову на руки, когда услышала, как кто-то поднимается на крыльцо.

Снаружи, Финн сказал:

— Э-э, Эви там, чувак. — Оу! Какого черта, кайджан? — Голос Финна звучал так, будто кто-то держит его за нос.

Джексон только что его ударил?

— Если ты еще когда-нибудь сделаешь себя похожим на меня, — прорычал Джексон, — ты не отделаешься только разбитым носом. Compris?

Откуда этот внезапный гнев, столько дней спустя?

— Да, круто, — сказал Финн гнусаво. — Этого следовало ожидать.

— Сейчас — пополнять запасы к остальным. Сарай ждет.

Джексон собирается войти сюда? У меня не было времени, чтобы дотянуться до своей одежды. Дерьмо! Я нырнула в ванну, сложив руки на груди, надеясь, что пена прикроет все что ниже….

Глава 10

Дверь распахнулась. В проеме стоял Джексон, мокрый от дождя.

Я была так ошеломлена его пристальным взглядом, что даже не сразу сказала:

— Выйди! Сейчас же!

Как будто я ничего говорила, он вошел, закрыв за собой дверь, бросив свой арбалет и рюкзак на стол. Он встряхнул волосами, как животное, посылая капли прохладной воды на мои лицо и руки. Черные волосы упали на его красивое лицо.

— Какого чёрта ты делаешь?

Он снял пиджак и повесил его на шаткий стул, чтобы высушить перед огнем.

— Мы должны поговорить. — Он вытащил еще один стул, усаживая на него свою высокую фигуру, его взгляд неторопливо прошёлся по мне.

— Проваливай сейчас же!

— Тебе не нравится, что я здесь? Тогда, пожалуйста, ты можешь встать и уйти.

Я бросила взгляд на свою одежду. Я положила чистые джинсы и свитер, и почти соответствующие друг другу бюстгальтер и трусики. Бюстгальтер был из красного шелка, трусики из розового кружева; достаточно близко. К сожалению, они были в пяти футах от меня.

Я бросила на него недобрый взгляд, крепче прижимая руки к груди.

— Что ты хочешь такого сказать, что не может подождать? За несколько дней ты не сказал мне ни слова. Теперь, когда я наслаждаюсь своей первой, за долгое время, горячей ванной, ты вдруг срочно хочешь поболтать?

— Ну, я знаю, что ты никуда сейчас не убежишь. И мы можем немного поговорить о нас, — с дерзостью в голосе, твердо сказал он. — Ты любишь меня.

Будь спокойна, Эви, не подавай вида.

— Ах, теперь я вижу. Ты упал в расщелину в лесу, не так ли? Может там была соль для ванны?

Мой ответ, казалось, не оскорбил его, а на самом деле, наоборот поощрил.

— Нет, не совсем. — Он вытащил стеклянную банку с прозрачной жидкостью из своего рюкзака.

Он достал самогон?

— Ты как ищейка для спиртного.

Он сделал глоток из нее, глядя на меня искоса с пьяной улыбкой:

— Гм, гм, Гм, Эви.

Я опустилась ещё ниже в ванне. Скрывали ли меня еще пузырьки или они уже растворились?

— Почему бы тебе не пойти развлечься в другом месте?

— Я много думал, и понял некоторые вещи, но у меня все еще есть вопросы.

Мне было интересно, когда он решится поговорить. Но я никогда не думала, что это произойдет во время купания.

— Это не может подождать?

— Мы не уйдём отсюда, пока всё не решим. — Он жестко покачал головой, как будто уже решил поговорить со мной и пытался удержать свой взгляд от блуждания по моему телу. — Мы должны были это сделать, когда ты приняла Финна за меня, и прежде, чем выбежала и угнала его грузовик, чтобы уйти от меня.

— И ты знаешь, почему.

— Ouais. — Да. — Ты думала, что видела меня и Селену, и ты не смогла справиться с этим.

— Ты не заставишь меня чувствовать вину из-за этого. Я поверила своим собственным глазам. И ты бы просто крикнул мне: — «Я порвал с тобой! Я прислушался к твоим словам».

— Я был пьян и зол, что ты не доверяешь мне достаточно, чтобы рассказать, что с тобой происходит. Я все еще зол.

— И все еще пьян.

Он не отрицал этого.

— В любом случае, когда я увидела тебя с Селеной…

— Это был не я!

— … это была не единственная причина, по которой я ушла.

— Я знаю твою другую причину. Coo-yon сказал, что ты боялась меня отравить или, что меня убьет Смерть, или что-то еще. — Он махнул.

— Мэтью сказал тебе это?

Игнорируя мой вопрос, он сказал:

— Что только доказывает мою точку зрения. Ты не хочешь, чтобы со мной что-нибудь случилось. Потому что ты думаешь, что это плохо кончится для меня, peekon.

Я покраснела, правда раскрылась.

— Ты сделала только хуже, в ту ночь, когда убежала из-за Финна. Ты помнишь наш небольшой разговор?

— Конечно, я помню. Я не пью виски, как матрос на райском острове. — Джексон сказал, что согласен жить со мной при одном условии. — Ты сказал, что я должна отказаться от поисков моей бабушки. Когда я сказала тебе, что не могу, ты порвал со мной.

— Я не расстался с тобой, нет. Я сказал так, просто потому, что был расстроен. Никогда не встречал fille, такую сложную как ты.

Как странно вести такой разговор, когда я одета только в исчезающую пену.

— У меня был выбор. — Он поднял указательный палец. — Игнорировать все свои инстинкты выживания и оставаться рядом с некими детьми, которые стремятся поубивать друг друга. А некоторые из них, к тому же реально больные. — Он поднял второй палец. — Или оставить все, пойти за Юго-восточной армией и взять реванш.

Джек и его сводная сестра Клотиль были в этой армии. Только один из них выжил.

— Каково твоё решение?

— Я все еще здесь, не так ли?

— Что заставило тебя колебаться? И почему именно сейчас? Не похоже, что бы ты узнал что-то новое, что изменило твое мнение, так как ты не сообщил мне, что я не права, — сказала я многозначительно. Разве что он взял… Нет. Это подозрение было слишком унизительно, чтобы даже обдумывать.

— Как я уже сказал, я понял для себя некоторые вещи.

— Слушай, Джексон, говоришь, что у меня есть чувства к тебе. Они были, пока я не поняла, что ты никогда не примешь мою природу. Ты увидел меня и чуть не сошел с ума.

Он прищурился.

— Я не сходил с ума, нет. Я думаю, что справился бы с этим чертовски хорошо. Если бы ты показала мне это прежде, чем вывалить все дерьмо на меня.

— Это дерьмо спасло мне жизнь.

— Как я понял, это также привело тебя к сумасшедшему. Алхимику, non?

— Touchй*. Ты смотрел на меня, как на прокаженную, когда увидел, на что я способна.

(*Touchй — франц.: Туше — прикосновение борца обеими лопатками к ковру, знаменующее его поражение).

Он вскочил на ноги, стал вышагивать, и сделал еще один глоток.

— Ты ожидаешь, что я буду реагировать каждый раз как в первый!

— Думаю, что так?

— Мои реакции, мои слова, все. Этого не будет больше. Я видел то, чего я никогда не видел прежде, и я отреагировал.

— Перекрестился? Действительно Джек?

— Я католик. И милая девушка, которую я знал, только что убила другого подростка и наслаждалась своим могуществом, смотря на это! Ты была как будто одержима демоном или еще чем-то! — Он покачал головой. — Ты ожидаешь, что я буду совершенным.

— Это больно, Джексон. Хорошо? — Я подтянула колени к груди, расплескивая воду.

Как если бы это было не бесполезно, он посмотрел вниз с восторгом глядя на мои движения.

Но поднял свой взгляд, когда я простонала:

— Это разбило мне сердце! Я только что пережила самое ужасное событие в моей жизни. Я нуждалась в тебе, но ты испытывал ко мне отвращение. — Мои глаза кололо от слез. — Я нуждалась в тебе!

Он взялся за переносицу.

— Разве ничего не значит, то что… что я пытаюсь, справиться со всем этим?

— Может быть, тебе не нужно так сильно стараться. Да ладно, у нас есть проблемы, которые выходят за рамки игры. Мы всегда боремся, всегда на разных страницах. Я могу пересчитать по пальцам, сколько раз у нас был обычный разговор. Большую часть времени я не знаю, что происходит в твоей голове.

— Что ты хочешь знать? — Он снова опустился в кресло, положив локти на колени. — Ты хочешь, чтобы я говорил о моих чувствах? Черт побери, как я могу даже начать?

Я удивленно моргнула. Он не пытался казаться засранцем. Он был искренне озадачен, как это сделать. А почему бы и нет? Где бы он научился обсуждать свои мысли и эмоции?

Не у матери. Она была не в состоянии даже прокормить Джексона, когда он был мальчиком, а тем более научить его говорить о вещах, которые беспокоили его. У отца? Этот человек бросил сына.

Удивительно, что Джексон вообще мог об этом говорить. Я помню, как он признался, что он не знал, как вести себя со мной. «Ты сможешь научить меня как ухаживать за тобой. Потому что я не знаю, что я должен делать».

Он пытался. И как я должна была помочь ему в этом? Дать совет? Используй слова, Джек.

— Ты вылила это дерьмо на меня, а затем в течение нескольких дней ты хочешь, чтобы я смирился с тем, что моя девушка не совсем человек!

Я не знала, что удивило меня больше — девушка или часть про человека.

— Черт побери, Эви, ты была в моем доме, ты видела, как я жил. Неужели ты не понимаешь, почему я ненавижу сюрпризы? Почему мне не нравится, когда люди что то скрывают?

Возможно, мы были слишком разными.

— Слишком много всего произошло. И ты была отвратительна для меня в течение нескольких дней.

— Я был зол, потому что я ничего не понимал в этом. Мне не нравятся вещи, которых я не понимаю. И в то утро в Реквиеме, именно тогда, когда я пытался смириться с этим, я вернулся, как раз, когда ты собираешься перерезать горло этому ирландскому ребенку.

— Он напал на нас, после того как я пыталась объявить перемирие.

— Я понимаю, что люди делают больно. Я понимаю, я сам бил людей и получал травмы, задолго до Вспышки. Но когда я увидел, что тебе это нравится…

— Я не хочу этого! — Я закрыла голову руками.

— Я понимаю, это сейчас. Что-то в тебе происходит. Это по-прежнему ты, но у тебя есть проблема. Peekon, посмотри на меня.

Я посмотрела вверх.

— Если у тебя есть проблема, я могу смириться с этим.

Я не была убеждена. — Быть с тобой больно.

— Но иногда это хорошо. По-настоящему хорошо. Ты думала, что мой поцелуй был «совершенным». — Его взгляд скользнул по моим губам, к моей шее, на мою ключицу…

— Я никогда не говорила тебе… — меня озарило. — О, мой Бог. — У меня отвисла челюсть, мои подозрения подтвердились. Да, это именно так унизительно, как я боялась. — Ты взял диктофон Алхимика! — В котором была кассета с историей всей моей жизни.

Джексон улыбнулся мне бесстыжей улыбкой.

— Ouais. Слушал его в течение нескольких дней. Это была одна из причин, почему я уходил в то утро в Реквиеме. Я был занят поиском наушников, так, чтобы я мог слушать его под капюшоном.

— Ты же не имел права!

— Я играл большую роль в этой истории, хотел убедиться, что ты представила меня правильно.

— Вот почему у тебя так менялось настроение? — То выглядишь злым, то озабоченным, то ухмыляешься?

— Некоторые вещи, которые ты рассказывала, злили меня. — Его лицо потемнело. — Пришлось выслушать, что ты говоришь о своем парне. Достаточно плохо было только в первый раз.

Брэндон был хорошим парнем. Незрелым, возможно, но у него было доброе сердце. Он и Джексон были разные, как день и ночь. Эти двое ненавидели друг друга.

— Но потом ты сказала нечто хорошее. Например, что ты хорошо относилась к Клотиль. Ты улыбнулась ей, и поздоровалась, когда никто другой в школе не был добр к ней.

Я могла бы быть добрее к ней. Жаль, что не была.

— Или, когда ты описывала наш поцелуй в бассейне в доме Селены. — Джек провел рукой по лицу. — Я, должно быть, затер пленку, когда слушал это снова и снова.

Его веки отяжелели и он вздрогнул, можно подумать, что у него оргазм. Мои вздохи перешли в мелкую дрожь. И вдруг я как никогда осознала свою наготу, в воде, которая охлаждалась. Пока Джексон рассматривал мою влажную кожу.

— Эта кассета была личной!

— Ты рассказала это Артуру, парню, постороннему, нашу историю?

— К тому времени, я была уверена, что он никогда не скажет это ни одной живой душе. — Моя кожа начала светиться, когда я вспомнила свою ярость тогда, символы, взвились вдоль моих рук, переходя на грудь. Стали ли мои глазами зелёными?

Джексон смотрел на изменения во мне.

— Ты показала мне это… эти символы, чтобы напугать меня?

Хм. Он мог бы использовать жаргон.

— Это не сработает. Эта запись позволила мне разобраться в этом деле с Арканами, позволила мне узнавать об этом понемногу. Как это делала ты. И я слышал, как ты сказала, что я был твоим якорем.

— Да, и что?

— Ты не стала убивать того ирландского парня, как только увидела меня. Ты не станешь отрицать этого?

Наконец, я покачала головой.

— Ты положилась на меня, и теперь я знаю это, — сказал он. — Ты предупреждала меня, что с тобой никогда не будет легко. Я все еще подписываюсь под этим.

— Зачем это тебе? Это смертельно, и странно и страшно…

— Так весь мир такой! — Он запустил пальцы в свои мокрые волосы. — Всё перепуталось в голове: я могу принять эту игру лучше, чем твои секреты. По крайней мере, теперь я знаю, с чем столкнулся.

Часть меня был рада, что он хотел меня. Часть меня думала, что между нами всё обречено.

— Давай просто быть реалистами относительно наших шансов.

— Ты хочешь знать, что я чувствую? Позволь мне сказать тебе, Bebe. Мне весело. Ты ведешь себя так, будто у нас есть выбор в этом вопросе. Ты хочешь меня также как я тебя, потому что мы оба зашли слишком далеко.

Я ощетинилась.

— Моя симпатия, для тебя синоним слова «переспать»? Я думала, что ты больше чем, чем дамский угодник, ищущий свою добычу.

Он пожал плечами.

— Той ночью, после того, как мы целовались, я сказал себе, что просто продолжу идти. Что, то дерьмо слишком тяжелое для меня, и это не мое дело. Я сказал себе, не думать о тебе.

Я твердила это себе постоянно, но толку от этого было мало.

— Черт, ты ожидала, что я, в любом случае, оставлю тебя. Но мне становилось хуже с каждым шагом, словно кто-то подвесил меня за кишки колючей проволокой. И я понял, ты крепко держишь меня за яйца. Глупо бороться с этим. И к черту, кто ты.

— Успокойся, сердце мое, — я произнесла это насмешливым тоном, но на самом деле

мои чувства по отношению к нему стали намного мягче.

А потом я вспомнила, что ещё говорила на записи. Например, как ревновала, и как было больно, когда он флиртовал с Селеной. Или, как я чувствовала, что я лишаюсь своего вечно-трезвого ума, когда он поцеловал меня. Не из-за этого ли он так ухмыляется?

— Я все еще не могу поверить, что ты влез в мою личную жизнь! — В школе, когда Джексон хотел увидеть мой альбом, он украл его. Когда он хотел, прослушать мои сообщения для парня? Он украл телефон Брэндона.

Джексон продолжал напирать на меня, и я была сыта этим по горло.

— Ты должен уйти. — Мои символы были настолько яркими, что освещали комнату, как огонь. — Я хочу одеться.

— Так попробуй меня выставить. Я не уйду, пока ты не признаешься, что чувствуешь ко мне.

— Ты собираешься шантажировать меня? — Теперь это был вопрос принципа. Он пересек черту, слушая эту запись, и теперь он ожидал, что я вознагражу его за это?

— Ты всегда можешь выйти. — Он закинул ноги на стол, откинувшись назад, чтобы балансировать на своём стуле на двух ножках. С самодовольной усмешкой он заложил руки за голову.

Он был настолько дерзким, я хотела — нет, было необходимо, — стереть эту ухмылку с его лица. Я достигла своего предела. Я могу завтра умереть, а я отказываюсь, провести мой последний вечер на Земле, из-за того, что мной манипулирует, поглощающий самогон кайджан.

Кроме того, я не была слишком застенчивой. Я, веселясь, носила коротенькую форму в школе перед слюнявыми подростками, и, не стесняясь, могла показаться в трусиках перед моей лучшей подругой Мелиссой.

— Хорошо. — Я повернулась в ванне спиной к нему, встала, и пошла к своей одежде.

Бах! Он упал на спинку стула?

Подавив улыбку, я вытерлась своей полусухой старой футболкой, а затем натянула трусики.

— Э-Эви? — Его голос звучал приглушенно.

Я потянулась за лифчиком, возможно показывая ему грудь сбоку, не волнует. Когда я застегнулась, я оглянулась через плечо.

Рядом с перевернутым стулом, Джексон опустился на колени, с его губ срывались хриплые вздохи. Его высокие скулы пылали, а мышцы были напряжены, как будто он собирался напасть на меня.

— Ты… ты встала? — он сильно прижал дрожащую руку ко рту, и снова, глаза потемнели от похоти. — Никогда не думал, что ты встанешь, ma bonne fille. — Моя хорошая девочка.

Пожав плечами, я потянулась за джинсами.

— Если ты не можешь удержать свой накал, держись подальше от хижины.

Он громко сглотнул.

— Brьlant. — Раскаленный. — И поверь мне, cher, я собираюсь унять этот накал.

Вскочив на ноги, он двинулся ко мне, стуча своими тяжелыми ботинками по

деревянному полу. Каждый его шаг умножал мои ожидания. Он собирался поцеловать меня снова, и одна мысль об этом, наполняла меня энергией.

Нет, нет, нет! Это было неправильно. Я не хочу, чтобы он запал на меня только потому, что был пьян, и неудовлетворен.

Прежде чем я успела одеться, он развернул меня, обернув рукой ниже спины.

— Ты шла, покачивая своей хорошенькой задницей не в том направлении, Bebe. Ты должна была подойти ко мне, когда была вся голая и мокрая.

— Даже не смей подходить ко мне! Потом обвинишь меня, что я снова загипнотизировала тебя.

— Я понял, что у тебя не было всех твоих сил, когда я впервые захотел тебя.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что если бы ты гипнотизировала тогда, все парни Стерлинга задыхались бы, глядя на тебя, а не на Клотиль.

Вскинув подбородок, я сказала:

— Эй, я не так уж плоха, кайджан.

— Это правда. Когда я увидел тебя в тот день одну в школьном дворе, в твоей коротенькой юбке… — Выражение его лица стало тлеющим. — Я хотел, уложить тебя спиной на тот стол, и взять прямо там, Эванджелин.

Я вздрогнула, услышав, как мое имя с акцентом скатилось с его языка. Этому невозможно сопротивляться. Я знала это, потому что изо всех сил, пыталась.

Он был прав. Глупо бороться с этим. Я посмотрела на него и прошептала:

— Только, только не делай мне снова больно. Если я поцелую тебя, а ты испытаешь отвращение…

Он тихо рассмеялся, потершись своими бедрами о мои.

— Чувствуется ли, будто я испытываю отвращение?

— Джексон! — Ахнула я.

— От тебя пахнет жимолостью. Тебе нравится Джек сейчас?

— Я никогда не прекращала тебя любить. Даже когда ты пытался спастись от меня в силе католицизма.

— Не могу ничем помочь, меня воспитывали, что сверхъестественное — это либо чудо, либо сатана.

Я закатила глаза:

— И ты все еще пытаешься выяснить, кто я?

— Non. Я пытаюсь выяснить, до сих пор ли я католик. — Он улыбнулся так, что у меня замерло сердце.

Великолепные губы. Я хотела их на моих.

Перед тем, как меня поцеловать, он сказал:

— Ты, можешь быть не такой, как я думал, но я хочу защищать тебя в любом случае. Я хочу, попытаться принять все это. Но ты должна принять меня.

— Принять тебя? О чём ты говоришь?

— Я девятнадцатилетний парень с протоки. Я люблю выпить. Я могу говорить глупое

дерьмо. Ты должна принять свои чувства ко мне без боли, без колебаний.

Я положила ладонь на его лицо.

— Ты испытаешь еще больше боли, чем чувствуешь, если останешься с нами. И это будет моя вина, потому что я не хочу разлучаться с тобой. Ты хотел, чтобы я отпустила тебя.

— Это было, прежде чем я кое-что понял, на этой неделе. Я не собирался прожить долгую жизнь до апокалипсиса. До того, как появились зомби, людоеды, и чума. Теперь я полагаю, что буду тратить свое оставшееся время на то, что я хочу.

— И что ты хочешь?

Он улыбнулся.

— Ты — то, что я хочу, а это — то, что я хотел бы делать с тобой. — Он наклонился, прижавшись губами к моим.

Когда он ко мне прикоснулся, наконец, полил дождь, барабаня по жестяной крыше. Я не слышала, этого звука с той ночи, когда приходила к дому Джека на протоке.

Он отступил:

— Христос, твои губы такие сладкие. Douces comme du mie. — Сладкие, как мед. Он сорвал с себя рубашку, обнажив влажную грудь, четки на шее. Я скучала по такому его виду.

Мои пальцы скользили по шраму на его руке. Я так любила этот знак. Если бы он не получил эту рану, в ночь Вспышки, он бы умер, как и большинство остальных.

Его руки опустились на мою задницу, плотно прижимая к нему. — T 'es pour moi, Evie. Ты моя. Каждая часть тебя. — Он наклонился, взял мои губы еще раз. Между поцелуями, он сказал: — Я говорил тебе однажды, и я скажу еще раз: нет ничего, что может встать между нами, через что мы не сможем пройти. Просто дай мне шанс, добраться до тебя. Обещай мне.

— Джек…

— Обещай мне. Ты не оставишь меня снова.

— Я обещаю. — Глядя на его губы, я сказала: — ты всегда придёшь за мной?

— Буду следовать за тобой, как цепной пес. — Пробормотал он пьяно.

Я засмеялась. Как я могла чувствовать себя счастливой в нашей ситуации?

— Я рада, что мне больше не нужно скрывать это от тебя. Нет больше никаких секретов — у каждого из нас. — Подождите ка. Его взгляд метнулся? — У тебя есть то, что ты хочешь мне сказать?

— Non, Rien. — Нет, ничего.

— Ты… ты мне врешь? Джек, нет ничего важнее доверия прямо сейчас. Учитывая эту игру, весь этот мир, мы должны иметь возможность полагаться друг на друга.

— Я не вру. Ты можешь доверять мне Эви. — Сказал он более твердо. — У меня нет секретов, peekon. За исключением того, как сильно я тебя хочу.

— Я верю тебе. — Я облегчённо кивнула.

— Хорошо. — Он обнял меня, прижимая мое тело к своей груди, поворачивая к кровати. — В ту ночь у бассейна, ты бы позволила мне, если бы я был медленнее. Я сделаю это сейчас. Красиво и медленно.

— Мы не можем быть вместе так. Что будет, если я причиню тебе вред своими силами?

— Это мой выбор, ma belle.

— Я серьезно.

— Я тоже. — Он подошел к кровати, грешные поцелуи, заглушили мои мысли, он

отстранился от моих губ, чтобы добавить. — Ты любишь меня слишком сильно, чтобы причинить мне боль.

Я не стала отрицать.

— Теперь, тише. Мы сделаем то, что у нас лучше всего получается, когда молчим.

Подняв брови, я наклонила голову. Потому что он был прав. Я накинулась на его губы. Наш поцелуй углубился, языки сплелись. Я услышала фразу «опьянен ее губами», сорвавшуюся с его губ. Сама я буквально опьянела от самогона.

Сначала мы целовались по-французски, потом был кайджанский-французский поцелуй. Пряный, тяжелый, дикий.

Вот как это было с Джексоном. Горишь, без контроля. Разрушительно, как в аду. И мне было все равно.

Он отступил и бросил меня на кровать.

Одеяло провалилось; я падала в яму, размахивая руками. В последнюю секунду, я зацепилась за край кончиками пальцев.

Джек нырнул за мной. Он схватил меня за запястья, как раз перед тем как я сорвалась.

— Иисус! Я с тобой!

Я едва могла слышать его. Оглушительная сирена выла на крыше хижины.

Сигнал для этой… ловушки?

Когда Джек вытянул меня обратно в комнату, я посмотрела вниз. Ржавая арматура торчала из земли, по крайней мере, в десяти футах внизу. Он прижал меня к себе, защищая.

Там не было никакого матраца; кто-то нанес тонкий слой пены на каркас кровати, затем замаскировал ярким одеялом и подушками.

— Дорогой Бог. — Пробормотала я, когда сигнал утих. В панике и путанице, мне показалось, что я слышала вой волков в дали.

Он обнимал меня так крепко, пока я не почувствовала его каждый судорожный вздох.

— Я… Я мог убить тебя.

Опять же спорно. Но это определенно было бы больно.

— К-кто мог это сделать? — Спросила я, хотя уже знала ответ. Этот сигнал был как звуковой сигнал на обед на заводах или… на шахте.

— Каннибалы. — Джек схватил мою одежду, сунул мне в руки. — Если это их ловушка, они скоро прибегут. Мы должны идти, Bebe. Быстро.

Глава 11

ДЕНЬ 257 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА
В СТРАНЕ КАНИБАЛОВ, ОЧЕВИДНО

— Почему они называют это ливнем, — размышлял Финн, когда мы поднимались в кромешной тьме, — потому, что он ЛЬЕТ вниз, а не барабанит по голове?

С тех пор как мы покинули хижину три дня назад, дождь лил так сильно, что буквально барабанил по нашим головам.

Я выросла в Луизиане, я знала, что такое грозы. Но я никогда не чувствовала дождя подобного этому. Разве я хотела, чтобы он бил с неба?

Финн сильно шлепнул грязной рукой по лицу:

— Между прочим, мы бежим как сумасшедшие Арканы-остолопы, от людоедов-психов. — Он театрально поднял кулак к небу. — Да расчистится небо прямо сейчас!

Мэтью заговорил:

— Каннибалы-Арканы!

— Да, да, спасибо напомнил, что некоторые из них могут быть и теми и другими.

Хотя было уже за полночь, мы продолжали бежать, спотыкаясь в пути, копаясь в грязи, пепле, который я ненавидела. Потоки воды хлестали, заливая все до наших лодыжек, создавая угрозу поскользнуться на каждом шагу. Слева и справа валились стволы деревьев, уносимые вниз потоками, подобными речным.

Но теперь Джек помогал мне пройти через это.

Угроза каннибалов заставляла нас мчаться сквозь ночь. Даже Бэгмены не заставляли нас так бежать. Да, Мэтью говорил, что я никогда не знала «настоящего ужаса», но узнаю, когда пойдут дожди.

Мы были добычей для людей, которые хотели съесть нас — не знаю, что может быть ужаснее.

При отсутствии звезд, которые вели бы нас, и без солнца в течение дня, мы не могли определить, где находимся, просто держались южного направления. Мы надеялись.

После той сирены, когда мы в панике вместе выбегали из хижины, три остальных Аркана заметили, что Джек крепко держал мою руку в своей. Выпятив грудь, он гордо объявил:

— Эви теперь со мной.

Мэтью склонил голову:

— Не Аркан.

Финн улыбнулся, Селена выглядела опустошенной. Но она не сказала ни слова, ни тогда, ни после, казалось, стойко это приняв.

Теперь, когда мы наталкивались на стремительный поток, Джек говорил:

— Ты, подойди сюда. — Он сгребал меня в охапку, прижимая к своей груди, и таким образом тащился по колено в воде.

Я дрожала, несчастная, готовая отдать все, чтобы быть в тепле и сухой.

— Мы должны пройти через это, Эви. И просто подумай, в таком темпе мы будем у твоей grand-mire’s в ближайшее время.

Теперь, когда мы были официально вместе, позиция Джека изменилось. Он стал еще более жестким, еще более решительным, словно у него было за что бороться. В течение трех дней мы украдкой целовались, шепотом разговаривали.

В один из таких разговоров он сказал мне:

— После того как мы закончим игру я отстрою Хейвен для тебя, ma belle. Ты увидишь, я смогу.

В другой признался:

— У бассейна был не первый наш поцелуй. Когда я вернулся за тобой, после Вспышки ты была без сознания в постели, я никогда не видел ничего подобного тебе, такая мягкая во сне. Я украл bec doux, — сладкий поцелуй — я был твоим, даже тогда.

Вчера вечером мы на несколько часов разбили лагерь в кабине старого грузовика для лесозаготовок. Селена осталась на страже, Джек, наконец, уснул со мной на руках. Засыпая, он прижался губами к моим волосам, вдыхая. По-французски он пробормотал:

— Жимолость. Даже сейчас я могу умереть счастливым мужчиной.

Всякий раз, когда я начинала сходить с ума больше, чем обычно, он дразнил меня. Вчера он долго шел позади меня.

— Я понял, что сказал, когда говорил, что ты не человек.

И когда я должна была вот-вот вспыхнуть, он сказал:

— Эви, твоя задница — это эмм, эмм… ЭММ! C’est surhumain — это нечто сверхчеловеческое.

На другой стороне ручья он поставил меня на ноги, но задержал руки вокруг меня, опершись подбородком о мою голову.

— Мы должны найти место, где спрячемся от людей, где мы остановимся. — Его голос стал хриплым, посылая дрожь сквозь меня.

Даже среди таких трудностей и страха я представляла, что случилось бы, если бы хижина не была ловушкой.

Могу поспорить, что девственницей я уже не была бы.

— Джек, я не знаю, с-сколько миль я ещё продержусь.

— Еще на пару поднимемся. Потом остановимся на час или два.

— Х-хорошо. — Мы поднажали…

Позывные Арканов всегда были слышны, но парочка стала громче, даже в присутствии Джека.

— Красные зубы и когти! -

— Перейдем к нашим кровавым делам. -

Мы привыкли к Фауне, но я не знала, кому принадлежал второй. Никто не знал, даже Селена. Мы только знали, что он был мужчиной. Где-то в этих горах был мальчик, который может жаждать нашей смерти. Может быть, Иерофант?

Я спросила Мэтью. Он ответил:

— Вода!

Я так же слышала Смерть, чувствовала его присутствие, когда он обращался прямо ко мне. Однажды он прошептал о Джеке:

— Смертный мальчик никогда не поймет тебя. Но может быть, потому, что ты скоро умрешь.

Заткнись! Я устала от тебя!

Он только рассмеялся.

Если Мэтью посылал мне видения о Смерти, чтобы научить меня большему о нем и игре, то я знала, что должна была изучать каждую деталь. В той древней игре, другие игроки приближались к каньону. Я помнила, что Фауна управляет львами, но было не ясно союзник она мне или враг. Злорадствовал ли Суд над моей кончиной, кружась как стервятник? Или готовился напасть на Смерть с неба?

Кашель настиг меня. Вдохи давались тяжело, я дышала дождем.

Под стук дождя, Джек сказал остальным:

— Нам нужно отдохнуть!

Несмотря на мой страх перед каннибалами, в этот момент я думала, что лучше остановиться ненадолго, чтобы потом продолжить идти. Я не могла выпустить ядовитые споры в такую погоду, но торнадо из шипов мог бы нанести некоторый урон. Если я смогу им управлять.

— Мы не можем больше бежать.

— Выражайся конкретнее, ты сказала, что тебе совсем хреново! — Сломалась Селена.

Вдруг Финн Селена Мэтью и я замолчали, застыв на месте.

Позывной Аркана кричал в наших головах. Я прижала руки к ушам, как будто это могло помочь. Затем взрыв:

— КРАСНЫЕ ЗУБЫ И КОГТИ! -

Джек поднял арбалет и дернул меня за спину.

— Что здесь происходит? — Его взгляд метался. Я схватила Мэтью, таща его к себе.

— Фауна. Она пришла. — Ответила я. Будет ли она сражаться с нами? Она одна, почему бы ей не присоединиться к альянсу из четырех Арканов?

Как только Селена, стоявшая сбоку от меня, подняла свой лук, красивая девушка как будто материализовалась из дождя.

Она выглядела евразийкой, с карими как у лани глазами, с приподнятыми уголками. Мешковатая шляпа покрывала ее черные волосы, она была одета в камуфляжное пальто. Веснушки усеивали ее бледную кожу. Ей не могло бы быть больше чем четырнадцать или пятнадцать лет.

Хотя она не носила никакого видимого оружия, огромный ястреб сидел на одном плече, и три огромных черных волка окружали ее, обнажив клыки, защищая.

Вид волков в кино всегда был величественным, эти — были самыми уродливыми, которых я только могла представить, с проплешинами кожи без меха, и шрамами по всему телу. Поднятые линии пересекали их морды. У одного отсутствовал глаз. Второй хромал.

— Стой, где стоишь, — приказал Джек, указывая на свой арбалет.

Ее изображение мелькнуло над ней, девушка, держащая льва за зияющую пасть. Затем

образ исчез.

Финн посмотрел на нее, его губы приоткрылись. Все его последние иллюзии начали быстро мелькать над ним, словно невольно отвечая девушке. Он стал невидимым — дважды — когда прошептал ей:

— У нас о-обоих есть символ бесконечности на картах.

Она нахмурилась глядя на него, затем сказала группе:

— Я Ларк. И мы в беде.

Глава 12

— Почему я не должна убить тебя прямо сейчас? — потребовала ответа Селена, направляя свой лук в лицо девушке. — Почему мы должны верить всему, что ты хочешь сказать?

— Потому что я пришла сюда в качестве союзника, — сказала она. — И, чтобы доказать это, я собираюсь спасти ваши задницы.

Селена рассмеялась и оттянула дальше свою тетиву.

Финн и я уставились на Лучницу.

— Пусть она говорит! — сказал он.

— Она шла за нами в течение нескольких дней? А теперь вдруг она здесь, чтобы помочь?

Ларк кивнула.

— Да. Я должна была убедиться, что вы не психи, как другие Арканы, которых я видела. Кроме того, вы не нуждались в моей помощи прежде.

— А сейчас? — издевалась Селена.

— У вас на хвосте орда Бэгменов к Северу и они быстро двигаются.

— Мы про это знаем.

— Знаете ли вы, что разведчики каннибалов на востоке заметили вас, и они ждут подкрепление прямо сейчас? Они прибудут на полноприводных внедорожниках и квадроциклах, и их много. Для этого Острозубы привели много здоровых людей в свою армию.

— Острозубы? — Спросила я.

Финн сказал:

— Ты поймешь, когда увидишь их.

Ларк бросила на него удивленный взгляд.

— Ты знаешь их?

Он кивнул.

— Я пересекал эти горы раньше. Невидимый. Я видел… все.

Селена ослабила натяжение тетивы на своем луке.

— На севере Бэгмены, на востоке каннибалы? А на юге и западе?

— Одно из направлений ведет к тупику, к отвесной скале, — разъяснила Ларк. — Другое направление ведет в узкий проход, который усеян ловушками. Медвежьими капканами и волчьими ямами.

С последними я была знакома.

И везде скалы. — Ларк повернулась ко мне. — Не много мертвых деревьев для тебя, чтобы возродить, Императрица.

Странно, что незнакомка так меня называет.

Селене, она сказала:

— И это очень узкое пространство, не прицелишься. Не благоприятно для Лучницы.

Она знала все наши карты, знала кто мы, все это значило, что она знает всю колоду, знает игру.

— Зачем вы, ребята, идете в этом направлении? — спросила Ларк. Дождь стекал с полей ее шляпы на землю. — С вами Дурак, и он привел вас сюда? Тактически это примерно так же плохо, как оно и есть.

— Лучший вопрос? — сказала Селена. — Почему ты остановилась здесь?

— Это мое укрытие. Я знаю этих животных, знаю горы и шахты в горах. — Ее акцент стал южным. — Плюс, Острозубы держат худших из Арканов на расстоянии. Но теперь они расширяют свои территории.

— Почему? Когда? — Голос Финна поднялся на октаву выше. Что бы он ни видел, это отпечаталось в нем навсегда.

— В последнее время. Они голодают внизу в шахтах. Ради свежего мяса и трех производительниц, Острозубы будут охотиться на нас во всех концах земли.

— Производительниц? — спросила я.

Невозмутимым тоном она сказала:

— Каннибалам тоже нужна любовь.

Я посмотрела на Финна. Он был очарован Ларк.

Селена посмотрела на него. Она была не из тех девушек, которая хотела когда-нибудь увидеть, как ее поклонник двигается дальше?

Ларк сказала:

— Хорошей новостью является то, что они попытаются взять нас живыми. Ранив или оглушив.

Финн пробормотал:

— Потому что им не хватает холодильников. — Он боком придвинулся ближе к Ларк?

— Тогда мы бежим. — Селена, наконец, опустила лук. — Мы испытаем свои шансы в этом проходе, если это не фальсификация, как ты говоришь.

Ларк почесала одного волка за ухом со шрамом.

— Если вы попробуйте пройти этот каньон в темноте, вы идете на смерть.

— Почему ты не ушла? — потребовала Селена. — Ты могла бы ускользнуть от всего этого.

— Я же сказала вам — я хочу в ваш альянс.

— Очевидно, что ты знаешь все об этой игре, — сказала я. — Но наша группа немного отличается. Мы не собираемся играть. Мы не хотим никого убивать. За исключением Смерти.

Губы Ларк приоткрылись, как будто эта новость была слишком хороша, чтобы быть правдой. Ее маска крутой девушки дала небольшие трещины, и мне показалось, что ее карие глаза наполнились слезами.

— Не убивать? — Боже, она выглядела так молодо. — Я была здесь одна, и когда увидела Габриэля и его команду, приближающихся к этой области, я испугалась и подумала, что мне точно конец.

Плечи Селены напряглись.

— Они были здесь?

Черт побери, я ожидала, что они двинуться в противоположном направлении!

— Так близко, что Габриэль почти врезался в моего сокола. Они повернули назад, но я поняла, что мое прикрытие каннибалами не защитит меня надолго. Рано или поздно, Арканы придут на призыв Иерофанта.

— Тогда мы слышали его позывной, — сказала я. Перейдем к нашим кровавым делам. — Он близко. -

Ларк кивнула.

— Считают, что он ответственен за каннибалов. Его зовут Гатри. Он творит все эти вещи, извращая религию. Он ввергает их всех в восторг. Это культ, культ пещерных каннибалов. Они подпиливают свои зубы, чтобы выглядеть как он.

Про себя я не считала их жуткими. Они просто такими и были.

Выражение лица Селены было подозрительным.

— Почему Иерофант не нацелился на тебя?

— Я уверена, что Гатри не знает об игре. Он слышит мой позывной и думает, что я ангел в его чате или что-то типа того.

— Кто доберется до нас первым? — спросил Джек. — Сколько у нас времени?

— Я могу получить оценку реального времени. — Она что-то пробормотала птице на плече. Та развернула крылья за головой Ларк, перебирая толстыми лапками. На ней был даже небольшой кожаный шлем.

Любая телка, которая везде носит хищную птицу с небольшим шлемом, выглядела для меня крутой. О, Боже, я действительно надеялась, что она не собирается убить нас всех.

— Ты можешь видеть глазами ястреба?

— Она кречет. И да. — Взмахнув перьями, сокол взлетел с тонкого плеча Ларк, воспаряя в дождливое небо. Размер птицы поразил меня, размах крыльев был, по крайней мере, четыре фута.

Взгляд Ларк стал пустым, ее глаза заискрились красным, как взгляд животного, попавшего в свет фар. Когда ее тело и голова повернулись в сторону, как у ребенка, играющего в самолет, я поняла, что ее чувства и чувства кречета соединились. Они меняли направление в полете.

Еще раз: Круто.

Мгновения спустя, Ларк моргнула, ее глаза стали обычными.

— Бэгмены будут здесь около полуночи. Я прогнозирую, что Острозубы покажутся примерно в тоже время.

— И те и другие? Через четыре часа.

Финн подошел к волкам. Они зарычали, но он проигнорировал предупреждение.

— Не надо! — Закричала Ларк. — Они убьют тебя. Они волки войны…

После колебаний, они начали лизать его протянутую руку. Ларк расслабила челюсти. Очко в пользу Финна.

— У этих ребят есть определенный прогресс, да? — Обращаясь к Ларк, сказал Финн: — таким образом, наш выбор: либо бороться с ордой Бэгменов и каннибалами, либо рискнуть и перейти напичканный ловушками горный проход в полной темноте?

Ее маска крутой девушки вернулась на место, Ларк улыбнулась, обнажив острые клыки.

— Бинго. Там будет, наверное, не меньше пяти десятков каннибалов. Вдвое больше, чем Бэгменов.

— Тогда мы сделаем здесь привал, — сказала я. — Я хотела сделать это раньше. Теперь я не видела другого выбора.

Джек пробормотал мне:

— На одно слово. — Он отвел меня на некоторое расстояние. — Я не думаю, что ты будешь согласна со мной, но что если попробовать взобраться по отвесной скале? — Когда мой взгляд упал на Мэтью, Джек тихо выругался. — Всегда соо-уфn. Он мог бы предупредить нас об этом, мог бы вывести нас из этой долины.

— Он сказал мне, что сообщит нам, когда мы сойдем с правильного пути.

— Означает ли это, что ты чувствуешь себя на правильном пути?

— Я попросила его использовать свои способности, как можно меньше. Я надеялась, что это сделает его рассудок более ясным.

Джек жестом попросил Селену присоединиться к нам. Она, все еще качала головой. Мэтью последовал за ней. Финн, извинившись перед Ларк, тоже поспешил к нам присоединиться.

— Ну, Мэтью? — сказала я. — Что ты можешь сказать о ней.

Он прошептал: — Подвал.

— Что? Она хочет причинить нам вред?

— Хорошая. Плохая. Хорошая. Плохая. Хорошая. Хорошая. Плохая. Плохая. Хорошая. Плохая. Хорошая…

— Я поняла, — сказал я, перебивая. Со вздохом я убрала мокрые волосы со лба. — Спасибо, дорогой. Мы собираемся выяснить это.

Джек спросил нас:

— Вы думаете, эта fille’s говорит правду?

Финн взглянул на Ларк и обратно. — Полностью.

— Я думаю, что она маленькая лгунья. — Селена, возможно, и опустила лук, но продолжала держать стрелу на тетиве. — Я не верю ни одному ее слову.

— Да, но ты не доверяешь никому. — Указала я.

— Я доверяю тебе, — сказала она, удивив меня. — Я верю, что ты будешь делать то, что говоришь и не солжешь мне.

Я нахмурилась формулировке. Я доверяла ей в том же смысле.

Селена склонила ко мне голову.

— Ты думаешь, она говорит правду?

Я не могла сказать наверняка. Но нам нужен был шанс — нас должно быть больше. Мы могли бы остановить эту игру, но только если нам удастся привлечь больше игроков на нашу сторону.

— Я думаю, мы должны шагнуть навстречу и довериться ей, но только по одной причине — чтобы расширить наш альянс.

Селена закатила глаза.

— Я должна оценивать общую картину, — объяснила я, — плюс, то, что она говорит, имеет смысл. Мы знаем, что Бэгмены приближаются, и мы знаем, что сработала сигнализация

каннибалов.

Все снова слушали меня, словно я была лидером. К чёрту всё, но так и было.

— Если мы верим в это, у нас есть основания полагать, что в проходе есть ловушки. Итак, наш следующий шаг решить, какой из представленных ею вариантов несет меньшую вероятность, что нас убьют.

Финн сказал:

— Я думаю, мы могли бы остаться и использовать наши силы. — Взглянув на меня, он добавил так осторожно, как только мог. — У тебя могут, эм… могут возникнуть трудности при спуске по скалистому каньону?

Еще один спуск? Взгляд на Джексона.

— Беспокойся о себе — я понесу её задницу, если будет нужно.

Я положила руку на грудь Джеку.

— Он прав. Мы могли бы использовать наши силы.

Ожидание — теперь мой девиз. Или, может, я просто не хочу рисковать, чтобы медвежий капкан защелкнулся на костях наших ног.

— Тогда нам будут нужны волки Ларк, — сказал Финн, я говорю, давайте позовем её.

Мы все посмотрели на неё. Сокол, вернувшись, приземлился на её плечо и встряхнул перьями. Она потерлась носом о его клюв.

— Ты, верно, шутишь? — Селена посмотрела с ужасом. Так же как я раньше не верила ей, Селена не доверяла Ларк.

Но Финн уже махал девушке.

— Что вы решили? — спросила меня Ларк.

— Мы собираемся бороться.

Джек выдохнул, раздувая дождевую воду. — Тогда давайте будем умнее. У нас два врага. А когда их пара, то лучшее, что можно сделать, это столкнуть их между собой. — Я нахмурилась. — Это то, что мы сделали, чтобы вытащить вас из тюрьмы ополчения — мы натравили на них Бэгменов. Мы все знаем, что Бэгмены не отступят. Если их будет в два раза больше, то у Зубов не останется шансов. Селена, дай мне посмотреть карту.

Она вытащила её из сумки, и передала.

Джек закинул арбалет за спину.

— Помните последнюю долину, которую мы прошли, с большим участком плоской земли? Это зона поражения, тактический кошмар. Оттуда трудно выйти. Если каннибалы на грузовиках, им придется проехать там, чтобы, подобраться ближе к нам, насколько это возможно. Там мы заманим к ним Бэгменов. Селена и я могли бы привлечь их внимание, заставить их преследовать нас.

Джек в качестве приманки? Мы должны найти лучший вариант.

Селена изучила эту область.

— Это хорошо, но так мы создадим ещё больше зомби.

Одного укуса хватает, чтобы заразиться, если конечно жертва пережила нападение.

Джек пожал плечами:

— Меньшее из двух зол. По крайней мере, Бэгмены не думают.

— У меня идея, — сказала я, — мы можем спустить Бэгменов здесь. Я могу сделать проход окруженный шиповником, загоняя их.

Финн постучал по месту на карте:

— Я мог бы сделать иллюзию, что гора начинается здесь, чтобы они пошли по проходу в шиповнике Эви.

— Мои волки могли бы кусать, следуя по пятам и загоняя вниз.

Джек сказал:

— Селена и я можем в это же время стрелять в них, подгоняя вперед.

Проход в шиповнике, кусающиеся волки, иллюзии и стрелы.

— Если это сработает и каннибалы умрут, Бэгмены будут пить их несколько дней. У нас будет достаточно времени, чтобы скрыться.

Джек кивнул.

— Сколько времени потребуется нам для подготовки?

Как долго придется течь моей крови, чтобы вырастить растения для этого?

— Два часа?

По-французски Джек сказал мне:

— Хорошо. Тогда у нас есть немного времени поговорить с девушкой и выяснить, возможно ли хотя бы попытаться все это осуществить.

Глава 13

Хрусть.

Я поморщилась, гигантские волки Ларк, каждый раз притаскивали кости.

После завершения наших приготовлений, неподалеку мы нашли пещеру, больше не в состоянии ничего делать, но желая расслабиться и ждать битвы. Сокол Ларк должен был держать нас в курсе, если кто-то прибудет. Как только мы обосновались, ее волки — Шрам, Циклоп и Людоед — исчезли на некоторое время, а вернулись со старыми костями. Человеческими.

Как объяснила Ларк:

— Волки должны есть. Трупы после апокалипсиса.

Чтобы отвлечься, я, как гордый родитель, продолжала смотреть на мой шиповник.

Это было очень красиво, во всяком случае, я продолжала себе так говорить. Я вырастила достаточно растений, чтобы сделать две густые стены, двенадцати футов в высоту. Непроницаемые. Такие глянцевые и зеленые в противоположность пепельно-черной земле. Шипы торчали через каждые несколько дюймов.

Я хотела бы жить среди стеблей, но сомневаюсь, что Джек захотел бы жить со мной там.

Я сидела спиной, прислонившись к его груди. Потеря крови заставляла меня мёрзнуть, но я постепенно согревалась теплом его тела и теплом огня, который мы разожгли. Мэтью был рядом, сонный, глядел на пламя, в то время как Селена занималась увеличением количества своих стрел.

Ларк села плечом к плечу с Финном, волки расположились за ее спиной. Мы уже узнали, что у волков войны высокий интеллект, свирепость и очевидно аппетит.

Хрусть. Хрусть.

Джек, кажется, хорошо справился с этим безумием. Немного раньше, когда я засучила рукав пальто, чтобы сделать первый надрез на коже, ему было непросто.

— Ты уверен, что хочешь видеть это? — спросила я, проводя когтями над первым запястьем.

Приоткрыв губы, он сказал:

— Ouais.

Я разрезала. Он поморщился.

— Я исцелюсь, Джек.

— Но это не значит, что тебе не больно, так?

Пускать кровь было чертовски болезненно. Я стиснула зубы, в побелевших пальцах пульсировала боль, когда я разрезала руки вверх и вниз. Он словно прикованный наблюдал, как моя кожа заживает. К тому времени как все было сделано, я чувствовала головокружение и холод.

Он потер мои плечи, согревая их.

— Так вот как ты выращивала пищу для своей мамы.

Пока мы работали над проходом, Селена разведывала местность на предмет любых выходов, которые могли быть там. Мэтью отдыхал по соседству под навесом, его почти не было видно за плотной завесой воды. Неподалеку, рядом с Ларк, сидевшей с широко открытыми глазами, Финн практиковался в иллюзиях.

Иногда я слышала их разговоры и была рада, что он снова начал нести свою красивую фигню.

— Я не идеален, Ларк. — Сказал он ей серьезно. — В связи с некоторыми проблемами с самооценкой, я всегда выбываю на первом свидании. Хотя я работаю над этим. Поможешь мне?

Она засмеялась, явно симпатизируя ему. Может у них действительно был своего рода символ соединения — бесконечность. Если они полюбят друг друга у нас будет еще одна пара Арканов, которые не будут нападать на других. Еще один кусок динамита в машину.

Обычно я не думала о связях в такое время, как это. Но такие мини-альянсы были решающими.

Сейчас Селена спрашивала ее:

— Что ты знаешь об игре, Ларк?

— Хочешь поговорить о специфике перед маглом*? — она указала большим пальцем на Джека.

(*Магл (англgraph-definition>

англ

muggle, встречается перевод «маггл») — термин, обозначающий человека, не обладающего магическими способностямиgraph-definition>

магическими способностями

.)

— Он знает все, — заверила я ее, — что ты можешь рассказать нам?

— Моя семья — летописцы. — Сказала она, полируя когти. Они не были похожи на мои шипы. Ее были узкими и загнутыми, похожими на когти животных. Плюс, ее — никогда не исчезали полностью.

Селена рассмеялась.

— О, правда? Видишь ли, я слышала, что вы были уничтожены первыми в предыдущей игре. Numero Uno. Когда у вас было время оставить многовековой бумажный след для потомков?

Финн рассердился.

— Полегче, Селена.

— Нет, все в порядке, — сказала девушка, — конечно, я знаю больше о текущей игре, тогда как большие собаки, о предыдущих.

— Большие собаки? — спросила я.

— Игроки, способные нанести наибольший урон, как ты и Селена. Как Смерть и Тесс.

— Мы встречали ее. Что ты знаешь о ней?

Мэтью пробормотал:

— Плохие карты.

— Она карта Мир, — сказала Ларк. — Пятый элемент. Она была с Джоулем и Габриэлем неделю назад. Должно быть, они взяли ее в качестве союзника. Умный ход с их стороны, так как она может в значительной степени контролировать пространство и время. Одна проблема: летописец ее линии не справился со своей задачей, так что она не понимает, почему левитирует каждый раз, когда чихает. А если она поворачивается, ускоряются время и вещи.

Финн выглядел увлеченным Ларк, опираясь подбородком на руку, когда смотрел на нее.

— Как это работает?

— Не спрашивай меня. Я не доктор и не квантовый физик.

Он и Ларк засмеялись, но потом ее улыбка исчезла.

— Я не должна смеяться. Она выглядела милой девушкой. Много плакала, и обкусала ногти до крови. Не понимать свои силы должно быть дерьмово.

Это так. Я помнила, когда была в том же положении, удивлялась, почему растения отвечали мне. Я сочувствовала Тесс, желая ей помочь.

— Но я уверена Джоуль и Габриэль очень скоро обучат ее игре, если еще не сделали этого. — Ларк указала на Мэтью. — У Дурака тоже большая мишень на спине. Он знает силы и слабости каждого.

Мэтью подмигнул ей:

— Арсенал.

— А Эви? — спросил Джек.

Ларк повернулась ко мне.

— Те, кто понимают игру, хотят сохранить тебе жизнь, чтобы ты могла убить Смерть. Но есть некоторые, которые не знают что лучше. И теперь, когда ты стоишь пару знаков… — Она замолчала, глядя на мою руку. — Ну, это заманчиво.

Два знака — мой и Алхимика.

Джек накрыл мою руку своей.

— Это могло бы быть заманчиво, но этого не произойдет.

Она посмотрела на него открытым взглядом.

— Привет, мы союзники. — Она полезла в карман пальто и, вытащив сплющенный рулончик, протянула его мне.

Я развернула и нашла старые записи на пожелтевшем пергаменте, с пометками жирным карандашом.

— Это список игроков и их официальные названия, — сказала она, — я написала имена, которые я знаю, и вычеркнула проигравших.

— Игроки:

Дурак, Хранитель Игр Прошлого (Мэтью);

Маг, Мастер Иллюзий (Финнеас);

Верховная Жрица, Правительница Глубин;

Императрица, Наша Леди Шипов (Эви);

Император, Повелитель Камней;

Верховный Жрец, из Тёмных Обрядов (Гатри);

Влюбленные, Герцог и Герцогиня, Самые Извращенные;

Колесница, Чемпион Коварства;

Сила, Повелительница Фауны (ЛАРК!);

Отшельник, Мастер Алхимии;

Колесо Фортуны, Леди Судьбы;

Правосудие, Та, что терзает (Злоба);

Повешенный, Наш Лорд Сверхъестественного;

Смерть, Бесконечный Рыцарь;

Умеренность, Собирательница Грехов (Каланте);

Дьявол, Подлый Осквернитель (Оген);

Башня, Мастер Электричества (Джоуль);

Звезда, Навигатор Арканов;

Луна, Несущая Сомнения (Селена);

Солнце, Да Здравствует Славное Светило;

Суд, Архангел (Габриэль);

Мир, Неземная.

— Где ты его взяла? — спросила я.

— На дверце холодильника. Шучу. Как я сказала, моя семья вела хроники. Я держу пари, что большинство игроков умерло, но я вычеркнула только тех, о ком могу сказать наверняка, через позывные. Я слышала, как другие переполошились, когда была убита Злоба. Это было вначале. Не знаете, кто сделал это?

— Алхимик. — Я откашлялась. — Его звали Артур.

Она наклонила голову ко мне.

— Хорошо. Я обновлю список. — Ее глаза запылали красными. — Подождите, мы приостановимся для публичного объявления… У нас есть еще приблизительно два часа до начала шоу.

Начало шоу. Оно включало, что мы все можем умереть сегодня вечером. Черт, Смерть дал мне неделю, и уже близился ее конец. Если у меня осталось только несколько часов, я хотела бы провести их наедине с Джеком — и я хотела этого достаточно сильно, чтобы оставить наш уютный огонь и возвратиться в шторм.

Я мысленно спросила Мэтью, будет ли он в порядке с Финном?

— Императрица мой друг. Финн мой друг. -

— Да, это так. Я скоро вернусь. Я собираюсь поговорить с Джексоном. -

— Ему не понравится это. -

Я взмолилась, чтобы он ошибался. Поднялась, протягивая Джеку свою руку и шепча:

— Мы с тобой должны проверить периметры. Просто, чтобы убедиться, что нет ранних пташек.

Он немедленно вскочил на ноги, крепко схватив мою руку и объявляя:

— Периметры важны.

Я попыталась не замечать, как Селена поглядела вдаль, ее лицо выражало поражение.

— Финн, ты останешься с Мэтью?

— Matto и я неразделимы. Разве ты не слышала?

Мэтью сказал: — Горох. Стручок.

При этом Джек торопливо тянул меня наружу, как будто думал, что я могу передумать.

Я слышала хихиканье Финна.

— Проверка периметров? Это так сейчас называют это в Луизиане? Эй, Ларк, можно я проверю твой периметр?

Джек уже утянул меня в ночь. Несколько мгновений назад, я испытывала головокружение, холод и слабость, но, когда я посмотрела на него, волнение наполнило меня.

Я чувствовала себя живой…

Глава 14

Он повел меня мимо одной из стен шиповника к выступу, где Мэтью укрывался ранее, и мы прыгнули под завесу воды. Внутри, создавалось ощущение, что мы обернуты коконом вдали от мира.

Он тряхнул волосами так, как я любила.

— Ты уже не рад, что остался с нами? — спросила я его мрачным тоном.

— Зато никогда не бывает скучно. — Он притянул меня к себе, уткнувшись носом в мое ухо.

— Соскучился по тебе, peekфn. Я был с тобой весь день, как же это получается?

Боже, я скучала по нему еще сильнее.

— Я ничего не знаю о новой девушке, все, что я слышу, это как игроки хотят убить тебя. Но я уверен, что ты все еще думаешь о новом друге, новом союзнике, не так ли?

— Я? Я не думаю о новом друге, — хорошо, я, возможно, думала о новом друге. Она забавная. Мне нравилось ее отношение.

— Черт, Селена, готова была вывести тебя из игры не моргнув глазом. Ты продолжала говорить мне, что не доверяешь ей. Теперь я понимаю почему.

Я нахмурилась.

— Но она изменилась. Она пораскинула мозгами и решила сохранить мне жизнь.

— Слушай, все, что мы знаем наверняка о Ларк это то, что у нее есть волки-монстры, чтобы выполнять ее указания. Я не доверяю ей. Просто держись с ней настороже, Эви. Нет никакой необходимости рассказывать ей что-либо о нас. Ты — лучшая хранительница секретов, которую я знаю.

— Хорошо, я постараюсь узнать больше, чем рассказать.

Он кивнул.

— Если сегодняшняя затея выйдет боком, я хочу чтобы ты бежала.

Костяшками пальцев я провела по его подбородку.

— Я никогда не оставлю тебя в опасности.

— Ты хочешь сказать, что не сделаешь этого?

— Да. Но если со мной что-нибудь случится, мне нужно чтобы ты позаботился о Мэтью.

— Не смей так говорить, bйbй. — Он схватил меня за затылок, действие, одновременно защищающее и собственническое. — Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, нет.

— Хорошо, но не прыгай под пули или еще что-нибудь в этом духе. Помни, я регенерирую.

— Что если тебе попадут в голову, как Бэгмену?

— Хотела бы я знать. Но я думаю Прикосновение Смерти — это то, на что я еще буду вынуждена посмотреть.

— Он не обидит тебя. Пока я дышу.

Когда я задрожала, Джек сказал:

— Я разведу огонь.

Он собрал несколько сухих веток и сложил их около земляного выступа,

поднимавшегося от задней стены. Резкими движениями он ударил своим охотничьим ножом о кремень, высекая искры огня. Когда он разгорелся, Джексон вытащил свой спальный мешок из рюкзака, и положил его на выступ.

Затанцевали тени, воздух теплел. Мы сидели рядом, согревая руки.

Обстановка, огонь, льющаяся снаружи вода, опасность… все было таким интенсивным, примитивным. В этот момент я чувствовала, словно мне было предназначено, в конечном итоге, оказаться в этом месте с этим парнем.

Мы чувствовали, что предназначено.

Он смотрел на меня сверху вниз.

— Знаешь, что мы говорили о таких девушках как ты?

Я покачала головой.

— Вы влюбляетесь в своего первого.

— Ах. — Я толкнула его плечом. — Теперь понятно, почему ты так сильно давил на меня в ту ночь у бассейна. Все становится ясно.

Выражение его лица было серьезным:

— Я хотел тебя. Христос, я хотел тебя. Но намного раньше, чем той ночью. По моему мнению, если мы спим вместе, то мы останемся вместе. Мне было это нужно. Мне нужно это сейчас.

Иногда было столь очевидно, что он был воспитан в другой культуре, той, в которой мальчик, неся вещи девочки, изящно сигнализировал другим парням о том, что она его.

— Кто сказал тебе, что эта идея мне нравится?

— Тогда отрицай это.

Я никогда ни с кем не была, тем более с ним. Но если бы Джек был моим, я думаю, его теория могла оказаться правильной.

Он запустил пальцы в волосы.

— Я сошел с ума, когда услышал твои сообщения Брэндону. Что ты собиралась позволить ему обладать тобой.

Я мало что знала о том, как Джексон украл телефон Брэндона, чтобы слушать мои сообщения.

— Это была одной из причин, почему я был так зол в ту ночь, когда ты пришла ко мне домой. — Объяснил Джек. — Я полагал, что ты уже потеряна для меня, но после того, что ты увидела там, я знал, что ты убежишь от меня сломя голову. Я действовал неправильно.

— Это в прошлом. Сейчас я здесь, с тобой. — Я положила руку на его колено. — Как ты говорил, мы можем продолжить то, на чем остановились.

Его тело напряглось.

Я закусила губу.

— На всякий случай, если мы продолжим то, что начали прошлым вечером, у тебя есть защита?

— Да, и даже этого века. — Дразнил он, ссылаясь на наш первый злополучный, не законченный раз.

— Ты уверена в этом? В последний раз…

Я обхватила руками его лицо.

— Мы можем умереть этой ночью.

Джек улыбнулся мне, глядя сверху вниз.

— Теперь держись, Эви. Ты проведешь последнюю-ночь-на-земле со мной. Я в этом уверен.

— Я улыбнулась в ответ.

— Я тоже.

Мне понравилась эта вспышка недоверия на его лице, и как задвигался его кадык, когда он понял, что это должно было случиться.

Каждая причина, по которой я отказывалась от секса до этого, была ликвидирована. Я была в отношениях с Джексоном, и я доверяла ему, поэтому я знала, что не попаду под пристальное внимание и насмешки. До Джека я не испытывала к этому любопытства и не чувствовала страсти. Теперь я едва могла дождаться, чтобы сделать этот шаг. Дополнительный бонус: я любила этого парня. Об этом он уже знал.

Так что кончиком языка, я облизнула нижнюю губу, и он понял намек.

Легкие прикосновения его губ к моим, перешли в глубокий поцелуй. Не прерывая контакт губами, мы сдергивали наши пальто, стаскивали ботинки, избавлялись от влажных джинсов. Он отодвинулся, только чтобы схватить край моей рубашки и стянуть ее через голову.

Когда он все с себя снял, я посмотрела на его четки. Это было похоже на собственную эмблему Джека, его символ. Тогда я хмуро посмотрела на крошечные детали вокруг креста, замечая выгравированную в центре розу.

Четки. Роза*. Джек тоже нес розу. Снова меня охватило чувство, что это судьба.

(Англ.: Rose — роза. Rosary — четки. Автор рассуждает: Rose-ary (приблизительный перевод — несущий розу.))

Когда он положил меня на спину, мои руки взметнулись к его груди. С восторгом я начала изучать его влажную кожу, рельефные мышцы, мне нравилось, как они реагируют на мои прикосновения.

Пока я исследовала его, он пристально смотрел на меня в нижнем белье. Мои символы мерцали на коже.

— Будь милосердна, Эви. — Он наклонился и поцеловал тот, что вился через мою грудь, проследив его губами. — Они пугали меня прежде, — прохрипел он, касаясь моей кожи. — Но теперь я думаю, что они сексуальны. Все в тебе сексуально. — Он лизнул его, отчего я чуть не загорелась.

— Эй, я-я уверена, ты просто загипнотизирован. — Я хотела снять с себя остальную одежду, чувствуя себя ограниченной влажными кружевами.

— Имеет ли это значение, даже если это так? Non, нет, если мне это нравится. — Сказал он, снимая свои боксеры.

Я бросила на него быстрый взгляд и ахнула, мое дыхание стало прерывистым.

Он все еще улыбался, когда снова поцеловал меня. Скоро я была в такой прострации, что едва заметила, как он снимал мой лифчик, пока его теплая, твердая грудь не прижалась к моей голой груди. Он задрожал от прикосновения, застонал в наш поцелуй. Вес его тела на мне был божественным, долгожданным. Наши бедра начали двигаться, тереться, искать.

Затем его указательные пальцы зацепили края моих трусиков.

— Приподнимись, bйbй.

Когда я подняла бедра, он стащил последний барьер между нами. Ну, почти последний. Из кармана своих джинсов он достал пакет презерватива, разрывая его угол своими зубами. Когда он начал раскатывать его, я была поражена. Абсолютной страстью.

Кажется, не замечая моего взгляда, он переместился между моими ногами. Его бедра скользнули между моими, а затем я почувствовала его тяжесть на мне. Мои щеки горели, мое тело, было мягким для него.

Но как только он растянулся на мне, давление в моей голове возросло.

— Смертный не для тебя! -

Я дернулась в руках Джека.

— Что? Слишком быстро? — Он приподнялся надо мной. — Ты можешь попросить меня остановиться, если хочешь, Эви. В любое время, как ты захочешь.

— Ты не можешь познать его так. -

— Нет, я не хочу останавливаться. Это один из голосов. Смерть. Это как будто, он у меня в голове!

— Он не для тебя, тварь! — повторил Смерть.

— Почему ты делаешь это со мной? Ты такая жестокая задница, что не позволишь девушке, которую планируешь убить, получить хоть немного удовольствия в её последние дни? -

— Ты не заслуживаешь ничего кроме страданий! -

Джек сжал кулаки, мышцы на руках напряглись.

— Я должен убить этого сукиного сына, только за это.

Встань в очередь.

— Как, к черту, тебя это касается? -

— Твоя смерть — моя, что значит, твоя жизнь — моя.

— Ты безумен! — Я никогда не слышала от Смерти такого. Прежде, он всегда насмешливо дразнил меня моей предстоящей кончиной.

Теперь его слова были полны ярости.

— Ты мне должна, Императрица! Сделай это, и ты заплатишь. -

— Эви?

— Я хочу этого, Джек! Поцелуй меня.

Он сделал это, сразу заглушая Жнеца, разжигая мое волнение.

Но Смерть кричал:

— НИКОГДА, ТВАРЬ! -

До этого момента, это место было прекрасно; здесь должны были быть только я и Джек. Теперь Смерть разрушил это.

— Так не получится. Он не хочет, чтобы мы сделали это. И я не понимаю почему.

— Смотри на меня, Эви. Оставайся со мной.

Я пристально посмотрела на Джека, всматриваясь в его глаза. Они были насыщенно серыми, полными желания, тоски. Даже уязвимости.

— Сейчас он тебя проклинает, не так ли?

Пока Джек удерживал мой взгляд, Смерть стал тише, тяжесть его присутствия ушла.

— Sievв, не делай этого… -

Si… — что? Потом он исчез.

Превратился в ничто:

— Его голос затих. Это работает!

— Тогда я буду смотреть в твои глаза, когда беру тебя. Ты слышишь?

Я кивнула, желая этого больше, чем я когда-либо могла себе представить.

Он провел рукой между нами, ниже, ниже, погружая в меня пальцы.

— Такая горячая, — простонал он. — Такая совершенная. Ты тоже хочешь этого. — Это был не вопрос.

Он начал прикасаться ко мне так, как я нуждалась, ласкать меня. Независимо от того, что он делал, это сводило меня с ума все больше. Я подавалась бедрами навстречу его ласковым пальцам, веки отяжелели, но я продолжала пристально смотреть в его глаза.

Его бедра тоже подались вперед, помещая его твердость напротив меня. Мои глаза широко раскрылись, когда он начал давить внутрь. Мои символы взвились быстрее.

— Не бойся, bйbй, — выдохнул он, кратко целуя меня в губы. — Я буду осторожным с тобой. Неотрывно глядя в мои глаза, он вошел глубже.

— Я хотел тебя так долго. — И глубже. — Мой Бог, женщина! — Когда он был полностью во мне, сдавленный стон вырвался из его груди.

Боль. Я просто подавила содрогание, совсем не очарованная этим.

Хриплым голосом он сказал:

— Ты моя теперь, Эванджелин. Ничья больше.

Наверное, он был прав — потому что присутствие Смерти исчезло полностью.

Джек все еще держался, бормоча:

— Не больно, не больно.

— Уже лучше.

— Готова к большему?

Я кивнула. Тут же пожалев об этом. Больно.

Сквозь зубы, он сказал:

— Эви, я должен прикоснуться к тебе, должен тебя поцеловать. Тебе это понравится. — Капля пота упала со лба на мою шею, щекоча кожу на своем пути вниз к ключице.

— Х-хорошо.

Все еще во мне, он приподнялся на коленях, нависнув надо мной влажной грудью. Его руки накрыли меня, обхватили, сжали, его большие пальцы нежно терли. Когда я начала выгибать спину, желая большего, его тело начало двигаться. И это был…

Восторг.

— Джек! Да!

Напряженным тоном он сказал:

— Господь всемогущий — я дома, Эванджелин. — Еще один толчок заставил меня выгнуться. — Наконец, я нашел место… где я должен быть.

Он наклонился, обжигая поцелуями мою шею, спускаясь вниз к моей груди, приближая меня ближе и ближе к пику.

Каждый раз, когда он двигался во мне, я ощущала скрытую агрессию в нем. Между вдохами я сказала:

— Не сдерживайся! Ты не должен со мной. — Я слегка провела ногтями по его спине, поощряя его, пока он не стал брать меня со всей своей силой — рыча от потребности, когда я стонала.

Удовольствие, нарастало и нарастало… вырвалось на свободу… яростное блаженство охватило меня, охватило его.

Когда я, не сдерживаясь, закричала, он закричал: — A moi, Эванджелин! — Моя.

— Да, Джек, да…

Затем он задрожал. Простонал. Последний стон.

Когда он тяжело опустился на меня, я провела руками вверх и вниз по его спине, желая, чтобы он знал, как сильно мне это нравилось.

Как сильно я люблю его.

Он приподнялся на локте, щеки вспыхнули, веки, отяжелели от удовлетворения.

— Я знал, что это будет похоже на это. — Его голос стал еще более хриплым. — Я знал с того момента, как увидел тебя. — Поглаживая мои волосы, он начал целовать мое лицо, прижимая свои губы к моему подбородку, моему лбу, кончику моего носа. — Я дома, Эви Грин, — повторял он между поцелуями.

Я хотела, чтобы он никогда не останавливался. Он был удивительным любовником, но после секса? Он обожал.

— Первый священник, которого я найду, поженит нас. Я — все сделаю для этого, peekфn. — Его поцелуи стали более горячими. У самых моих губ он прохрипел: — Почему я никогда не могу насытиться тобой?

Почувствовав нарастающее тепло, я знала, что мы собираемся повторить это, я услышала тяжелое дыхание, но поняла, что оно не было моим собственным. Я отстранилась. — Джек?

Мы повернулись и увидели волка, за стеной воды. Наполовину просунув голову, он закрыл глаза и завыл.

Тут же мы услышали голос Ларк:

— Эй, ребята! Вы там? Я сказала другим, что найду вас. Мы отправляемся. Осталось уже не долго.

Джек уперся лбом в мой лоб:

— Мы продолжим позже.

— Еще один стимул пережить ночь? — Ларк я сообщила: — Придем прямо туда.

Последний раз, поцеловав меня долгим поцелуем, Джек помог мне встать на ноги, собирая нашу одежду. Когда мы были одеты, я поймала на себе его ухмылку, и знала, что отвечаю ему глупой улыбкой. Я разыграла свою карту девственности, и вообще об этом не сожалела.

Взявшись за руки, мы с Джеком шли к предварительно запланированному месту встречи. От присутствия Смерти остались только воспоминания. Скатертью дорога….

Джек сжал мою руку и пристально посмотрел на меня:

— A moi, Эванджелин.
Я пообещала ему:

— Навсегда.

Глава 15

— Итак, три Бэгмена и работорговец входят в бар… — начал Финн, когда вопли стали ближе.

Мы находились в засаде на утесе, высоко над проходом. И мы были невидимы.

Селена высунула голову наружу, шипя:

— Ты это серьезно, Маг? Они почти здесь.

Орда Бэгменов походила на одно гигантское, стенающее животное, царапающее гору. Хотя ночь была темной, мы видели их молочные, бледные глаза, как будто они пылали.

Селена и Джек нацелили свои лук и арбалет. Мэтью и Джек лежали по обе стороны от меня, Финн около Ларк. Она лежала, контролируя подход каннибалов через своего кречета.

Ее волки сидели позади иллюзии Финна, готовые напасть на орду сзади.

— Что? — прошептал Финн. — Просто, потому что мы собираемся загнать кровожадных зомби, не означает, что мы не можем посмеяться.

Мэтью рукой сделал жест «эврика!» — Zomedy!

— Чертовски верно, Matto. — Финн всегда казался немного удивленным тем, как сильно он нравится мальчику.

Я хотела спросить Мэтью о своем последнем разговоре со Смертью, но раньше он казался озабоченным. Теперь было слишком поздно.

Когда орда начала направляться к проходу как набегающая волна, меня начали мучать сомнения относительно моего плана. Что, если это не сработает? Нашим единственным выходом был тот напичканный ловушками каньон. Если каннибалы победят и продолжат преследование, то мы должны будем преодолеть его быстрее, чем могли себе вообразить, ночью, под проливным дождем….

Плохая часть предложенной тобой идеи, которую послушали люди? Ответственность.

Бэгмены двинулись ближе к пути, выбранному за них. Я задержала дыхание, когда они приблизились к нашему утесу. Двигайтесь дальше. Ничего интересного здесь нет.

Тем не менее, когда они были непосредственно под нами, они остановились, учуяв аромат в воздухе.

Они обнаружили нас на такой высоте! Даже несмотря на собственное зловоние?

Зазвучало еще больше воплей; они стали бросаться на стену, чтобы добраться до нас. С огромной силой они рвались через шиповник, кусая его, оставаясь безразличными к тому, что шипы рвали их склизкую кожу. Я ощущала каждый удар, каждый укус.

Джек крикнул: — Огонь, Селена!

Они начали стрелять, падающих Бэгменов заменяли другие.

Я стиснула зубы, обливаясь потом, доверяя свою задницу другим. Мои волосы покраснели, мои глифы ярко горели.

Джек обернулся. — Эви, держись!

— Я работаю над этим. — Но мои силы истощались под этим чертовым дождем. Боль разлилась по моему телу, как звон колокола. Мы должны были заставить их обратиться в бегство. Я посмотрела на Ларк.

— С-скорее с волками!

— Еще нет! — Ее красные глаза были сужены, когти царапали скалу, клыки удлинились.

— Зубы только что вошли в долину. Дай нам пять минут!

Я прохрипела Финну,

— Заставь свою гору переместиться!

— Я попробую!

Прежде, я сражалась только с одним противником. Теперь враги изобиловали. Как раз в то самое время, когда Джек и Селена оба исчерпали стрелы, мы услышали желанный звук.

Завывания.

Поток Бэгменов понесся вперед, ведомый к ловушке. Звучали крики боли. Некоторые зомби, пытающиеся отступить, теряли руки и ноги.

Красными зубами и когтями, волки Ларк вырывали горло десяткам зомби. К тому времени, как Бэгмены начали спускаться в долину, с клыков животных капало, а их мех пропитался вонючей слизью. Она медленно стекала с них в дождь, как густая краска.

Головокружение, какого я никогда не знала, охватило меня. Я сорвала дыхание.

— Эви! — Джек рванул ко мне, прислоняя меня к себе.

Финн рухнул на спину, бормоча:

— Я не могу поверить, что привык думать, будто создание иллюзий лучше, чем секс.

Каннибалы прибыли в долину, только чтобы поприветствовать ад.

Джек помог мне встать на ноги. С нашего места мы видели сцену, где Бэгмены нападали на Зубов. Мы слышали крики мужчин, выстрелы. Хаотичную стрельбу. Вспышки выстрелов освещали ночь, но там было слишком много Бэгменов.

Просто вопрос времени.

Селена сказала:

— Черт побери, они побежали прямо за Зубами!

Несмотря на мое истощение, я не переставала улыбаться.

— Это сработало! — Я повернулась, чтобы обнять Мэтью. — Мы сделали это!

Он моргнул. — Сделали?

С сияющим лицом, Финн повернулся к Ларк, слова, в спешке, вырывались из его рта:

— Я помешан на тебе, как на акустике.

Она ответила ему пораженной полуулыбкой.

Когда финн уставился на ее улыбку, она стала волноваться, закрыв рот, чтобы спрятать свои клыки. Смущенная, перед симпатичным мальчиком.

Она бросила на него удрученный взгляд, но он усмехнулся.

— Позволь своему странному флагу лететь, знойная.

Как будто она не могла сдержать себя, она снова усмехнулась, сверкая клыками.

Когда я посмотрела на наш союз, гордость захлестнула меня. Мы объединили наши силы и создали идеальную угрозу нападающим. Я костями чувствовала, что мы сможем победить Смерть.

Потому что нас уже было не остановить. С удивлением, я подумала, что мы можем сделать что угодно!

Я поняла, что говорю вслух, когда все повернулись ко мне.

Джек, парень, которого я любила, притянул меня ближе, положив подбородок на мою голову. Ларк усмехнулась, показывая мне знак общего уважения. Финн обнял ее. Даже плечи Селены торчали позади.

Это было, когда мы услышали первые залпы.

Глава 16

— Какого черта? — Закричала Селена, когда еще больше взрывов грянуло в ночи.

Это звучало так, будто пулеметы на стероидах начали бесконтрольно палить.

— Мне знаком этот звук. — Выражение лица Джека было мрачным. — Это — артиллерия. Точно такая же, какая была у армии Юго-востока. — Больше не было стонов и криков мужчин — они вопили от удовольствия, кося зомби.

Из кузовов недавно прибывших грузовиков, они нацеливали огромные пушки, их пули, разрывали Бэгменов, косили, как сено.

Селена сузила глаза на Ларк.

— Ты не видела, что они снаряжены таким оружием? — Она нацелила свой лук на ее грудь, готовая выстрелить.

— Я сказала, что у них были грузовики. Я не знала, что было в них!

— «Это мое укрытие». — Селена заговорила, подражая голосу Ларк. — «Я знаю Зубы сверху донизу». Как ты могла пропустить то, что они вооружены как национальная гвардия?

— Они придут за нами. — Джек схватил меня за руку и начал поднимать.

Мои ноги уже походили на желе. Я потянула Мэтью, который держался за мою руку. Другие последовали за нами.

Когда мы бежали, Ларк сказала:

— Они, должно быть, нашли склад оружия на прошлой неделе или что-то типа того. — К тому времени, как мы спустились на землю, ее волки нас догнали, окружая ее, пока мы обходили обугленные стволы деревьев.

Селена отрезала:

— Или, возможно, ты ничего не пропускала — откуда нам знать, что ты не работаешь с Иерофантом?

— Не знаю, заметила ли ты это, Лучница, но моя счастливая задница, бежит прямо рядом с твоей, и прямо в тот каньон. И у меня двенадцать лап, которые также обеспокоены этим.

Стволы деревьев поредели, земля сменилась гравием. Выстрелы вдалеке стали спорадическими*. Двигатели грузовиков заработали на повышенных оборотах, поскольку Зубы начали разворачиваться.

(* Спорадический — единичный, от случая к случаю).

Финн обводил взглядом окрестности.

— Они идут!

Я никогда не видела его настолько испуганным.

— Это там, — сказала Ларк, указывая на вырисовывающийся каньон.

Каменные стены были отвесными, высотой приблизительно в четыре этажа, ширина прохода между ними не больше, чем ширина шоссе с двумя полосами.

Джек остановился у входа, обхватив ладонями мое лицо.

— Следуй за мной словно тень. — Сколько раз он уже говорил мне это?

— Я регенерирую. Я должна пойти первой!

Dafuq. Ты будешь идти за мной и ступать туда, где ступаю я. То же самое касается твоего coo-уфn. Это не обсуждается!

— Волки могут пойти первыми, — сказала Ларк, с беспокойством в глазах. — Они будут лидировать.

Джек поднял брови.

— Mais, да! Конечно. Пошли их!

Трио волков стремительно двинулось вперед. Их было трудно увидеть, они растворялись в темноте. Джек бросился их догонять, держа меня позади себя, в то время как я тянула за собой Мэтью.

В стенах каньона было еще темнее. Звук усиливался, ливень казался оглушительным. Я едва могла слышать других, тянущихся позади нас.

Десять минут прошли, двадцать. Насколько далеко мы могли уйти?

— Ужас в дожде, Matto? Когда это закончится?

— Держись, bйbй. Осталось не слишком много.

Крик прозвучал сквозь шум дождя.

— Ах-а-а, моя нога!

Мы обернулись вокруг и увидели, что Финн упал на спину, на его правой голени защелкнулся медвежий капкан. Полилась кровь.

— Финн!

Когда он закричал, все его иллюзии начали хаотично вспыхивать вокруг нас — день и ночь, склон горы, который он создал.

Джек бросился назад, упал на колени, схватил металлические челюсти. Мышцы на его шее вздулись, когда он на несколько дюймов раздвинул ржавые челюсти, но они снова захлопнулись.

Финн снова закричал, его глаза закатились, когда он потерял сознание.

— Я могу перерезать его! — Сказала я.

— Ты и coo-уфn, не сдвинетесь с места ни на проклятый дюйм! Посмотри на тот валун, Эви! — Он кивнул подбородком на соседнюю скалу.

И я увидела, где к той ловушке была прикреплена цепь и закреплена болтом. Я могла также видеть несколько других болтов и замаскированные цепи, ведущие ко все еще скрытым ловушкам.

Мы были окружены ими. Селена, Ларк и Мэтью замерзли. Я начала потеть под дождем.

Джек использовал свой арбалет, чтобы втиснуть его в открытые челюсти, освобождая, наконец, Финна. Затем он раскачал на цепи капкан и бросил его как лассо на землю между мной и им. Подпрыгнув над землей сработал один капкан. Второй.

Он повернулся назад, делая то же самое для Ларк и Селены.

— Их может быть еще больше, — сказал он, поднимая Финна на плечо. — И наблюдайте за Зубами!

Мы только начали двигаться вперед, когда пули посыпались градом.

Ларк закричала:

— Они выше нас, на стенах каньона!

— Двигай своей задницей, Эви! — завопил Джек, бросаясь ко мне, неся Финна на себе. Волки ждали, пока мы не начали двигаться снова.

Пули попадали в землю вокруг нас, но мужчины стреляли осторожно, чтобы не убить

нас.

Один из волков споткнулся. Тут же, я услышала густой свистящий звук. Ствол дерева несся по воздуху, как поршень, раскачиваясь над землей прямо над волками. Джек бросил Финна на меня, свалив меня и Мэтью как домино — так же, как ствол свалил волка.

Удар. Волк снова полетел на нас, его большое тело, столкнулось с Джеком. Их обоих подбросило в воздух, и они полетели туда, где лежали мы. Я закричала, когда они приземлились, извиваясь на животе, чтобы держать бревно в поле зрения.

Волк вскочил целым и невредимым, в отличие от Джека, его голова ударилась о противоположную скалу. Он был без сознания, истекал кровью.

Пули продолжали свистеть, я освободилась от Финна и Мэтью и поползла к Джеку.

— Пожалуйста, очнись. О, Боже, пожалуйста, Джек!

Позади меня сидел Мэтью, раскачиваясь и бессвязно бормоча: — Три, три….

Селена бросилась ко мне, Ларк позади нее.

— Зубы входят в каньон позади нас!

Оскалив клыки, волки Ларк, кинулись назад, чтобы напасть. Прозвучали звуки стрельбы из пулемета. Скулеж, вой. И, наконец, волки замолчали.

Последний приполз назад к своей хозяйке, дернувшись, падая мертвым к ногам Ларк. Она смотрела, открыв рот. Шок.

Селена схватила мою руку.

— Мы должны бежать, Эви!

Бежать? Джек и Финн были без сознания.

— Никогда! Я не оставлю их.

— Ты собираешься убить их! Мы побежим и отвлечем огонь на себя. — Хотя ублюдки не стремились убивать нас, пули рикошетили прямо над нашими головами. — Мы можем вызволить парней позже, точно так же, как Джек и я сделали с ополченцами.

То, что она говорила, имело смысл, но я не могла заставить себя оставить Джека.

— Очнись, Джек! Пожалуйста, очнись!

Сверху вспыхнул прожектор, ослепляя нас. К тому времени, как мои глаза приспособились, мы были окружены вооруженными каннибалами, выходящими из ближайшего люка в земле.

Как муравьи.

Глава 17

В шахте каннибалов был ад, и вход в нее был, как мы и ожидали — освещен факелами, сумрачный, заваленный костями.

Десять охранников окружали нас, вынуждая держаться ближе. У них были острые заточенные зубы и бледная кожа. Их тела были изможднены от голода.

У всех были молочно-белые, мутные глаза, признак порабощения Жрецом.

Семеро мужчин направляли винтовки в сторону Селены, Ларк, Мэтью и меня, даже при том, что мы были связаны и лишены снаряжения и оружия.

Ни Джек, ни Финн не очнулись, что заставляло меня еще больше паниковать. Один охранник тащил Финна за лодыжки. Двое других тащили Джека за руки. Мэтью, казалось, не реагировал ни на что из этого, просто продолжал бормотать:

— Три. Вода. Три.

Со страхом, я поняла, что позывной Жреца стал громче.

— Он там, внизу, — прошептала я Селене.

Она кивнула, ее взгляд был немного диким.

— Просто оставайся спокойной. Твои глифы темные. Мы можем выжить. Ты восстановишься после нападения Бэгменов.

— Восстановлюсь? В пещере? — Меня замутило, я остановилась. Обернулась через плечо и увидела, что глаза Ларк полны слез. Она была слишком молода для этого. Мы были слишком молоды. Она потеряла своих любимых волков, и мы были в плену.

На пороге, первый охранник взял факел. Его заточенные зубы были черными. Как и у других, его глаза были мутными. Язвы покрывали его губы, гной, блестел в свете огня от факела. Его рот был похож на тот, который можно увидеть на роже наркомана сидящего на метамфетамине*.

(*Метамфетамимн — производное амфетаминаgraph-definition>

амфетамина

, белое кристаллическое вещество. Метамфетамин является психостимуляторомgraph-definition>

психостимулятором

с чрезвычайно высоким потенциалом аддиктивностиgraph-definition>

аддиктивности

, в связи с чем отнесён к наркотическим веществамgraph-definition>

наркотическим веществам

.)

Метамфетаминовый Рот.

После долгой и тряской поездки сюда на грузовике, он жаловался, что он и его друзья не могли съесть одного из наших «мальчиков» в дороге; они голодали. Но они абсолютно подчинялись боссу.

Когда мы вошли в их подземное логово, начала процветать паника. Только мое беспокойство о других, удерживало меня от сопротивления. Мои когти жаждали погрузиться в плоть.

Наши похитители вынуждали нас спускаться глубже. Человеческие кости и черепа были

разбросаны по всей пещере. Дождевая вода, которая сочилась из скалистых стен, внизу, собиралась в ручьи, текла по тем костям, подхватывала их, уносила куда-то вниз.

О, Боже, зловоние было невообразимым — гниль, плесень, разложение. Мне не хватало воздуха, как будто мои легкие были сжаты.

Селена сказала:

— Полегче, девочка, мы выберемся из всего этого. — Но с каждым шагом вглубь, она начинала выглядеть столь же взволнованной, как и я.

Недалеко, мужчины рыли канавы, для отвода воды. От чего?

Метамфетаминовый рот сообщил нам:

— Ваш приезд пришелся на идеальное время. В наш «Магазин Тел» давно не было поставок. Просто подгрызали тут и там.

Подгрызали? Я задрожала.

— Мы почти умирали от голода, вы видите. Конечно, у нас были запасы — но их хватило не надолго! Сегодня ночью мы собираемся отпраздновать, устроим банкет с добычей из кладовой.

Кладовая?

— Почему бы вам не есть собственных умерших? — спросила Селена с легкой дрожью.

— Мы никогда не съели бы одного из своих, — сказал он, потом добавил с сожалением, — нет более жесткого мяса, чем мясо каннибала.

Они все засмеялись, как будто то, что он сказал, было одной из их повседневных и прискорбных истин, типа: «Бутерброд всегда падает маслом вниз».

Когда он заметил, что я уставилась на его заточенные зубы, он щелкнул ими передо мной.

— Это, чтобы съесть тебя, моя красавица.

Их кудахтанье эхом отразилось от стен.

Почувствовав вкус крови, я поняла, что закусила внутреннюю часть щеки. Я была почти рада, что Джек был без сознания, что он не был свидетелем этого.

Мы вошли в то, что, похоже, было их центральным пунктом сбора, пещера, от которой расходилось большое количество тоннелей, как спицы колеса. Слишком малое количество настенных факелов не могло бороться с темнотой. Грязные лица выглядывали из теней. Некоторые с волнением улыбались, показывая те же жуткие зубы.

Площадка имела форму амфитеатра. На самом высоком уровне был помост со стулом, больше похожим на трон и запачканным кровью обеденным столом. На втором уровне стояли столы и скамьи, земля была усеяна большим количеством костей. В центре пещеры было углубление, которое, казалось, было заполнено нефтью. Но когда я увидела крюки с мясом, свисающие с высокого потолка, я поняла, что нефть была… кровью.

Я посмотрела на людей вокруг нас, нетерпеливо ждущих тело, которое будет подвешено там. Они даже не жарят. По моей коже побежали мурашки, волосы на затылке зашевелились.

Мы прошли в землянку, заполненную грудами одежды и пакетами. Нет, не грудами, горами. Зубы, должно быть, захватили целый город людей. Двое охранников бросили наши рюкзаки, оружие, пальто туда же.

Селена с тоской смотрела на свой любимый лук, когда я пробормотала:

— Будь осторожна со Жрецом. И бойся смотреть ему прямо в глаза, или закончишь как эти люди.

Она кивнула.

Охранники повели нас в один из мрачных коридоров ответвляющийся от пещеры. Потолок здесь был ниже, воздух, более холодный и более зловещий.

Конец пещеры был переделан в тюрьму с железными прутьями и большим количеством кандалов, точно таких же, как в темнице Артура. Единственный факел горел снаружи, бросая мерцающие тени на тех, кто обитал внутри.

— Добро пожаловать в кладовую, — сказал Метамфетаминовый Рот, когда он и его люди впихнули нас внутрь.

Шестеро заключенных уже были скованны, все на различных стадиях голодания, и увечий. Это был «Магазин Тел» для Зубов, консервы, которые они грызли.

Охранники начали приковывать нас в клетке цепями, везде, где был свободный набор кандалов.

Я хотела бороться. Нуждалась в этом. В бою станет горячо. Императрица не может быть прикована!

Как будто Селена могла знать, о чем я думаю, она пробормотала:

— Сейчас не время, Эви.

Она была права. В этом небольшом помещении было слишком много людей. Даже если бы я смогла рассеять свои споры, я могла убить всех. Если бы я полоснула охранника своими когтями, то другие мужчины подняли бы тревогу прежде, чем я смогла бы их остановить. Джек и Финн оставались без сознания, неспособные бежать — Финн не смог бы, даже если бы очнулся.

По этим причинам я подожду, но также потому, что моя общая стратегия только что изменилась. В этой игре я планировала убить Смерть… и Жреца. Мои когти стало покалывать от мыслей о нем, начал появляться мой яд. Мне просто нужно было найти его.

У меня было чувство, что он скоро придет, чтобы увидеть своих пленников, но не раньше, чем нас прикуют.

Метамфетаминовый Рот сам сковывал Селену, говоря:

— Самые симпатичные производительницы, каких я когда-либо видел. — Слюна пузырилась на его гнойных губах. — Не волнуйтесь, вас не будут подвешивать на крюки в течение долгого, долгого времени.

Мэтью тупо смотрел, как его приковывают цепью. Он ушел в себя, и, учитывая наши обстоятельства, я не винила его.

Джек очнулся в тот момент, когда на его запястьях защелкнулись наручники. Кровь текла по его лицу, когда он бросился на охранников, которые только рассмеялись.

Когда мы с Джеком встретились взглядами, я попыталась не показать, что я была на краю.

Мужчины, должно быть, считали, что Ларк и я представляем минимальную угрозу; мы были единственными с одним кольцом от кандалов на лодыжке.

Они думают, что мы — беспомощные девочки. Я могла бы рассмеяться. Худшая ошибка в их жизни.

Когда охранники вышли друг за другом, Метамфетаминовый Рот указал на заключенного, самого ближнего ко мне.

— Ты будешь на крюке, как только мы все соберемся.

Пленник заплакал от этой новости. Одетый в тряпки, у него не было конечностей, просто прижженные, слабо сочащиеся обрубки там, где должны были быть его ноги и руки.

— Увидимся в десять. — Когда они вернулись в коридор, смех охранников эхом отразился от стен.

Меня чуть не вырвало, но я удержалась.

Обреченный человек был в шоке, как в лихорадке его глаза остекленели. Сквозь потрескавшиеся губы он шептал: — Д-десять минут, потом.

Другие пленники бормотали ему фразы сочувствия, из-за того, что он должен был быть съеденным. Они звали его Тэдом.

Джек прохрипел:

— Эви, они причинили тебе боль?

Я покачала головой.

— Финну хуже всех.

Широкие, кровавые дыры на его штанине открывали раненную кожу. Но я не думала, что кость сломана. Уверенна, он скоро очнется.

— Мы выберемся отсюда. Не волнуйся.

Тэд в отчаянье повернул глаза ко мне.

— Пожалуйста, п-помоги мне. Ты можешь достать до меня? Они не станут сначала впустую тратить пулю.

Финн рассказывал, что каннибалы ели живьем. Я не думаю, что действительно верила ему до сегодняшнего вечера. Я когда-то видела, как потрошили убитого оленя. Для Тэда, это случится в то время, когда он будет в сознании…

Но как я могла помочь ему?

— Мы собираемся бежать. Просто держись. — Держись? Я закусила губу. Глупая Эви, у него нет рук!

Селена выпучила на меня глаза, я заслуживала худшего.

— Финн, очнись! — С его иллюзиями мы могли бы убежать. Он сделал бы нас невидимыми. Охранники открыли бы дверь клетки, не видя никого внутри, затем убежали бы, чтобы догнать нас. Я использовала бы свои когти, чтобы разорвать цепи. Мы бы вышли отсюда.

Финн не шевелился.

— Отсюда невозможно спастись, — сказала одна из заключенных, единственная женщина, дама средних лет с запавшими глазами, одетая в изодранное мешковатое платье. На каждом из ее бедер отсутствовало по квадратному куску кожи.

Тэд попросил меня:

— Убей меня. Задуши меня.

— Эви, оставайся на месте! — приказал Джек. — Ты не можешь помочь ему.

Я собиралась сидеть, сложа руки, и позволить человеку быть съеденным живьем? В подвале Артура я поняла, что у меня есть силы, чтобы бороться со злом, что я могу помогать другим. Все, что мне нужно — перепрофилировать себя. Я задалась вопросом, сколько же было прикованных цепями во всем мире.

С этой мыслью, я потянулась к кандалам и использовала коготь как отмычку, которая их откроет.

— Черт побери, fille.

Замок открылся с легким щелчком, пугая других заключенных.

— Прекрати это, девочка! Они прибудут очень быстро, и нет никаких способов борьбы с ними. Тэду конец, так или иначе. Они высекут нас за это!

Селена взорвалась:

— Они собираются убить всех нас, или того хуже, а вы волнуетесь по поводу того, что вас высекут? Вы можете оставаться здесь, ожидая вашу судьбу, но не я! — мне она сказала, — продолжай, черт возьми, Эви. Твои глифы становятся более яркими. Освободи нас всех, и мы сразимся.

Джек покачал головой.

— Не слушай ее. Усади свою задницу назад и положи цепь. Мы никуда не двинемся без Финна, а он должен скоро очнуться. Если те охранники вернутся и увидят, что ты освободилась, они могут взять тебя взамен!

Я дрогнула.

— Вйbй, мы не можем помочь всем. Будь умной. — По-французски он добавил: — Тот человек не выживет, даже если мы освободим его.

Пустым голосом, Тэд сказал:

— Другие п-правы. Н-не возможно бороться с Зубами. Не то, чтобы я смог бы помочь, так или иначе. Они приведут еще больше охранников, когда увидят. Больше чем дюжину.

Боже, я хотела сражаться.

Теперь Тэд плакал.

— Но могла бы ты… пожалуйста, поднеси руку… к моему рту и носу? Пожалуйста. Я не смогу причинить тебе боль, не смогу остановить тебя. Это было бы милосердием.

Я поглядела на Джека. Он твердо покачал головой.

— Ты должна быть похожа на прикованную цепью. — Независимо от того, что он увидел в моем выражении, это заставило его прорычать проклятие, затем он пробормотал:

— Поторопись.

Ларк сказала:

— Я могу сообщить, когда они придут.

— Как?

Ее глаза начали искриться красным.

— У них есть несколько крыс, которые выжили здесь. Теперь я переместила их в центральную часть.

Я подошла к Тэду, кладя его голову на свои колени, потрясенная тем, как мало он весил.

— Я сделаю это лучше. — Я казалась очень уверенной, в то время как внутри была в ужасе, понятия не имея, как я собиралась это сделать.

Хлынули слезы, когда мои глифы начали светиться и взвились вверх, мои эмоции

пробуждали мой арсенал. Другие заключенные в клетке задохнулись от шока, но Тэд ошеломленным взглядом пристально смотрел на меня, как будто я была спасителем.

Прежде чем склониться над ним, я пробормотала:

— Поцелуй на прощание?

— Б-благослави тебя Бог, — прошептал человек, закрывая глаза. — Ангел.

Мои слезы капали на его лицо, когда наши губы встретились. Мой яд просочился в него.

Без единого движения, он прекратил дышать, навсегда. Наполненная горем, я выпрямилась, у меня формировалась смутная идея.

Джек поднял брови.

— Теперь возвращайся!

Я кивнула, все та же идея настаивала, чтобы я признала ее. Какой злой план, думала я, смущаясь, чтобы даже позволить себе рассмотреть его.

Но как лучше бороться с людским злом?

— У меня есть идея. — Мои волосы изменили цвет, острые когти вытянулись. Заключенные впали в ошеломленное молчание.

Мэтью, наконец, заговорил.

— Арсенал. — Он говорил мне использовать его.

Джек выглядел встревоженным.

— Что ты задумала? Поговори со мной!

Я подняла свои когти, с которых уже капал яд.

Выражение лица Ларк вспыхнуло, когда она поняла. — Яд.

Селена медленно кивнула, восхищение светилось в ее пристальном взгляде.

— К черту все. Сделай это!

Джек повторил:

— Скорее!

— Я так сожалею, — сказала я, когда погрузила свои когти в тело Тэда. Как змея, я вводила свой яд в его грудные мышцы, его шею, в то, что осталось от его плеч. Чтобы замаскировать отметины, я соединила их, пока они не стали похожи на сплошные глубокие раны.

В клетке повисла тишина. Никто не смел заговорить. Заключенные были напуганы мной. В этом ничего нового.

Ларк сказала:

— И, что теперь?

Я ввела так много, что была ослаблена до изнеможения. Я чувствовала, будто мои пальцы онемели на года. Зрение стало размытым, я прошептала:

— Теперь мы ждем.

Я осквернила тело и не могла сказать, стыдилась ли я. Или гордилась.

Стоять было выше моих сил, поэтому я поползла назад к своей цепи.

— Они идут, Эви! — Прошипела Ларк. — И они заберут его….

Глава 18

— ПЕРЕЙДЕМ К НАШИМ КРОВАВЫМ ДЕЛАМ.

Я только успела одеть свои кандалы вокруг лодыжки, прижимая замок к земле, как ворота заскрипели открываясь.

Они действительно возвращались с дюжиной охранников, а также со Жрецом.

Он стоял силуэтом в свете факела. На каждом его пальце были массивные золотые кольца, но никаких значков на руках. Он носил черное пончо от дождя. С опущенным капюшоном, оно напоминало мантию. На вид ему было не больше, чем восемнадцать или девятнадцать лет. Он был темноволосым, с отекшим лицом, глазами, словно бусинки, и красными, лихорадочными щеками.

Его карта вспыхнула над ним изображением одетого в мантию мужчины, высоко держащего свою правую руку, два пальца подняты, благословляя его последователей.

Иерофант послал старым заключенным отеческую улыбку — с отвратительными заточенными зубами, затем пристально посмотрел на меня.

На мою карту. Его взгляд встретился с моим.

— Какая маленькая красавица. — Его голос был ровным, приятным. В отличие от его людей, у него не было заметного акцента. — Я вижу, дух окружает тебя тоже.

Не смотри на него, не смотри на него.

— Ты болен. Всё это ненормально.

— Я вполне здоров, спасибо, — сказал он, преднамеренно неправильно понимая меня.

Не смотри. Но всякий раз, когда он говорил, он вынуждал меня обращать свой взгляд на него, независимо от того как сильно я сопротивлялась. Я посмотрела вверх и увидела, что он начал потеть. Он пытался загипнотизировать меня, и, как и для большинства Арканов, использование своих сил его изматывало.

— Меня зовут Гатри, а это мои люди. Тебе и мне, должно быть, было предназначено встретиться, поскольку я слышал твой голос в своих видениях.

Позывной моего Аркана.

— Хотела бы ты разделить трапезу с нами, дитя? Пообщаться с нами?

Я задумалась о его вопросе прежде, чем пробормотала:

— Н-никогда!

Если я кого-нибудь гипнотизирую, это может дать мне секунду, чтобы использовать некоторые элементы из моего Арсенала. Но завораживающий взгляд этого человека мог поработить как болезнь, которая не пройдет до самой смерти.

Пока он не заставит меня есть.

Если бы я “преломила хлеб” с ним, если бы совершила это чудовищное действие, тогда я была бы обречена навсегда. Его контроль продлился бы даже после того, как он умер.

— Как тебя зовут?

Ничего не говори!

— Эви. — ответила я, хмурясь на себя. Он был намного сильнее меня! Даже когда я приказала себе не смотреть, даже когда я слушала Селену и Джека, убеждающих меня не смотреть, я посмотрела еще раз.

Глаза-бусинки Гатри подернулись белой пленкой. Потому что он использовал свою силу?

Такие интригующие глаза. Казалось, я не могу отвести взгляд, когда он пристально на меня смотрел.

— Я ощущаю силу в тебе, — сказал он мне. — И уникальность. Тем не менее, нет никакой необходимости в индивидуальности здесь. В нашей коммуне мы все равны.

— Индивидуальность — это не плохо, — сказала я, но это было больше похоже на вопрос.

Он улыбнулся.

— Это ненужно. Но мы позаботимся об этом для тебя, малышка. Когда ты проголодаешься, я хочу, чтобы ты позвала моих охранников. — Возможно, я позову их, когда проголодаюсь. — Они приведут тебя к моему столу, чтобы ты села справа от моей руки. — Правая рука Гатри. — У нас есть перепела, свинина и говядина — больше еды, чем ты видела за все эти дни, судя по тому, как ты выглядишь. Это хорошее предложение, как медовый зал* в старину, полный приятного общения. Все, что ты должна сделать — это сделать выбор, прийти ко мне. И затем выбрать, что будешь есть.

(*Медовый зал — в Скандинавии эпохи викингов и у германских народов медовыйgraph-definition>

медовый

или бражный зал изначально представлял собой длинное строение с единым пространством. Начиная с V века и до периода раннего средневековья, бражные залы использовались в качестве резиденции правителей и их придворных. Само название происходит от названия алкогольного напитка мёдgraph-definition>

мёд

, имевшего широкое употребление на пирах и религиозных церемониях.)

— Выбрать, что буду есть, — повторила я.

— Эванджелин! — прохрипел Джек. — Вырвись из этого!

— Из чего? — Все, что я собиралась сделать, это позвать охранников, когда проголодаюсь. Я не была голодна сейчас, и все же. Мой живот почему-то завязывался в узел.

— Почему ее глаза стали мутными? — потребовал Джек, в его словах звучала паника.

Жрец улыбнулся мне.

— Эви, тебе понравится здесь. — Я просто знала, что так и будет. — В конечном итоге, твои друзья будут такими же. После того, как я поем и отдохну, мы вернемся, чтобы обратить и их тоже. Мы окружены духом.

Он был настолько уверен в этом, это должно быть правдой.

— Успокойся, расслабься. И знай, что обязательно произойдет что-то хорошее. — Подмигнув Жрец ушел.

Я откинулась на стену, пытаясь понять, почему я так повернута на возможности побега.

Метамфетаминовый Рот хмурился в направлении Тэда.

— Он умер? Сукин сын! Я знал, что он не протянет долго. — Он щелкнул пальцами, и один из охранников поднял Тэда и понес его как чемодан — под рукой. — Быстрее, пока его плоть не остыла. Давай, поторопись с этим.

На пути к выходу, последний охранник ударил Джека прикладом винтовки.

— Это невежливо, перебивать босса.

Джек рухнул на спину, развалившись, как будто он смотрел, как вращается потолок. Но, честно говоря, он действительно не должен был прерывать Жреца.

Мэтью начал извиваться, пытаясь достать кулаком до его головы.

Я повернулась к нему.

— Расслабься, милый. С нами обязательно произойдет что-то хорошее.

— Вода! — завопил он. — Вода вода ВОДА!

— Хорошо, милый. Я принесу тебе немного, как только выйду отсюда. Как только проголодаюсь.

С усилием Джек закинул ногу на Мэтью.

— Успокойся, соо-уфn, — сказал он слабо. — Ты нужен нам в здравом уме.

К моему изумлению, Мэтью успокоился.

Его приступ пробудил Финна. Постепенно, парень открыл глаза и сел, склонившись к поврежденной ноге.

— Я так понимаю, они нас поймали?

— Вовремя ты очнулся. — На лице Ларк отпечаталось облегчение.

Финн пристально посмотрел вокруг клетки.

— Иисус. Сколько времени я был в отключке? — прозвучало голосом смертника.

Я не понимала его тревогу. Нам всем здесь понравится.

— Несколько часов, — сказала Ларк. — Мы работаем над побегом. Одно небольшое затруднение: единственный человек, который мог освободить нас от этих кандалов, выглядит довольной девочкой-цветочком. Каламбур.

Я помахала им. Когда я проголодаюсь?

— Ее глаза мутные? — спросил Финн.

Селена кивнула.

— Если он заставит ее есть, то она останется такой навсегда. Даже если мы убьем его, все равно не освободим ее от этих чар.

Как будто это было плохо?

Финн сказал:

— Побег — это моя специальность. Просто дайте мне избавиться от этой боли так, чтобы я мог сконцентрироваться. Проклятие, это у меня голова вращается или клетка?

Джек пробормотал: — Не только у тебя…

Время шло. Все были слишком напуганы, чтобы говорить, не расслаблялись, когда должны были. Наконец, я почувствовала первый приступ голода.

— Охрана, — сказала я с волнением. — Я голодна. — Я начала заплетать влажные волосы, желая выглядеть презентабельно на большом обеде. — Охрана!

Джек ругался, говоря мне по-французски закрыть свой капкан.

Я скривила губы.

— Предполагается, что ты расслабляешься, Джек.

Метамфетаминовый Рот скользнул в кладовую, его подбородок по какой-то причине был

в крови. Он ногтем мизинца ковырял во рту между острыми зубами.

Джек напрягся в своих кандалах, мышцы под его рубашкой окаменели.

— Сделаешь ей больно, и я убью тебя! — Кровь полилась из его запястий. — Клянусь Христом, я тебя выпотрошу!

Метамфетаминовый Рот проигнорировал его и наклонился, чтобы снять с моей лодыжки кандалы.

Я призналась:

— Я использовала свои когти, чтобы открыть его. Извините.

Он только закатил глаза: да, верно. Крепко схватив за руку, он меня вывел. Когда он запер за нами дверь, Джек продолжал реветь, борясь с цепями.

Как только мы достигли пещеры, я моргнула, настолько теперь все выглядело иначе. Сейчас площадь выглядела так, как описывал ее Гатри: медовый зал. Шумные мужчины и женщины пили из пивных кружек и с удовольствием ели говядину, свинину и перепелов. Гатри ел отдельно, возвышаясь над всеми остальными. И он хотел, чтобы я присоединилась к нему на этом почетном месте.

Метамфетаминовый Рот повел меня вверх по лестнице, кости хрустели под ногами — вероятно объедки, брошенные собакам, как раньше делали викинги.

Гатри приветствовал меня, указывая на стул около себя. Когда я села, он уставился на меня.

— Ты пахнешь цветами.

— Я хорошо это знаю. Это потому, что я — Императрица.

Он выглядел очарованным.

— О? Какая?

— Карт Таро.

Его любезное выражение дрогнуло.

— Ты кажешься утомленной. Ты должна поесть. Что бы ты хотела сначала?

— Перепела. — Была ли это кровь на столе? Нет, нет. В медовом зале не было крови на столах. Пока я ждала, чтобы мне услужили, Гатри учтиво поцеловал мою руку; вдалеке кричал Джек:

— Черт побери. Девочка, не ешь НИЧЕГО! — Он, наверное, завидовал, что я собиралась плотно поесть.

Но когда Метамфетаминовый Рот возвратился с металлической тарелкой, заполненной запекшейся кровью, я нахмурилась. Он усмехнулся мне, отчего пузыри на его губах потрескались. Гной потек по окровавленному подбородку, капая в тарелку.

Я больше не была голодна.

— Разве ножки перепела тебе не по душе? — Гатри пристально смотрел на меня. — Ты так голодна.

Я голодна! Как я могу отказаться от бесплатной еды?

Не найдя столового серебра, я взяла перепела. Он был не очень горячий и чувствовался более склизким, чем те, что я ела до этого. Однако я наклонилась, чтобы откусить.

Внезапно я услышала уговаривающий голос Смерти:

— Спроси ее об игре, Гатри. -

Когда Гатри увидел, что я напряглась, он сказал:

— Ты тоже слышала это? Его голос часто звучит в моей голове, в течение многих месяцев! Он — дьявол?

Я раздраженно фыркнула, бросив своего перепела, отчего тарелка загрохотала.

— Нет, это совершенно другая карта. Ты слышал Смерть. Поскольку он всегда влезает именно тогда, когда я наслаждаюсь. Когда сегодня я была с Джеком в пещере, и…

— Кто этот Смерть? — прервал Гатри. — Почему я могу слышать его? Что это за игра, о которой он говорит? Ответь мне!

Я с тоской посмотрела на своего перепела, но повиновалась Гатри.

— Смерть — один из Арканов, группы из двадцати двух детей, которые были выбраны, чтобы играть в игру жизнь-или-смерть, все с особыми силами. Мы отмечены на картах Таро, бла, бла. Ты — один из нас — Иерофант. Жрец. Ты можешь промывать людям мозги. — Я понизила свой голос, чтобы сказать доверительным тоном. — Я знаю, ты думаешь, что видишь духов, но на самом деле это изображения наших карт, вспыхивающие над нами. Когда мы находимся близко, ты слышишь наши позывные.

— Почему я должен верить этому?

— Ты слышал парня, бормочущего «Сумасшедший, как лиса», не так ли? И девочку, которая говорит «Узрите Несущую Сомнения».

Его губы приоткрылись. Они выглядели потрескавшимися, почти так же плохо как у Метамфетаминового Рта.

— Откуда ты знаешь эти вещи?

— Ты мог бы подправить некоторые верования вашей коммуны. Чуть-чуть тут чуть-чуть там? — Я поморщилась, когда спросила: — Я переступила черту, не так ли?

Оскорбила своего лидера, Эви.

— Я-я не понимаю. — Впервые я слышала неуверенность в мелодичном голосе Гатри. — Кто начал игру? Почему я был выбран?

Я положила локти на влажный стол — кто-то пролил кетчуп или типа того? — и налил его в блюдо.

— О, Гатри. С чего же мне начать?

— Сначала. Но перед этим я хочу, чтобы ты поела. — Он сверкнул своей заостренной улыбкой.

Смерть зашептал в наших умах:

— Ты не хочешь узнать, кого она зарезала на прошлой неделе? Эта тварь разрезала человека надвое. -

Гатри нахмурился, но не удержался и спросил:

— О чем он говорит? Такая как ты никогда бы не навредила другому.

Поскольку я опять отложила свой ужин, я мысленно завопила на Смерть: — Оставь нас, черт возьми, одних! -

Пытаясь сохранить самообладание, я сказала:

— Это ужасная история, но если ты действительно хочешь знать… — Тогда я начала рассказывать ему об Артуре. По мере рассказа, кожа Гатри становилась бледнее, и с его лица начал стекать пот.

Я понятия не имела, что была таким убедительным рассказчиком!

Смутные воспоминания появились на краю моего сознания, немного неправильные, но я была слишком занята, отвечая на его вопросы, чтобы точно определить это.

Внезапно он схватился за стол, вонзив в него ногти, и издал протяжный стон боли. Послышалось еще больше стонов со столов, расположенных ниже и бешеные крики. Люди в пещере начали падать на пол, содрогаясь в конвульсиях, хватаясь за горло, как будто им не хватало воздуха.

Гатри пошатываясь, вскочил на ноги и пристально на меня посмотрел.

— Что ты… сделала?

Мои глаза широко распахнулись.

— О, Боже, мой яд! Я не знала тебя тогда! Понятия не имела, что ты будешь что-то для меня значить!

С хриплым вздохом, он упал на спину, как будто кто-то сбил его с ног. Я встала на колени рядом с ним, испытывая вину. Ниже, грохотали стулья, опрокидывались столы. Взрослые мужчины кричали.

За этим столпотворением, я слышала Джека, ревущего мое имя, и звук грохочущих кандалов.

— Нас… много, — шептал мне Гатри. — Целые кланы. Толпы последователей… вокруг. Они почувствуют мою смерть… и выполнят мой последний приказ.

— Ты не можешь умереть!

Хаос начал стихать, агония людей становилась тише и тише.

С мутными, как и у его последователей, глазами, Гатри завопил:

— Отомстите за меня! Убейте эту девочку! Она — мерзость, она — нечистая! — Его слова прогремели на всю пещеру.

Я — мерзость? Если Гатри так сказал, наверное, это правда. Разве я не знала, что была монстром? Джек был не в состоянии принять меня, пока не услышал все о моих испытаниях и моих страхах, пока не стал думать, что может помочь с моей проблемой.

Когда жизнь оставила тело Гатри, эхо утихло. Его последними словами мне были:

— Ты будешь… гнить… в аду… за это.

— Подожди, мне так… — я свалилась на задницу, стряхивая с себя панику.

Почему я извинялась перед кровожадным каннибалом? Я вскочила на ноги, мой взгляд остановился на тарелке с «перепелом» в центре. Человеческая плоть была нарезана квадратом, как нарезают лазанью, только слои были слоями кожи, жира, мышц.

Я была в дюйме от того, чтобы положить это в свой рот! Потому что мне… промыли мозги? Но теперь я опять контролирую свои мысли! Я почти съела кусок Тэда. Я почти стала рабом Жреца. Во мне вскипела ярость.

— Что я сделала, Гатри? — Я рассматривала амфитеатр, полный тел. — Я принесла тебе смерть.

Тыльную сторону моей руки покалывало, поскольку появился еще один знак. Около символа Алхимика я увидела крошечное подобие двух поднятых пальцев. Символ Иерофанта.

Я уничтожила его, и я была рада. Убей их всех. В бою становится горячо. Я усмехнулась, глядя вниз на свою пару значков, я жаждала больше. В этой шахте было еще четыре Аркана, прикованные цепью и беспомощные.

Нет!

Остановись, Эви!

Эта ночь закончится не так. Мой следующий шаг — всех освободить. На нетвердых ногах я поспешила к кладовой, бегом вниз по извилистой лестнице, обходя скрюченные тела.

Рука, взметнулась, чтобы схватить меня за лодыжку. Метамфетаминовый Рот. Он все еще держал кусок плоти в другой руке.

— Ты — нечистая. Должна умереть! — прохрипел он прямо перед тем, как его тело расслабилось, а его мочевой пузырь опорожнился.

Я смахнула с себя его пальцы, затем побежала со всех ног к клетке. У ворот я обнаружила Джека, по-прежнему борющегося со своей цепью. Увидев меня, он выдохнул:

— Эванджелин, ты… вернулась?

— Я вернулась.

Я когтями сломала замок на двери, затем освободила Джека. Он схватил меня на руки, сжимая до боли.

— Ты убила Иерофанта! — Селена выглядела ликующей. — Ты вывела его из игры, Императрица. — Это был первый раз, когда она так ко мне обратилась. — Теперь, давайте выбираться отсюда.

— С тобой все хорошо, Джек? — Я осторожно прикоснулась к его голове. — Гусиное яйцо, да? Разве это не хороший знак?

— Ты волнуешься по поводу моей головы? Я не знал, что, черт возьми, они делали там с тобой! — Джек становился все более и более тревожным. — Освободи других, fille. Патрули могут скоро вернуться. То, что Гатри мертв, еще не означает, что глаза других станут ясными. Они связаны с ним даже после смерти, верно?

— Да. — Глаза Метамфетаминового Рта все еще были мутными, и последний приказ Гатри, был в его мыслях, прежде всего….

Как только я сняла все кандалы, то помогла другим заключенным встать на ноги, в то время как Селена и Ларк подняли Финна, держа между собой. С широко раскрытыми глазами, Мэтью топтался рядом со мной, но держался адекватно.

Мы выдвинулись многочисленной группой, с Джеком во главе.

— Нужно забрать наше снаряжение и наши луки. Ты знаешь, где они их спрятали?

Я кивнула.

— Просто иди вперед, до центра. Там ты увидишь груды снаряжения.

Когда мы достигли центральной пещеры, все замерли при виде кровавой бойни: ужасные останки Тэда и работы моего яда. Трупы с невидящими глазами, лица, застывшие в муках. Метамфетаминовый Рот с куском кровавой плоти, зажатой в руке.

Джек отступил назад, прижимая меня к груди.

— Не смотри, bйbй. Я возьму наши вещи. Возьму твое теплое пальто. Все будет хорошо,

просто стой спиной к этому месту. — Он взял меня за плечи и развернул, как будто я была маленькой девочкой.

Я понимала его беспокойство. Теперь, когда жар битвы прошел, я не хотела этого видеть. Но я понимала, что я убила десятки человек. Я сказала себе, что они были убийцами, которые никогда не вернутся к нормальной жизни.

Возможно, это помогало.

— Селена, руку, — сказал Джек, направляясь, чтобы забрать наши вещи. Она и Ларк прислонили Финна к стене; потом Селена побежала за Джеком.

— Поищите маленькую камуфляжную куртку, — сказала Ларк, — это моя!

Другие заключенные шептались друг с другом, казалось, их в равной степени не устраивал как выход из-под нашей защиты, так и нахождение около меня.

Джек и Селена вскоре вернулись, неся с собой груду нашего снаряжения. Они также нашли два фонарика, стрелы, факел и немного, чистого на вид, материала для повязок.

Пока Ларк бинтовала голень Финна, Джек помог мне надеть пальто, накидывая на плечи мой рюкзак, и согревая мои руки. Но он удостоверился, что при этом держит меня спиной к главной пещере.

— Куда нам идти? Не имею ни малейшего понятия, где мы находимся.

Ларк туго завязала повязку Финна, вздрагивая, когда вздрогнул он.

— Мы пройдем через гору. — Она пожала плечами в камуфляжной куртке, проверяя в карманах свои вещи.

— Это не тот путь, — сказала женщина-заключенная, хромая впереди. — Мы знаем эти пещеры, жили недалеко отсюда всю нашу жизнь.

— Если вы выйдете через главный вход, то вы рискуете столкнуться с большим количеством Зубов, — сказала Ларк. Нам она объяснила: — Мой путь ведет нас к другой стороне горы, он ближе. Вы шли на юг? Это сэкономит вам дни восхождения.

— Восхождения?

— Финн никогда не сможет сделать этого в его состоянии, — добавила она, значительно укрепляя меня в моем решении. Две ее крысы сновали возле нее, потрясая заключенных.

Даже я была поражена, когда грызуны поднялись по ней как по лиане, цепляясь за ее пальто крошечными лапками, похожие на маленьких опоссумов.

Финн выдавил из себя улыбку, как будто он считал это восхитительным.

При этом местные жители направились к выходу, но женщина задержалась, чтобы сказать:

— Мы собираемся пополнить наши запасы, затем отправимся в путь. Если вы пойдете глубже в пещеры, вы выберете неправильный путь. — Она последовала за другими.

Я повернулась к Мэтью, чтобы убрать волосы с его лба.

— Что ты думаешь, милый?

Он сдвинул брови, глаза вспыхнули. Его зрачки выглядели расширенными от шока.

— Есть один, есть два, есть три.

— Я не понимаю. Ты имеешь в виду три направления? — спросила я, но он просто уставился на меня.

Когда Селена закинула одну руку Финна на свое плечо, он сказал:

— Давайте сделаем это — Ларк иди впереди.

Селена впилась в него взглядом.

— Почему бы не последовать за местными?

— Я знаю это место, — настаивала Ларк. — Я сэкономлю нам дни.

Я повернулась к Джеку. Если мы доверимся ей сейчас, и она не предаст нас, мы укрепим наш союз. Без сильного союза мы мертвы в любом случае.

По-французски, он неохотно сказал:

— Вероятно, лучше отделится от тех людей.

К лучшему или к худшему, мы последовали за Ларк.

Глава 19

В начале ответвления коридора Джек попытался отдать Ларк свой факел, но она сказала:

— Ночное зрение, чувак. — Затем она отправилась дальше вглубь горы, с теми же двумя крысами, которые уцепились за ее спину.

Если она и обезумела после смерти ее волков и потери сокола, то у нее было чертовски хорошее лицо для игрока в покер. Мы видели искреннюю цель Карты Сила?

Джек, Мэтью и я были прямо позади нее, Селена, помогавшая Финну, позади нас.

Казалось, Ларк знала, куда она шла. С коротким интервалом она сделала несколько поворотов, окончательно меня запутав. Но она казалась уверенной.

Даже глубоко под землей, с потолка вниз капала вода, заставляя факел Джека шипеть. Как обычно, мы были промокшие, замерзшие. Я оставалась истощенной из-за использования такого большого количества яда, и шла, прислонившись к Джеку, для поддержки.

Я волновалась о его голове, ноге Финна и видениях, которые посещали Мэтью. Мальчик сжимал мою руку настолько крепко, что я думала, мои кости могли сломаться. И все же я не сказала ни слова, чтобы остановить его.

Все, что ему нужно, это пережить ночь.

— Приготовь свой фонарь, — хрипло сказал Джек Селене. Его факел догорал. Его хватит не на надолго, прежде чем он догорит совсем. И Финн был слишком слаб, чтобы создать иллюзию фонаря.

Ларк, возможно, и была способна видеть в темноте, но ни один из нас этого не мог. И здесь темнота была черной как смоль.

— Финн, с тобой все хорошо? — спросила я, оглядываясь через плечо.

— Нога чертовски болит, но я буду жить. Между прочим, я ненавижу этого засранца! Гатри оставил свой культ в беде, да?

Селена сказала:

— Прошедшее время.

— Да, пробуждение в его камере — это будто тебе в лицо плеснули стакан холодной мочи. Спасибо за то, что прикончила его, Эви.

— Мм, конечно.

Мы только что сделали еще один поворот, когда мне показалось, будто земля дрожит под моими ногами.

— Вы почувствовали это?

Джек покачал головой. Но он потребовал у Ларк:

— Еще долго? — Я знала, что это сводило его с ума так же, как и меня. Мы родились и выросли в Луизиане, там, в стране тростника, не было такого количества гор. Нам было бы также хорошо в Альпах. Или на луне.

— Уже не долго, — ответила она. Одна из крыс на ее спине посмотрела на меня? Жутко. — Мы спустимся ниже, затем начнем подниматься. И вскоре после этого увидим свет.

Когда земля опять задрожала, я пробормотала: — Джек…

Он резко выдохнул.

— Я почувствовал это.

Именно в этот момент вся пещера задрожала. Мы должны были широко расставить ноги, чтобы сохранить равновесие. Галька, песок и вода полились на нас дождем.

Как только факел Джека, зашипев, погас, он и Селена достали и включили свои фонари, лучи которых отразились от бассейна с водой, который был впереди.

Мы дошли до низкого места. Одна проблема: оно было скрыто под водой. И она быстро поднималась и выплескивалась как на порогах реки.

— Это что-то новое, — сказала Ларк небрежным тоном. — Мы должны будем пересечь его. По-вашему здесь глубоко?

Джек вручил мне свой фонарь, сжал мое плечо, затем шагнул к краю. Без колебания он вошел в воду по колено, затем по пояс; он резко погрузился под воду. Как раз в то самое время, когда я собралась бежать за ним, он вынырнул и поплыл назад к нам.

Когда он вышел, в слабом свете от лучей фонарей, его, обычно загоревшее лицо, выглядело бледным, а его конечности одеревеневшими. Насколько холодной там была вода?

— Это провал. И глубокий. Нам придется плыть.

После его слов, Мэтью с дикими глазами стал дергать мою руку. — ВОДА!

Конечно, он был в ужасе после того, как недавно чуть не утонул в подвале. Это была причина, по которой Мэтью был так задумчив — он знал, что ожидало нас в будущем. Так почему было не предостеречь нас?

— Плыть, Джек? А как быть с Мэтью и Финном? Возможно, мы можем вернуться тем путем, которым пришли?

— Если мы сделаем это, то останемся без света, — сказал он. Фонари уже мерцали. — И мы близко. Чувствуете, тут сквозняк? — Он указал на темное пространство перед нами. — Мы должно быть близки к выходу.

Финн сказал:

— Не останавливайтесь из-за меня. Я бы предпочел, плыть, чем подниматься.

Еще одно землетрясение. Казалось, что далеко падают большие валуны, разбиваясь о землю.

— Я могу помочь Финну переплыть, — сказала Селена, — но мы должны спешить. Если будет еще землетрясение, мы будем пойманы здесь в ловушку. Посмотрите на потолок пещеры. — Она повернула свой фонарь.

Массивные длинные бревна кривились под весом валунов, изгибаясь как балки на корабле. Зловещий треск отражался эхом.

Внезапно вода начала прибывать быстрее. Переплыть это, в темноте?

— ВОДА. ВОДА! — Мэтью был в истерике. Я сама была на грани этого, мое сердце гремело.

Джек провел пальцами вдоль моей щеки. Его кожа была ужасно холодной.

— Слушай меня, bйbй, это точно так же, как в бассейне. Ты террорист в бассейне*, non? Как только ты переплывешь, coo-уфn потребует следовать за тобой.

(Джек ссылается на замечание Эви в книге Принцесса яда: «Прежде чем он поймал меня, я нырнула, плавая вокруг него, и дернула его вниз за щиколотки. Он не мог знать, что в другой жизни, я была террористом в бассейне».)

Мэтью был травмирован всего несколько недель назад. Теперь мы ожидали, что он будет плавать в темной пещере с прибывающей водой?

Ларк сказала:

— Слушайте, я пойду первая. — Она направилась к воде, выгнулась дугой и нырнула как дельфин. Ее крысы оторвались от нее и погребли вслед за ней. Когда она вынырнула на некотором расстоянии, я увидела, как она рассекает воду — пока она не исчезла в темноте.

Несколько мгновений спустя, она позвала:

— Я здесь. С другой стороны. Зеваю. — Даже эхо ее голоса передавало ее нетерпение. Она заставила все это выглядеть таким легким.

Я повернулась к Мэтью, освобождая свою руку.

— Я собираюсь последовать за Ларк. А затем ты и Джек поплывете следом за мной.

— НЕЕЕТ! — завыл он, звук, причинял боль моим ушам.

— Соо-уфп, послушай меня. Это не далеко. Как только я помогу доплыть Эви, я приплыву назад за тобой? Я буду рядом с тобой весь путь.

Мэтью схватил мои плечи.

— Умирает! Умирает! Умирает!

Пробормотав, «к черту все» Селена помогла Финну сесть, затем побежала прочь, чтобы разведать путь назад.

Джек попытался оттянуть Мэтью от меня.

— У нас заканчивается время, малыш!

— Нееет, Императрица! — Мэтью отбивался, случайно попав мне в лицо.

Моя челюсть заныла. Я покачнулась, голова кружилась, от головокружения я чуть не упала на задницу.

— Все хорошо, дорогой, просто успокойся.

Селена вернулась.

— Мы в ловушке. Крепления не выдержали, развалились как карточный домик. Есть только один выход.

— Успокойся, соо-уфп!

Длинные руки Мэтью замолотили по Джеку, избивая его. Он был похож на человека, который тонет на земле.

— Извини за это, мальчик. — Джек отвел кулак и ударил Мэтью в лицо.

Мэтью дернулся с испуганным выражением лица, затем обмяк.

— Джек!

Он поймал Мэтью, положил его на землю.

— У нас нет времени! Сначала я плыву с тобой.

— Нет, ты должен остаться с Мэтью! Убедись, что он переберется. Я буду в порядке, точно как ты и сказал, я — т-террорист в бассейне.

— Ни за что, Эви. — Он дотронулся пальцем до моего подбородка, поднимая лицо.

— Останься с ним, Джек. Пожалуйста!

— Мы поплывем вместе, я потащу Мэтью на буксире. — Он прижался к моим губам в коротком поцелуе, затем потянулся к моему рюкзаку.

Я отошла в сторону.

— Я могу с этим справиться. У тебя итак достаточно трудностей, чтобы возится со мной.

Помедлив он кивнул.

— Тогда иди, bйbй. Ты можешь сделать это. — Он повернулся к Селене. — Ты поможешь Финну?

Она помогла ему встать.

— Мы следом за тобой, Джей Ди.

Я быстро нырнула в воду, шок от холодной воды ударил мое тело. Всплывая, я рассекала воду, поражаясь тому, как вес одежды и сумки тянет меня вниз.

Я оглянулась назад на берег, увидела Джека, перетаскивающего долговязое тело Мэтью в воду. Переместив парня на спину, Джек одной рукой обхватил грудь Мэтью и поплыл за мной.

— Не оглядывайся и не жди меня! Просто плыви на другую сторону.

Стуча зубами, я поплыла, держа фонарь одной рукой. Дальше вода стала более бурной, волны накрывали меня. Холод сковывал мои конечности, но я двигалась вперед.

Джек решительно следовал за мной.

Землетрясения продолжались, гора рушилась. Валун размером с мяч для софтбола* упал прямо мне на голову. Голова взорвалась болью, накатила подавляющая слабость. Я исцелюсь, главное продолжать плыть! Я вдохнула воду, закашлялась.

(Софтбол (англ. graph-definition>

англ.

softball) — спортивная командная игра с мячом, аналог бейсболаgraph-definition>

бейсбола

Мяч для софтбола напоминает по размерам грейпфрут, он более мягкий, чем бейсбольный мяч, и имеет более низкую скорость в полёте.)

Пещера затряслась еще сильнее, чем до этого. Валуны начали падать с потолка, потолочные балки полетели вниз, ударяясь о воду.

— Джек! — завопила я.

— Продолжай плыть Эви.

Целый уступ скалы обрушился позади меня с такой силой, что ударная волна ударила меня в живот. Огромная волна подняла меня вверх и швырнула к противоположному берегу. На краткий миг я почувствовала себя невесомой….

— Аааа! — Я врезалась в отмель с силой, которая бросила меня далеко вперед, в пещеру. Земля была как стиральная доска из песка и гравия, которая терла мое лицо.

Сквозь свое хриплое дыхание и кашель, я слышала Джека, вопящего с расстояния, которое казалось мне дальше мили. Волна, должно быть, швырнула его и Мэтью в другом направлении. Землетрясение продолжало грохотать. Сильно кружилась голова. Погодите, а где же Ларк?

— Я УСТРОЮ ПИР НА ТВОИХ КОСТЯХ!

Позывной Огена. Закрыться. В панике я вскочила; моя рука была согнута под неестественным углом. Сломана? Я рухнула прямо на свое пострадавшее лицо.

Селена закричала:

— Эви, они здесь! Следи за своими шестерками! — Она схватила Финна, — посвети, Маг,

или ей конец!

С воплем, Финн бросил пучок света с противоположного берега, освещая пещеру передо мной….

Смерть. Он был просто там, ужасающий, полностью в черной броне. Я отшатнулась от него, зная, что это последние мгновения моей жизни. Появившаяся над ним карта — Жнец, вооруженный косой — выглядела менее ужасающей, чем фактическая его внешность.

Селена стреляла в него стрелами, пуская их одну за другой, истратив, должно быть, весь колчан. Он отмахнулся от них как от мух.

— Идем со мной, Императрица, если ты хочешь, чтобы они жили, — сказал он, его глаза, словно звезды, сверкали за забралом шлема. — Оген, рушит гору, ты видишь. — Дьявол вызывал землетрясения? — Если я не остановлю его, то эта пещера рухнет.

Я обернулась через плечо. Джек только что заметил Смерть сквозь падающие валуны и брызги воды.

— Нееет! — проревел он, отчаянно пытаясь добраться до меня, удерживая голову Мэтью над водой.

Скучающим тоном, Смерть сказал:

— Рано или поздно, смертный оставит Дурака тонуть. Все, чтобы спасти тебя.

Я выдавила:

— Чего т-ты хочешь? — Позади Смерти я видела, туманный свет рассвета, проникающий в пещеру. Мы были так близко. Он уже убил Ларк?

— Идем со мной. — Он предложил мне руку в перчатке. — Мои союзники и я оставим твоих… друзей их судьбам. Возьми мою руку, и я клянусь, что они не будут убиты.

Джек был все ближе.

— Эви, проклятье, не смей!

Я вгляделась в измученные глаза Джека. Скалы, как снаряды падали вокруг него. Он все еще плыл, но должен был понимать, что не успеет добраться до меня вовремя. Когда валун почти попал в него и Мэтью, погружая обоих вниз на глубину, я поняла, что должна прекратить это.

Даже если это означало мою кончину.

— Сделай выбор, — сказал Смерть. — Уступи моей воле. Чем бы ты пожертвовала ради них, чтобы они жили?

Моя правая рука была сломана. У меня не было яда, не было арсенала. Ничего не имело значения. Свою здоровую руку я протянула Смерти.

Даже сквозь грохот землетрясения, мне показалось, что я слышу хрип Джека:

— Вйbй? — потом громче, — не делай этого!

Я выдохнула:

— З-заботься о нем, Джек.

Смерть дернул меня к себе, сгребая в свои объятия. Я боролась с ним из последних сил, дыхание сбилось, когти затупились о его броню, даже не поцарапав ее.

Смерть просто смеялся. Когда он повернулся, чтобы шагнуть к свету, Джек издал отчаянный вопль. Последняя стрела Селены попала в Смерть, в заднюю часть его брони,

рассыпаясь на щепки.

— Эви! ЭВИ! — голос Джека стал слабеть, пока свет делался ярче. — Я приду за тобой! Ты знаешь, я это сделаю!

Мы вышли из горы под проливной дождь. Даже пасмурный день ослепил меня.

Тошнота подступила ко мне, когда Смерть понес меня к своему бледному, красноглазому коню. Я лихорадочно задрожала еще до того как увидела ужасную косу Жнеца в кобуре.

Не спуская меня с рук, он сел. Почему он просто не убьет меня?

— Ч-что ты сделал с Ларк? — спросила я, в недоверии моргая.

Ларк, эта сука, сидела на коне рядом с конем Смерти. И она улыбалась.

Я закричала:

— К-как ты могла?

— Ты чертовски доверчивая, Эви — девушка поправила свою мешковатую шляпу, — а теперь ты смотришь на меня так, словно это моя вина, что я воспользовалась твоей неудачей? — ее сокол вернулся и сидел на ее плече рядом с одной из крыс.

Три ее волка окружали ее. Восстали из мертвых? Семья.

В стороне стоял уродливый Оген, его тело было огромным, больше десяти футов. Его туловище было наполовину обнажено. Огромные рваные штаны были затянуты на поясе.

Как и у Смерти, его карта — огромный человеко-козел, ведущий закованных в цепи рабов — была не так ужасна, как действительная его внешность.

Его корявые рога, скручивались на его деформированной голове. То, что должно было быть белками его глаз, было красным, с толстыми зеленовато-желтыми прожилками, и узкими черными зрачками. С гротескной улыбкой он молотил мясистыми кулаками по горе, заставляя ее содрогаться.

— Нет! — Закричала я, ударяя по броне Смерти. Оген разрушит пещеру! — Ты поклялся, что оставишь их в живых! Ты поклялся.

Смерть осадил коня.

— Я сдержу свою клятву, так же как ты сдержала свою.

— Ч-что это значит? — Мой голос звучал таким далёким. Истощение подавляло меня, но я изо всех сил старалась оставаться в сознании.

— Разве это не кажется тебе знакомым, тварь? Ты, раненная на моих руках, пока я еду. Наша история повторяется. — Когда он снял свою перчатку, на глаза навернулись слезы, которые потом потекли по лицу.

Я попыталась вырваться, но усилие чуть не лишило меня сознания.

— Не трогай меня!

Его пальцы коснулись моей щеки, его кожа горячая в отличие от моей. Он вздрогнул от легкого прикосновения; я приготовилась к боли. Это так и оказалось… потом.

Мои глаза закатились…Рука Смерти приближалась к моему лицу. Ближе…

Прикосновение. Это мой конец. Его кожа удивительно горячая. Мои веки закрылись. Едва в сознании, я жду еще большей боли.

Удар сердца, удар сердца, удар сердца.

Я открыла глаза.

Я ничего не чувствую, только продолжающуюся агонию от его меча. Подняв брови, он сдергивает свою вторую перчатку, берет мое лицо обеими руками, затем проводит ладонями вниз, к моим рукам.

Его лучистые глаза светятся ярче, словно в ответ, мои символы дрожат, пробуждаясь.

Хриплым голосом он говорит:

— Никто другой не выжил после моего прикосновения. Никто.

Он гладит меня по щеке, шее, губам. Когда в последний раз он прикасался к живому человеку так долго? Я чувствую, как что-то озорное начинает кипеть внутри него. С похотливым взглядом он наклоняется, чтобы прижаться губами к моим окровавленным губам. Я слишком ошеломлена, чтобы отреагировать. Его поцелуй горячий, но неуверенный, как будто он никогда не делал этого раньше.

Он выпрямился, со стоном слизывая кровь с губ и простонал:

— Такая сладкая.

— Я-я не понимаю. — У меня иммунитет к нему?

— Я — Смерть, а ты — Жизнь. Ты была создана для меня одного. — Он обхватывает рукоять меча, выдергивает его из моего тела. Когда я кричу от боли, он придерживает меня другой рукой. — Ты исцелишься, — шепотом он говорит, — ты должна.

Прижимая меня к груди, он садится на коня.

— Я буду защищать тебя, и ты простишь меня за это. Я подожду, когда тебе станет лучше.

— О-отпусти меня.

— Никогда, тварь — он смотрит на меня сверху вниз. Самый красивый мужчина из всех, кого я когда-либо видела.

— Я никогда не отпущу тебя.

— Куда ты меня везешь?

Он хмурится, словно ответ очевиден.

— В мою постель, Императрица.

Глава 20

ДЕНЬ 258 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ
ГДЕ-ТО НА ЮГО-ВОСТОКЕ

Когда я проснулась, я все еще была на коне, удерживаемая Смертью. Как и в моем сне/воспоминании.

Но на этот раз я была верхом в седле, опираясь спиной о его грудь, моя щека прижималась к его доспехам. Вместо раскаленных песков пустыни мы ехали под дождем.

Как долго я была в отключке? Моя сломанная рука исцелилась? Видения о Смерти объединились с действительностью. Он мог прикасаться к моей коже! Я была единственной, кого он мог коснуться, не убив. И он привлекал меня.

Но не в этот раз. Мои запястья так тесно были скованны наручниками, что я не смогла бы разрезать их когтями. В какой-то момент он, должно быть, снял с меня пальто и рюкзак, оставив меня в джинсах и рубашке с короткими рукавами. Чтобы держать меня замерзшей и слабой?

— Она просыпается, — произнес Смерть за моей спиной.

Я напряглась, сидя в седле. Его голос принес другие воспоминания, ворвавшиеся в мое сознание. О Боже. Оген, с еще большей силой, рушил гору после того, как мы вышли. Мы были в секундах от смерти — смогли ли Джек и Мэтью, пережить следующую волну землетрясения? Если пещера рухнула…

— Мэтью, пожалуйста, ответь мне! -

Ничего. Может они оказались в ловушке. Или просто спят.

— Милый, мне нужно знать, что ты в порядке! ПОЖАЛУЙСТА, ПОГОВОРИ СО МНОЙ! -

Тишина в ответ. И пустота — как будто утешительное присутствие, которое я чувствовала перед Вспышкой, из меня просто вырвали. Даже присутствие Смерти полностью исчезло из моей головы.

Потому что коммутатора больше не было? Если Мэтью… умер, то и Джек тоже. Селена и Финн?

— Т-ты убил их.

— Как я всегда и делаю, сказал Смерть веселым тоном. — Оген разрушил гору как песочный замок.

Горе охватило меня, я посмотрела на шипастые перчатки Смерти. Голосом, в котором я едва себя узнала, я спросила:

— Ты носишь их знаки?

— Очевидно, я завалил их там. Приобретение знаков таким путем, не так удовлетворяет как прямое убийство, но мы делаем, что можем.

Ярость начала подавлять мое горе. С каждым его ядовитым словом она разгоралась все сильнее, вспыхивая словно угли, на которые дуют. Мои когти начали обостряться. Я бы срезала кожу, помеченную знаками, прямо с руки Смерти, или нарезала бы его всего и заработала их так.

Смерть пробормотал:

— Попытаешься проявить свои способности — холодная сталь прикоснулась к моей шее — и это лезвие окажется в твоем теле. Я буду держать тебя без сознания, неспособной

пошевелиться. Или умереть.

— Воткни лезвие! — шипел Оген слева от нас. Хотя он был в более человеческой форме, он по-прежнему носил свои чудовищные особенности. Его раздвоенные копыта хлюпали в грязи; один из его черных рогов выступал выше, чем другой. Когда он с настороженным выражением лица обходил заросший водоем, он выглядел моложе. Может, лет пятнадцать.

Справа Ларк пришпорила свою лошадь, чтобы не отставать от нашего темпа.

— Ты должен сделать это в самом конце, босс, — сказала она Смерти. — Помучь ее немного. Тебе придется ждать столетия, до следующей возможности надрать ей задницу. — Даже в такую погоду, Ларк выглядела аккуратной в своей удобной камуфляжной куртке. — Заставить ее страдать будет намного лучше, поверь мне.

Я впилась взглядом в эту маленькую суку, обещая отомстить. Я винила ее, так же как и двоих других. Даже больше.

Хриплым голосом, я спросила Смерть:

— Почему бы не убить меня сейчас?

Он прошептал мне на ухо:

— Потому что часть тебя хочет меня.

Озноб прошел по моей влажной коже. Я хотела бы отрицать его слова, но не знала, могу ли. За прошедшие девять месяцев я потеряла всех. Своих школьных друзей, свою лучшую подругу Мэл. Свою мать. Теперь еще четырех людей, которые вошли в мою жизнь в течение такого короткого промежутка времени и погибли слишком быстро. Парень, которого я любила… погиб.

— Убей ее СЕЙЧАС! — С клыков Огена капала слизь, его глаза выглядели безумными. — Пировать на ее костях! Сейчас, сейчас!

Смерть что-то резко ответил Огену на иностранном языке и Оген успокоился как послушная собачка.

Влажный ветер ударил в нас, неся с собой косой дождь, но я была слишком ошеломлена, чтобы чувствовать его. Переохлаждение? Мои мысли были такими же оцепеневшими как и мое тело.

Мои друзья мертвы. Джек мертв. Зачем мне жить? Месть.

Когда мы достигли холма, который был покрыт комьями скользкой грязи, Смерть вложил в ножны свое лезвие, обернул одну руку вокруг меня и пришпорил коня. Жеребец, казалось, скачет на месте, пока, наконец, не выбрался на изгибающуюся по краю мощеную дорогу. Оген и Ларк следовали за нами.

Как только мы оказались на плоской земле, я сказала Смерти:

— Спусти меня с этого коня. — Мои зубы стучали.

— Тихо.

— Спусти меня! Спусти меня! — Я брыкалась, пугая его лошадь. — СПУСТИ МЕНЯ! — вопила я.

— Я могу быть любезным. — Смерть схватил меня и сбросил со своего жеребца. Мои ноги, должно быть, онемели в седле; они не могли держать меня. Я отошла на несколько футов, прежде чем рухнуть в сточную канаву. Неспособная достаточно быстро выставить перед собой связанные руки, я разбила лоб об край бордюра.

Боль обожгла поврежденную кожу. Кровь потекла по подбородку, челюсти. Так же как в

сарае, когда я впервые обнаружила, что могу возвращать растения к жизни.

Оген смеялся над моим падением. Ларк пробормотала:

— Идиотка.

Кап, кап, кап

Слишком слабая, чтобы передвинуться, я оставалась в том же положении — на коленях в грязи, положив лицо на бордюр, как будто он был моей подушкой. Спиной к этим троим, я наблюдала за бегущими вокруг меня стоками, впадающими в ближайшую канаву.

— Вставай. — Сказала Ларк. — Хватит тут разлеживаться.

Разве мы не проезжали мимо водоема несколько мгновений назад? С обугленными деревьями и мертвым камышом вокруг него? Моя кровь сейчас, вероятно, мчалась к тому водоему.

— Каннибалы идут, Эви, — Ларк фыркнула от нетерпения, — они идут по горячему следу, потому что ты «нечистая» или что-то типа того. Конечно с нами лучше, чем было у них.

Нет. Это не так. По крайней мере, каннибалы были лояльны к себе подобным. Ларк была двуличным предателем. Из-за нее мои Джек и Мэтью погибли ужасной смертью.

Этот уголек ярости разжег лесной пожар, настолько горячий, что я почти пропустила слабое электрическое покалывание моей кожи. Что-то поблизости оживало, раскрывалось для меня. Воскресало. Несколько секунд спустя, я почувствовала стволы деревьев, наполняющиеся жизнью, расправляющие новые ветви.

Истекая кровью, стоя на коленях как жертва, я улыбнулась. Потому что я собиралась убить эту троицу. Моя армия тихо тянулась к небу, скользила вдоль этого грязного холма, кралась позади этих Арканов. Я покажу им «нечистую».

Не было никаких причин подавлять сейчас ярость сражения. Я позволю ей разгореться.

Чтобы бороться, я должна освободиться. Наручники вокруг моих запястий были скованны вместе, препятствуя тому, чтобы я могла достать когтями и разрезать металл. Если бы я только могла высунуть одну руку из браслета…

Я напряглась, немного поворачивая левую руку, пытаясь ее высвободить, но большой палец мешал. Жар сражения походил на растущую во мне сущность. Я знала, что сделала бы Красная ведьма в этой ситуации. Ненависть, окатила меня изнутри, я пристально посмотрела вниз на свой большой палец.

Безжалостно. Я не могла добраться до металла, но я могла достичь своей плоти. Не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы регенерировать, меня это не волновало.

С беспокойством в голосе, Смерть приказал:

— Императрица, поднимайся.

О-о, я собираюсь. Императрица не станет сидеть в клетке или в ошейнике, или в плену.

Закусив внутреннюю часть щеки, я использовала коготь правого указательного пальца, чтобы срезать, почти наполовину, большой палец на левой руке. Нерв взвыл, боль была головокружительная, но ярость притупляла шок того, что я делала. Кровь хлынула в бегущую воду. Больше топлива для моего растущего огня.

Жеребец Смерти топтался острыми копытами в земле, ощущая надвигающуюся угрозу. Волки Ларк зарычали и подняли морды, чтобы понюхать воздух. Они не учуяли ничего необычного.

Смерть велел:

— Поднимайся, Императрица, или Фауна пошлет свою семью кусаться. — Я слышала, как он спешился, его шпоры звенели.

Со следующим движением и задушенным криком, я отрезала большой палец. Краем глаза я наблюдала, как вода уносила его. Моя искалеченная левая рука с легкостью проскользнула через браслет наручника. Наручник на правой руке не мог противостоять моим когтям. Освобождена.

Я была марионеткой, и ненависть дергала за ниточки. Наконец, я была готова подняться.

Глава 21

Я повернулась к ним лицом, которое было как кровавая маска, мои покрасневшие волосы, развеваются на ветру.

Глаза Смерти загорелись в прорезях забрала его шлема, прежде чем он, обернувшись, вытащил свой меч.

Смертоносная зеленая стена возвышалась над ним, как приливная волна. Он поднимал голову все выше и выше. Я приказала этой волне, чтобы она обрушилась на них, затопила их всех. С криком Смерть сверкнул своими мечами. Но пока не он был центром моего внимания — для него у меня был отдельный план. Я пыталась игнорировать боль, когда он прорубался сквозь моих солдат.

Ларк натравила на меня своих волков. Если бы они поймали меня, то разорвали бы в клочья, как тех Бэгменов. Мои ноги хрустели бы под их клыками. Прежде, чем они смогли добраться до меня, лианы схватили их за лапы, поднимая вверх тормашками. Скулеж, завывания. Они не могли быть убиты, пока я не убью Ларк.

Всему свое время.

Оген взревел, прыгая на меня; кипарис тут же обрушился на него. Придавленный к земле, он колотил ствол кулаками, размером с наковальню. Агония терзала мое тело. Поэтому я приказала дереву сбросить его с большой высоты. Его крик оборвался. Другое дерево и еще раз. Чтобы противостоять его силе, я послала отравленные стебли с шипами, чтобы связать и убить его. На всякий случай, я приказала, чтобы корни затянули его в землю, пусть помучается.

Другие растения работали над более коварной задачей….

Вытаращив глаза от ужаса Ларк, оставив своих волков, убегала. Мои лианы схватили ее за ноги, опрокидывая ее на спину, подвешивая. Пока она висела и визжала, я махнула, чтобы ее приблизили ко мне, пока наши лица не оказались в дюймах друг от друга.

— Ты хуже, чем они, — пробормотала я, наклоняя свою голову к ней. — Мы доверяли тебе.

— Подожди, Эви! Пожалуйста! — В ее глазах застыл ужас. Так же, как раньше у Джоуля.

Я наслаждалась этим.

— Ты будешь умирать очень плохо.

Я почувствовала, как поверхность небольшого заброшенного водоема, покрылась зарослями извивающихся растений. Лианы и водоросли. Я махнула рукой, и Ларк была отправлена в воздух, она закричала, когда упала непосредственно в это копошащееся зеленое болото. В ловушке. Гнездо змей. Кошмар.

Одна лиана, вздыбилась над ней, как гадюка, и резко упала вниз, чтобы ударить ее. Она крутанулась и откатилась, избегая ее. Лиана ударила снова. Она снова уклонилась, но она становилась все медленнее.

— Сдаваться не стыдно, — сказала я ей, как когда-то в прошлом Императрица уверяла своих жертв.

Смерть прорубил батальон солдат, который я поставила на его пути, и теперь шел за мной. Все согласно моему плану.

Я наблюдала, как он приближается, готовясь взять мою голову. Ненависть, кипящая ненависть. Посреди этого безумства, другое воспоминание с голосом моей бабушки всплыло

в моей голове: «Ты берешь начало от Деметры, богини, с которой лучше не связываться. Когда кто-то украл ее дочь, она была в такой ярости, что не позволила зерновым культурам расти, обрекая весь мир на голод. Эви, в тебе есть злоба, которую я должна воспитывать…»

В окружении шипов, которые меня защищали, я кричала, чувствуя гнев богини, и целый мир, казалось, дрожал. Я кричала из-за Джека и Мэтью. Из-за Финна, и даже из-за Селены. Я кричала из-за своей семьи и друзей, которых я потеряла. Из-за всей этой разрушенной планеты. Я кричала, потому что собиралась стать Красной ведьмой еще раз.

Я — Красная ведьма! Будет ли следующая Императрица в ужасе, увидев в воспоминаниях эту ужасную сцену? Нет. Поскольку я собираюсь выиграть эту игру! Убить их всех? С удовольствием.

Когда мой крик ослаб, я, приглашающим жестом обеих рук, шевеля девятью пальцами, подозвала Смерть. Он не мог знать, что мои солдаты скучают на другой стороне этого холма и под асфальтом, который простирался между нами. На несколько шагов ближе, и он упадет, стремительно помчится в ловушку к Ларк.

— Боишься ударить? Подойди ко мне, Смерть. Прикоснись ко мне, снова.

Он приближался будто в трансе.

— Умерь свой гнев, и я не убью тебя сегодня.

Я хрипло рассмеялась.

Он достиг моей ловушки. Дорога разрушилась; прежде, чем он смог убежать, он упал. В последнюю секунду он воткнул один меч в асфальт. Он цеплялся за свой якорь, потому что виноградные лозы тянули его тело, обвиваясь вокруг его плеч и шеи, пытаясь ослабить его. Одна из них сбила с него шлем, открывая его прекрасное лицо, его мрачное, решительное выражение. Он не показывал, что паникует, даже когда лоза оплела его голову, скользя по губам.

Я смотрела в его пылающие глаза. В головокружительном порыве я вспомнила время, когда они сияли ярче звезд в ночи, смотря на меня. Перед тем, как его губы встретились с моими.

Бух! Оген врезался в меня с силой грузового поезда. Как?! Мы врезались в землю, я чувствовала, как мое тело ломалось под его весом. Ребра сломаны. Голова отброшена назад, череп треснул. Мое зрение стало расплывчатым, моя армия была ошеломлена.

Как он спасся от моего яда и из ловушки тех деревьев?

Из последних сил, я вонзила свои когти в жесткую кожу его шеи, вводя в него столько яда, что мои пальцы оцепенели.

Он обернул руку вокруг моего горла, сжимая сильнее и сильнее. Сила Дьявола не уменьшилась?

Пока я наносила отчаянные удары Огену, я посмотрела на Смерть, который с лезвием между зубами выбирался наверх из моей ловушки. Победоносец.

Теперь была очередь Смерти смеяться.

— Оген — один из двух игроков, неуязвимых к твоим ядам. Ну, Императрица, спроси себя: зачем еще кому-то, такому как я, союзничать с кем-то, как он?

Под рукой Огена, глубоко в моей шее что-то треснуло. Мои руки упали по бокам. Я не чувствовала их. Прежде, чем мои веки закрылись и сознание исчезло опять, я услышала как Смерть проскрежетал Огену какие-то слова на иностранном языке.

Что сказал Жнец…?

— Соответствует твоим глазам.

Я пристально смотрю на подарок Смерти: золотой шипованный ошейник с изумрудами. Мой заклятый враг пытается соблазнить меня, и уже объявив о своем намерении взять меня в свою постель. Я была с ним в течение четырех дней, выздоравливая после удара его мечом.

Он сидит рядом со мной на подстилке в палатке, которую мы делим.

— Тебе нравится? — спрашивает он, наклоняясь вперед, чтобы убрать волосы с моего лба. От соприкосновения его янтарные глаза начинают светиться, пылать.

Смерть прикасается ко мне при любом случае, содрогается от одного только прикосновения большим пальцем к моей нижней губе. Он, кажется, любит обнажать руки рядом со мной, срывая обе ненавистные перчатки, когда входит в наше жилье.

— Он красивый, — отвечаю я честно. Он, должно быть, купил его на базаре, который мы проезжали ранее. Мне жаль, что я не могу коснуться золота, но мои руки связаны позади меня. Смерть хочет меня, но все еще не доверяет мне.

Хотя я почти излечилась, я не определилась со своей стратегией в отношении него. Я знаю, что должна бежать от него, но он встретился со своим союзником, Дьяволом. Теперь тот рьяно охраняет палатку всякий раз, когда Смерть уезжает.

— Подарок очень любезный.

— Любезность не имеет к нему никакого отношения. — Его веки становятся тяжелыми, поскольку он проводит пальцами вдоль моей линии подбородка, затем по моей ключице. — Ты моя, Императрица. Ты заслуживаешь прекрасных вещей.

Его. Смерти. Он намеревается взять меня в свой дом далеко на холодном севере, далеко от моего дома, и его бескрайних полей травы. Столь же чуждый мне, как эта пустыня.

— Позволь мне. — Он придвигается, чтобы надеть ошейник на мою шею, поднимая волосы. Как только застежка застегнулась, он мягко целует мой затылок.

Когда я вздрогнула в ответ, он застонал у моей кожи.

— Тебе нравится мое прикосновение.

Боже помоги мне, что я делаю. Руки, которые убивают с такой легкостью, такие нежные ко мне. Он придвигается ближе, лицом ко мне.

— Ах, тварь, за такую реакцию, я буду покупать тебе драгоценности каждый день.

Насколько это должно быть ново для парня, который убил всех, к кому он прикоснулся. Сколькими новыми впечатлениями он может наслаждаться со мной. Я поймала себя на мысли: на что это похоже, находиться в его собственности.

Однако когда я буду полностью излечена, я ударю. Только один может победить.

Я проснулась от скрежета металла и запаха мокрой псины. Была ночь, и я снова была связана, лежа на сухом спальном мешке. Прямо как в моем тревожном сне.

Один из волков Ларк лежит возле меня, его морда в дюйме от моего лица, глаза, вглядываются в меня с неестественным интеллектом. Или скорее его глаз, единственный. Привет, Циклоп. Вероятно, самый облезлый из трех.

Арканы разбили лагерь под мостом и разожгли огонь, не опасаясь никакого нападения.

В дополнение к волку-охраннику, они плотно связали мои локти за спиной, лишая возможности когтями дотянуться до веревки. Я все еще испытывала затруднения, двигаясь, но, по крайней мере, ощущения вернулись к моим конечностям. К сожалению, это означало, что я каждую секунду испытывала боль регенерации, поскольку кости снова срастались, кожа снова обновлялась. Мой большой палец снова был куском плоти.

Я попыталась обратиться к своим силам — как Императрица в моем сне, я была готова

ударить — но они были исчерпаны. Проклятый дождь! Даже если бы я могла управлять спорами, их, вероятно, было бы недостаточно, чтобы убить это трио.

Я пристально посмотрела мимо Циклопа, чтобы найти глазами Огена и Смерть около пылающего огня. Их две лошади стояли неподалеку. Никаких признаков Ларк или других волков.

Оген сидел на корточках рядом с огнем. В свете костра, его глаза были еще более отталкивающими. Вокруг его вытянутых ромбовидных зрачков выпирали те зеленовато-желтые прожилки. Они были цвета болезни, инфекции. Неравномерные до этого, теперь его рога были одной длины. Я прищурилась. На его спине было два выпуклых шрама. Как будто оттуда что-то было вырезано.

Без колебания, он сунул руки прямо в огонь, чтобы перемешать поленья. Неуязвим к огню и яду? Было полезно это узнать.

Я не победила их сегодня со всем моим арсеналом и коварным планом. Против меня, все вместе, они были непобедимы, и Смерть должно быть об этом знал.

Если бы я смогла вытащить его из его брони…

Сегодня вечером он снял свои шлем и нагрудник. Я наблюдала, как он, пользуясь своим мечом, вырезал полоску металла из последнего. Он передал эту металлическую полосу Огену, который погрузил ее в огонь голыми руками. Дьявол раздувал огонь, пока тот не поднялся высоко.

Почему Смерть не позволил Огену убить меня? Какие планы он имел на меня? Очевидно, не те же, что он имел в прошлой жизни.

Вновь появилась Ларк, проходя сквозь завесу воды, сбегающую с края моста. Ее руки были полны влажных дров, а два ее других волка, несли в своих челюстях бревна, и опустили их к ногам Огена. Она сказала Смерти:

— Сокол может вести разведку еще пару часов, но потом он должен поспать.

Слабость. Ее животные не могли идти так долго. Еще один Аркан, который нуждается в охране.

— Очень хорошо. — Смерть, не казался сильно заинтересованным.

Ларк стащила вниз капюшон своей куртки, пока волки встряхивали свой промокший мех.

— Ты почти закончил? — спросила она его.

Игнорируя ее, он начал переделывать свой нагрудник, затягивая винты на его боках. Смогу ли я пробить его броню? Возможно, сейчас он чинил ее.

Когда та полоса металла запылала красным, Оген вытащил ее из огня. Поместив ее на соседний валун, он стал ковать ее кулаком, разглаживая.

Оставив Огена с его работой, Смерть отложил свой нагрудник, затем прислонился к насыпи. Его шлем был рядом. Я смотрела, как он точит один из своих мечей, проводя камнем по краю снова и снова. Казалось, повторяя это, он успокаивался.

Ларк сидела поблизости. Когда я поймала ее пристальный взгляд, она сверкнула на меня удивленными глазами — как будто это я предала ее — и отвернулась в гневе.

Я привела себя в сидячее положение, наклонив голову, чтобы изучать Смерть. Насколько теперь он отличался от парня, который мне снился. Он стал старше на шесть или семь лет, стал гораздо жестче и еще более безжалостным.

Смерть взял свой меч и оглядел край в отсвете костра.

— На что ты смотришь, тварь?

— На хладнокровного убийцу.

— Не думаю, что ты увидишь что-то новое. — Он взял свой другой меч, чтобы его наточить. — Я уверен, что ты смотришь в зеркало, время от времени.

— Куда ты везешь меня?

— В мою цитадель. Если ты доживешь до следующей недели.

— Где это?

Он не соизволил ответить.

Хорошо, таким образом, если его логово было в неделе езды от Жреца, это могло означать Вирджинию, Западную Вирджинию, Кентукки, или Каролину.

— Что ты планируешь со мной сделать? — Что я планировала сделать с собой? Если бы я смогла убежать, я начала бы с самого начала еще раз. Дать себе время оплакать все, что я потеряла и выполнить свое обещание матери. Я поклялась, что доберусь до своей бабушки, узнаю, почему земля потерпела неудачу, узнаю, могу ли я помочь это исправить.

Все, что я знала, это то, что Смерть мог везти меня в правильном направлении.

Продолжить свою миссию без Джека и Мэтью? Мысль вызвала тоску, разрывающую меня изнутри, хуже, чем любая физическая боль, которую я когда-либо испытывала.

Жнец, наконец, посмотрел на меня, положив свое оружие на колени.

— Я планирую заставить тебя страдать, вплоть до момента, когда я решу отрезать твою голову.

Его уверенность меня тревожила. Я решила, что сделаю что угодно, чтобы лишить его этого удовольствия — и моих знаков. Я предпочла бы, чтобы это был Джоуль.

— И когда это будет решено?

— Каждое утро, когда я просыпаюсь, я спрашиваю себя: «Сегодня тот день, когда я обезглавлю тварь?». Если ты сможешь сохранить свою никчемную жизнь до ночи, тогда ты узнаешь мой ответ. И так будет каждый день.

Я сузила глаза:

— Почему ты так ненавидишь меня? — я заметила, что Ларк внимательно слушает, делая вид, будто она поглощена перекладыванием вещей в своем рюкзаке.

— Поскольку я знаю, кто ты. — Он сжал рукоятку своего меча, так, будто едва мог сдержаться и не напасть на меня. — Ты одурачила других, но я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя.

— Тогда скажи мне, какая я в действительности.

— Ты эгоистична, слаба, труслива и нелояльна. Ты обвиняешь Фауну в ее двуличности, когда сама не лучше, соблазнительница, которая завлекает мужчин на погибель.

Я напряглась связанная, жалея, что у меня нет моих сил.

— Действительно ли я была слаба, когда мои виноградные лозы тянули тебя к адскому концу? Я была труслива и нелояльна, когда боролась, чтобы отомстить за своих друзей?

— За твоих друзей или смертного, которого ты утверждала, что любила?

— Обоих.

Губы Смерти скривились.

— Смертный не захотел бы тебя, если бы знал, на что ты действительно похожа. Он не уложил бы тебя в свою постель, и он, конечно, не отдал бы свою жизнь за тебя. Еще один,

кого ты обрекла на гибель.

Я потрачу свое оставшееся время на то, чего я хочу… голос Джека, его улыбка, то, как он говорил…

Все кончено. Он умер три ночи назад. Моя вина. Я отпустила его. Потому что я не смогла, сильный, гордый человек умер из-за меня. Смерть был прав. Я была слаба и эгоистична.

Я отвернулась, легла спиной к нему, и стала вспоминать последний момент, когда я видела Джека. Словно это происходило со мной, я могла чувствовать удары воды о мой живот. Как быстро падали валуны, до того как Оген усилил натиск. Разрушив пещеру, как песчаный замок.

Если бы только Джек смог вместе с Мэтью выбраться на берег? Моя нижняя губа задрожала. Может быть, Мэтью так и не очнулся, когда тонул.

Сквозь слезы, я уставилась на завесу воды, такую же, как у входа в пещеру, где Джек и я были вместе. Идеальный момент.

Слезы текли, и я не могла их остановить. Что угодно, только не зарыдать при них! Я старалась заглушить звук. Также как я ненавидела Смерть, я ненавидела себя за то, что плачу.

— Ах, этот звук, — насмешливо протянул Смерть, и я оглянулась на него через плечо.

— Ты была права, Фауна, — он разлегся, ухмыляясь и закинув руки за голову, его глаза светились в ночи. — Это намного лучше.

Глава 22

ДЕНЬ 264 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА
БОМФОК, ЕГИПЕТ*, НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ

(BUMFUK, EGYPT — идиома, довольно современная, придумана солдатами США во время военных операций на Ближнем Востоке. Когда их спрашивали — «куда тебя отправляют?», то получали ответ — «Бомфок, Египет». Звучит, как название реально существующего места, но на самом деле такого места нет. То есть, буквально означает — «где-то, где я точно не хотел бы оказаться».)

— Я чувствую твои глаза на своей заднице, извращенец, — сказала я, оглядываясь через плечо. За последние шесть дней, всякий раз, когда шлем Смерти был снят, я мельком видела нервирующий голод в выражении его лица. Как он мог чувствовать настолько сильное отвращение ко мне, и одновременно бороться с притяжением?

Я обернулась, чтобы увидеть его, с комфортом, ехавшего на коне, капризном жеребце, которого он звал Танатосом. Он был в окружении пешего Огена и Ларк, которая тоже ехала на лошади.

Чувствуя раскаленный взгляд Смерти на своей заднице, я тащилась босая в теплой куртке по каменистой дороге. Мои босые ноги были изрезаны. Хоть моя кровь и оживляла растения, они оставались пожелтевшими и увядшими, потому что я все еще была слаба. Все эти злоключения на моем пути, гарантировали, что мое тело постоянно играло в догонялки с регенерацией. Я уже, только за это утро, дважды падала. Смерть снова связал мои локти, таким образом, что я не могла смягчать свои падения. Мои плечи оцепенели, и я чувствовала, будто не могла отдышаться на протяжении большей части прошедшей недели.

Смерть поднял свои брови, не стыдясь быть пойманным, глазеющим на меня.

— Просто, потому что ты — безвольная блудница, не означает, что я не могу находить твои… атрибуты привлекательными. Я могу быть бессмертным, но я — все еще здоровый мужчина.

Атрибуты? Не поэтому ли он сохранил мне жизнь? Каждое утро я спрашивала его:

— Ты уже решил, убьешь меня сегодня?

Он всегда отвечал:

— Пока нет, тварь.

Каждую ночь у огня, Смерть использовал кончик одного из своих мечей, чтобы вырезать зубцы на плоской металлической полосе из своей брони. Хотя я понятия не имела — почему, но он казался очень довольным собой, когда замечал, что я наблюдаю, как он работает. Могло ли его влечение ко мне усилиться…?

— Блудница? Кто так говорит? Седой старец, живший во времена Флинстоунов.

— Ты ведешь себя дерзко, учитывая, что потерпела поражение и потеряла всех своих людей.

Я стиснула зубы, чтобы не закричать. Мысль о том, что он носил знаки моих друзей, сжигала меня изнутри, как кислота Алхимика. Смерть всегда носил перчатки, так что я не видела отметин. Но я знала, что они должны быть у него, потому что руки Огена и Ларк

были чистыми.

— Я страдаю от потери. — Сказала я ему, — но, по крайней мере, у меня были эти отношения. У меня были доверие и забота. — Любовь и страсть с Джексоном. Я хотела бы удержать эти воспоминания о нем, скрытыми от остальной части моей жизни, как оказалось короткой. — А ты — ты получил Огена.

Услышав свое имя, Дьявол неуклюже приблизился ко мне. Если Смерть смотрел на меня так, словно хотел со мной переспать, то Оген смотрел, словно не мог решить, хочет ли он переспать со мной или высосать мозг из моих костей. Его жуткий внешний вид был сравним только с его зловонием.

— Ты веришь, что у тебя было доверие? — издевался Смерть, — правило Арканов номер один: не доверяй никому.

Я остановилась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Не удивительно, что ты так хорош в этой игре. Она — это все что у тебя когда-либо было.

— Ты ничего не знаешь обо мне. Будь осторожна, не провоцируй мой гнев. — С усмешкой он уехал вперед.

Смерть пожалеет о своем решении, что не избавился от меня до сих пор. Последние несколько месяцев я хотела убить его, потому что он хотел убить меня. Теперь я жаждала кровавой мести, которой сможет гордиться красная ведьма.

Если я не могу убить это трио сама, то у меня есть два варианта. Поймать Смерть без брони, что было маловероятным. Или обратиться за помощью. В таком случае мой первый шаг — побег. Я беспокоилась, что Смерть может прочесть мои мысли и сорвать любую попытку. Но надеялась, что связь между нами разорвана. Разорвана, с уходом Мэтью. Не плачь. Не доставляй ему такого удовольствия.

До сих пор не было никакой возможности сбежать. Меня никогда не оставляли одну. Ларк сопровождала меня каждое утро, чтобы умыться, ее волки, тащились за нами как охранники за скованными цепью каторжниками. Всегда, когда я оставалась с ней наедине, мне казалось, что она хочет что-то сказать. Информация к сведенью? Но я еще была не в состоянии воздержаться от желчи, общаясь с ней.

— Эй, босс, — сказала Ларк, ее глаза были красными. Глаза сокола. — У нас впереди большая река.

Туман начал сгущаться. Вскоре я могла слышать звук падающей воды. С каждым шагом, приближаясь к невидимой реке, Оген начинал сильнее дергаться. Я узнала, что дьявол боится водоемов сильнее, чем Мэтью. Я сомневалась, что зверь может плыть.

Пятнадцать минут спустя мы достигли края порогов и все четверо остановились, уставившись на сюрреалистическую картину. Быстрое течение, проносило мимо нас часть здания, огромную спутниковую антенну и… автомобиль. Красный Фольксваген проплыл мимо нас, руль вращался, поскольку течение трепало его колеса.

Понимая состояние Огена, я сказала:

— Идем прямо. Голосую за то, чтобы плыть.

Он всхлипнул:

— Не плыть — НЕ ПЛЫТЬ!

Смерть скомандовал ему что-то на иностранном языке, и он замолчал.

— Ну, разве ты не прелестная собачка, Оген, — сказала я, — знаешь, команды: сидеть,

стоять, молчать, даже лучше чем волки Ларк.

Он посмотрел на меня, не веря, что я только что так его оскорбила.

— Я — ОСКВЕРНИТЕЛЬ! Я сижу на колене Люцифера!

— Это имеет смысл, Скуби.

С озадаченным выражением лица Смерть сказал:

— Ты издеваешься над ним на свой страх и риск.

— Что он сделает? Убьет меня? — через плечо я бросила Огену: — встань в очередь, придурок.

Игнорируя нас обоих Смерть сказал:

— Мы перейдем там.

Я проследила за его взглядом вверх до подвесного моста, настолько высоко, что он был почти скрыт в облаках. Соединяя две стены каньона, он выглядел обугленным и хрупким, словно поддерживающие его канаты можно смахнуть в любую секунду.

Ларк нетерпеливо кинула:

— Хорошая идея, босс.

— Ты еще в зад его поцелуй. — Сказала я, получив в ответ оскал ее клыков.

Верх по грязной тропе она и Смерть поднимались на лошадях. Я вынуждена была подниматься, утопая по икры в грязи. Возможно, когда мы будем на мосту, я прыгну. Последний из Могикан, вашу мать!

Я думала об этом наполовину в шутку, но идея не оставляла меня. Я не знала, решусь ли я на прыжок с такой высоты, но стратегически это имело смысл. Вода унесет меня быстрее, чем их лошади смогут идти по этой местности. На мосту трио ослабит мою охрану, потому что никто в здравом уме не посмеет оттуда прыгнуть. Оген побоится последовать за мной, Ларк в целом бесхребетная. Смерть не сможет, если не снимет броню.

Мои губы скривились. Если он сбросит броню и последует за мной? Беспроигрышно. Либо я сбегу, либо я встречусь с ним без брони.

Что сделал бы Джек в этой ситуации? Он всегда был практичным. За исключением ситуации в конце его жизни, когда он знал что лучше остаться со мной, но не смог этого сделать. Не думай об этом! Не сейчас, не теперь…

Переживу ли я падение? Будет ли река достаточно глубока? Зная мою удачу, я, наверное, получу по башке другим автомобилем.

Когда я поднялась, то вспомнила давнюю беседу с моей бабушкой. Она объясняла мои слабости; я же хотела играть с моими куклами. Теряя интерес, я рассеянно спросила: — Decapra — что? Я думаю, что бабушка знала, по крайней мере, один способ, которым я могла умереть. Сегодня, я могу поставить свою жизнь на то, что она не говорила: — Ты можешь утонуть.

Как только мы достигли начала моста, я выдохнула:

— Мне нужно отдохнуть.

Ларк замедлила лошадь:

— Ты не можешь, Императрица. Сокол разведал окружности, Зубы окружают нас.

Даже лучше! Я проплыву мимо них!

— Мои ноги вот-вот отвалятся.

Смерть сказал:

— Шевелись или я потащу тебя за моим конем.

— Слишком устала-прохрипела я.

Изучая мое лицо Смерть прищурился:

— Что-то задумала, тварь?

— Не можешь больше читать мои мысли?

— Пожалуй, нет. Но я могу сказать, что ты врешь.

— Симулирую больную? — Туман был настолько густым, что я не видела и середину моста. Знать бы, где можно спрыгнуть? Я могла бы прыгнуть прямо с выступающего края берега.

После моего опыта в пещере, последнее место, где я хотела оказаться, это вода. Смогу ли я заставить себя сделать это?

— Ты выглядишь измотанной, — сказал Смерть, — но у тебя еще остались силы. — Его голос звучал утвердительно.

— Остались. И я собираюсь бороться за себя. В своё время.

Его глаза расширились, когда он понял.

— Идиотка.

Но я уже быстро бежала, убегая как можно дальше на мост, пока я не осмелилась развернуться к перилам. Смерть пришпорил коня, рядом бежал Оген, но я уже вскарабкалась на бетонные перила.

— Не приближайся! — Не имея возможности держаться руками, я балансировала. Перила были шириной с бревно. Я тренировалась делать упражнения на бревне и на таких перилах могла бы сделать сальто назад, во всяком случае, я так себя уверяла. Я случайно взглянула вниз и сглотнула, не видно даже проблеска воды. А это значило, что падая, я могу врезаться в проплывающую мимо машину или обломки дома. Я должна слепо шагнуть в густой туман.

Позади меня, Смерть спешился и выругался от разочарования.

— Не делай этого. — Через плечо, я наблюдала, как он подходит ближе, это было как в одном из моих видений. Чувство dйja vu накрыло меня, когда я вспомнила его на краю поля тростника, протягивающего ко мне руки. Я тяжело покачала головой, почти раскачиваясь на перекладине.

— Если ты прыгнешь, ты умрешь, Императрица, — спорно — а, так как я ближе всех к тебе, я получу твои знаки. Ты хочешь отдать их мне так легко? — Смерть поцокал языком. — Игра не интересна, если ты слаба.

— У меня есть свои слабости. — Я сделала глубокий вдох. Закрыла глаза.

И шагнула.

Он взревел с проклятьями, когда я прыгнула. Стремительное движение воздуха взвило волосы над моей головой, словно хвост кометы. Желудок скрутило. Я падала, падала и падала…

Вода! Ледяная!

Соприкосновение выбило воздух из моих легких, холод шокировал мои мышцы. Течение

швыряло меня, пока я изо всех сил пыталась удержаться на поверхности, используя только ноги. Я задыхалась, мусор врезался на меня. Доски с гвоздями, кусок гофрированной жести. Парализующий удар. Порез. Я чувствовала давление на раны и нечеткое тепло крови в воде вокруг меня, но не боль. Онемение.

В тумане проскользнул берег, но очень быстро. Промелькнул. Как дорога, когда я ехала на мотоцикле Джека.

Из всех звуков один становился все громче. Я двигаюсь быстрее? Впереди водопад? Я не могла протереть глаза, чтобы посмотреть…

— Аххххх!

Вдруг я резко погрузилась на глубину. Течение водопада затягивало меня, но так же быстро как меня затянуло вниз, я вылетела обратно, как пробка. Вихрь?

В этот раз, когда я стала всплывать, я почувствовала, что мои руки рвануло за спину. Веревка, которой связаны руки, за что-то зацепилась! Я напряглась, пытаясь увидеть сквозь вспенившуюся воду.

Жуткие и приглушенные звуки вокруг меня. Водная могила. Нет, не сейчас!

Я зацепилась за арматуру, выпирающую из огромного осыпающегося цементного блока. Если бы я смогла подтянуться, то смогла бы отцепить руки. Но вода как гейзер продолжала бурлить, поднимаясь всё выше.

Я изо всех сил пыталась плыть против течения. Слабею.

Меня быстро подхватило, но я не могла найти край бетона. Я использовала когти, чтобы зацепиться за все, чего могла коснуться. Цемент, металл… заканчивается воздух… Борись, Эви!

Мои легкие кричали, глаза вылезли. В ловушке. Мой разум еще работал, моя воля к жизни требовала, но мое тело… остановилось.

Руки и ноги поникли.

Может, скоро я увижу свою семью, друзей, Джека. А может Арканы, могут и не мечтать о небесах…

Хотя я боролась изо всех сил, я нахлебалась воды. Конец. Мои веки закрылись

Водная могила.

Глава 23

Я сидела на бревне, на берегу реки, без эмоций наблюдая, как Смерть несет мой труп к берегу.

Вне-телесный опыт? Я не знала. Я чувствовала себя сторонним наблюдателем, как будто могла бы есть попкорн, пока напряженно наблюдаю за игрой на сцене. Может, так ощущалось умиротворение? Я задалась вопросом, нашла ли его моя мама, когда она ушла. Почему не было никакого яркого света, зовущего меня домой? Ах, да: никаких небес для Арканов.

Поскольку Смерть положил мое тело на песке, я увидела, что была в очень плохой форме. Мои синеватые губы были приоткрыты, но я не дышала. Моя кожа была белой, как рыбье брюхо, спутанные волосы прилипли к лицу. Мои руки все еще были связаны за спиной.

Переведя взгляд, я поняла, что моя предсмертная заявка на попытку освободиться продлилась наносекунду; я не проплыла больше чем пару сотен футов по течению. Мост виднелся, словно насмехаясь надо мной.

Смерть поднялся и принялся ходить, одетый только в штаны. Без брони, ничем не защищенный. Какая возможность упущена.

Подождите, у него были отметины на коже? Поперек его груди вились черные татуировки в виде странных рун, зазубренные рисунки которых, казались похожими на лезвия. С неохотой я признала, что они не умаляли его совершенства. Его тело по-прежнему притягивало взгляд.

Он провел рукой по влажному лицу, взглянул вниз на меня, его глаза горели от волнения. Смерть чувствовал отвращение ко мне? Шокирующе. Но потом я подумала, что сделала что-то еще. Что-то… непонятное.

Стук копыт приближался. Ларк спрыгнула со своей скачущей галопом лошади, бросаясь к Смерти.

— Реанимируй ее!

Он проигнорировал девочку, продолжая шагать.

— Если ты позволишь ей умереть, то она украдет у тебя свою смерть — смерть, которую ты должен ей принести, а не она может взять, когда только ей чертовски захочется!

Оген появился в поле зрения, вопящий в дождливое небо: — Я пирую, я пирую!

Ларк продолжала изводить Смерть:

— Босс, ты сказал, что наслаждался ее страданием, что это было намного лучше. Ты собираешься позволить ей лишить себя этого маленького удовольствия?

Ну и сука, думала я, на самом деле не гневаясь. Это был сеанс с попкорном, в конце концов.

— Я ПИРУЮ! Позвольте мне осквернить ее.

— Заткнитесь, вы оба! — Закричал Смерть, гром прогрохотал позади него. Он пробормотал что-то на иностранном языке, затем упал на колени рядом с моим телом, закрывая мне обзор. Все, что я могла видеть, это его широкая спина, наклоненная ко мне, чтобы вдохнуть в меня воздух.

Губами. Я как-то почувствовала их на своих губах. Теплый воздух из его легких вошел в мои голодные. Он повторил это. И снова.

Внезапно я стала приближаться к своему телу, телу — которое мучилось от потребности дышать. Паника охватила мои ослабленные мышцы.

Когда Смерть отстранился, чтобы сделать еще вдох, мои глаза распахнулись, ловя его взгляд.

Я откатилась на бок, и меня стошнило водой. Как только я выкашляла все это, я неловко приняла сидячее положение. Источая напряжение, он присел на корточки.

— Босс, ты спас ее, — благоговейно сказала Ларк. — Ты… ты вдохнул в нее жизнь.

Прежде, чем я пришла в себя, у меня возник безумный импульс поблагодарить его. Он, должно быть, думал так же, потому что наклонил голову, сдвинув светлые брови.

Я посмотрела вниз. Увидела его руку. Его обнаженную руку. У него было только два символа: Каланте и другой, который я не узнала.

Ни одного из знаков моих друзей. Это означало, что они все выжили. Это означало, что Джек, скорее всего тоже. Джек, ты обманул Смерть. Я послала Жнецу торжествующий взгляд.

— Всегда думаешь о них. Я должен был оставить тебя тонуть.

Грубым голосом, я ответила:

— Без сомнения.

Его рука метнулась к моей шее, начиная сдавливать.

— Ты думаешь, я не смогу исправить свою ошибку?

— Глаза к небу, ребята! -

— Я наблюдаю за тобой, как ястреб. -

— Попавшие в мои ладони. -

— Арканы! — Оген перепрыгнул через мечи и доспехи Смерти. — Сила!

Приближается союз Джоуля?

— Нет времени, чтобы экипироваться, Смерть? — Без своей защиты он больше не был неуязвим.

Он поднялся, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— И теперь кто-то должен умереть из-за твоего безумия.

Для Башни было делом чести выполнить свое обещание мне.

Серебристое копье приземлилось возле меня, взрываясь вспышкой молнии.

Глава 24

Сукин сын! Мастер Электричества стоял на мосту, его преимущество делало из нас рыбу в бочке.

Тело Огена начало увеличиваться до его ужасающих размеров великана. Он качнул рогатой головой в сторону Джоуля, затем рванул к мосту, превращая камни на своем пути в пыль.

Я вскочила так быстро, как только могла, уворачиваясь от другого копья, чуть не налетев на бегущую Ларк. И вместе с ней побежала к участку сгоревшего леса.

Копья снова и снова ударяли в землю позади меня, заставляя ускориться. Я рискнула взглянуть через плечо… и врезалась в валун. Напуганная я отскочила назад. Проигнорировав свои новые раны, я согнулась позади камня. Копья… прекратились? Вдохнув влажный воздух, я выглянула из-за своего укрытия, моргая от дождя.

Джоуль вопил:

— Ой! Держись в укрытии, ты, чокнутая потаскушка!

Башня помогал мне? Подталкивал меня бежать? Да, он мог поразить меня в любое время — как он смог в моем видении о нем в гавани, когда я бежала вдоль берега реки. Я должна была освободиться, чтобы помочь ему воспользоваться слабостью Смерти. Мне нужны мои руки! Я не могла достать веревку, которая связывала мои локти, но могла протереть ее обо что-то острое. Я разбила своими когтями валун позади, выбивая острый кусок. Тяжело дыша, я начала тереть веревку об его край.

Джоуль обратил внимание на своего истинного врага: Смерть. Жнец ждал возле реки без своей брони, как будто призывая Джоуля ударить. Его мышцы в готовности напряглись. Молнии посыпались дождем. Мечи смерти сверкали, превращаясь в размытое пятно, когда он отбивал каждый удар.

Из-за соседней скалы, Ларк кричала Джоулю:

— Сюда идут Зубы, идиот!

Джоуль ответил:

— Я это прекрасно знаю, ты изворотливая сука, я сказал им следовать за взрывами. Они должны появиться в каньоне через несколько минут.

Не отрывая взгляд от Джоуля, Смерть командовал Ларк:

— Обратись к каждой твари, что еще выжила — останови смертных, или они скосят нас всех.

— Поняла, босс! — Она убежала со своими волками.

Джоуль использовал Зубы? Умный мальчик. Но сейчас они охотились на меня. Я стала быстрее тереть веревки о край валуна, ища глазами Тесс. Ни следа. Я слышала приближение Габриэля, но не могла увидеть его из-за тумана.

В прошлый раз, когда Габриэль так же напал на Смерть, Жнец был быстрее и ранил ему крыло. Конечно, он не будет использовать тот же план дважды. Атака Джоуля усилилась, пронзительный вой стал оглушительным. Ближе, ближе.

Я видела сражение Арканов через видения Мэтью. Но это было настоящим хаосом — грохот, земля, казалось, дрожит от ослепительных взрывов.

Гром над нами. Этот вой… Когда Смерть поднял меч к небу чтобы нанести удар по

Габриэлю, на него опустилась металлическая сетка. Они изменили свой план!

Сетка, должно быть, была тяжелой; она заставила Смерть рухнуть на колени. С разъяренным ревом он полоснул по ней мечами, но не смог разрезать металл. Чем больше он боролся, тем сильнее запутывался. Все, что Джоулю оставалось — это нацелить одно копье. Но Оген был рядом, не пуская его через мост, вынуждая Джоуля отступить. Дьявол преследовал Башню, как это было в их последнем сражении. Сможет ли Джоуль избежать его снова? И где Тесс, третья часть головоломки?

В клочьях тумана я видела искрящуюся кожу Джоуля.

— Эй, рогатый! Это все что ты можешь?

Оген ударил копытом по мосту, вызывая гигантскую трещину. Потом еще раз. Подвесные канаты заскрипели!

Ни Джоуль, ни Оген, казалось, не замечали, что мост ходит ходуном. Джоуль продолжал высоко бросать копья, которые взрывались возле ног Дьявола, выбивая из-под них куски бетона. Но молнии не беспокоили Огена — только приводили его в ярость.

Он забарабанил кулаками по груди, и бросился к Джоулю.

Что теперь у них по плану?

— Тесс займись Смертью! — крикнул Джоуль через плечо. — Оген у меня на хвосте!

Мои глаза заметили движение. Тесс. Она стояла в нескольких десятках футов, между обожженными стволами деревьев, дрожа, с кинжалом в руке. Их запасной план — это зарезать Смерть? Я почти слышала их рассуждения: если Карта Мир не могла контролировать свои силы, то должна быть в состоянии хотя бы воткнуть нож.

Но девушка была в ужасе, глаза полны слез. Нож дрожал. Хотя она, казалось, не замечала этого, ее ноги… не касались земли.

Часто дыша, Смерть перекатился на спину и ударил по краям сетки. К тому времени как Тесс доберется до него, он будет свободен. Как раз для того чтобы убить ее.

— Ударь, Тесс! — голос Джоуля звучал все дальше.

Когда она посмотрела на меня испуганными карими глазами, я покачала головой, предупреждая:

— Не хватит времени. Освободи меня и я помогу тебе! — я моргнула. Ее одежда увеличивалась на ней прямо передо мной?

— М-мне так жаль, — она заплакала и побежала в направлении Джоуля.

Башня, должно быть, понял, что она не последует его приказу. Он закричал:

— Гейб, возьми Жнеца!

Откуда-то сверху, из тумана Габриэль ответил:

— Сделаю, — зазвучал пронзительный свист, он начал спускаться.

Смерть встретился со мной взглядом, его глаза обещали месть.

Я сузила свои:

— Я говорила тебе, следи за шестерками, Жнец.

Как раз перед атакой Габриэля я услышала еще один взрыв.

Затем:

— НЕ ПЛАААААВААААТЬ!!!!!

Оген падал вместе с мостом. Цепляясь за поручень, Джоуль мчался к краю. В последнюю секунду он успел зацепиться за один из подвесных тросов.

Как долго он сможет держаться за кусок металла? Он не способен к регенерации, и не выживет после падения.

Когда Оген, беспомощный в воде, проплыл мимо берега, я подняла глаза.

— Габриэль, спаси Джоуля!

Свист сразу изменил траекторию. Слишком поздно. Башня упал.

— О Боже…

Как раз перед тем как Джоуль ударился об острые камни внизу, Габриэль сгреб его в охапку, взмывая обратно в облака.

Вдалеке Джоуль кричал:

— Не туда, ты должен спуститься вниз, к Императрице! Зубы на подходе, они ничего от нее не оставят.

Словно по команде, первый грузовик колонны Зубов появился на вершине каньона, следующие грохотали позади него — по крайней мере, десять приближающихся бронированных машин. Мужчина с молочно-белыми глазами отдавал приказы пулеметчикам на Хаммере, и другие мужчины, прокричав боевые кличи, начали стрелять вниз по нам. Все, чтобы отомстить за мужчину, который поработил их умы.

— Убейте нечистую!

Как говорится, это старая песня. Это было забавно только первые два раза…

Боевые кличи затихли, когда Циклоп бросился на водителя одного джипа. Кровь брызнула на ветровое стекло, машина мчалась не тормозя. На краю каньона Циклоп выпрыгнул, спасаясь, но джип катился вперед в пропасть, мча своих вопящих пассажиров к их смерти.

Под пулями, осыпавшими их с противоположного берега, другие два волка, вырывая горла, присоединились к драке.

БАМ, БАМ, БАМ.

Песок линией поднимался вокруг Смерти. Он зарычал от ярости, когда одна пуля попала в него. Потом другая.

Наконец освободившись, Смерть поднялся, ища укрытие. Хотя у него текла кровь из левого плеча и правого бока, он не ускорил свой темп, хотя пули впивались в землю всего в нескольких дюймах от его ног.

Он достиг другого валуна в двадцати футах от меня и присел позади него, вытянув длинные ноги перед собой. Его голова откинулась назад, и он сощурил глаза к небу.

Это зрелище понесло меня по волнам памяти, мой ум вспоминал другое время, когда он лежал так же, его лицо было поднято к солнцу. Он ласкал мои волосы, когда я положила голову на его колени…

Теперь он был подстрелен. Пойман в ловушку. Когда я почувствовала муки того, что, возможно, было жалостью, я внутренне себя встряхнула. Это было тем, о чем я мечтала: Смерть без брони, несколько Арканов охотятся за его головой. Моя жалость была необоснованной.

С ревом Смерть поднялся из-за своего укрытия и взмахнул одним из своих мечей. Лезвие вылетело как брошенный кинжал — перевернулось через рукоятку — чтобы пронзить горло лидера Зубов.

Однако оставалось много других, готовивших свои большие пушки. Другой мужчина принял главенство: — Убейте ее!

С потемневшим взглядом, Смерть возвратился в свое укрытие, захватив оставшийся меч.

Он и я, оба были в заднице. Если я побегу, то они расстреляют меня, и высокомерный Смерть не получит меня первым. Если я останусь, то Зубы захватят меня и сделают… хуже.

Слепящие потоки серебра посыпались на колонну. Первый пронзил капот самого большого грузовика; молния вспыхнула, подбрасывая грузовик высоко в воздух. Он резко упал, вращаясь как юла, выбрасывая обугленные тела с каждым оборотом.

Падающие тела. Точно так же, как на Карте Башня, Джоуля.

Еще больше молний полилось дождем, поражая транспортные средства одно за другим. Уничтожая. Волки убивали всех, оставшихся в живых.

Мокрый, разгневанный Оген появился на противоположном берегу. С ужасным воем, он снова пошел в направлении Джоуля.

Джоуль крикнул:

— Прощай, Императрица. Мы не в состоянии убить Жнеца — это на тебе!

Когда он, Габриэль и Тесс ушли со сцены, их позывные стали тише, сменившись воплями расстроенного Огена…

В конце концов, Оген поплелся обратно к Смерти, опустив плечи, признавая поражение, я не смогла удержаться от усмешки. Получил, да? Кроме того мои союзники были вне досягаемости Смерти. Вспомнив об отсутствии знаков, моя улыбка стала шире.

— Ах, тварь, кажется, перед тобой замаячила надежда. — Смерть поднялся на ноги, не в силах подавить гримасу боли, — ну, ты слышала Башню — это на тебе. Давай положим этому конец.

— Это было бы справедливо, босс. Со связанными за спиной руками? Освободи меня и пусть карты покажут расклад.

— Говоря об этом… — он свистнул коню, и красноглазый Танатос тут же подбежал к нему. Из седельной сумки Смерть достал полосу металла, вырезанную из его брони.

Только теперь они выглядела как колючая манжета.

— Моя стратегия игры изменилась, — он шагнул ко мне с грозным выражением лица, — будет лучше, если ты не будешь бороться.

Глава 25

Смерть, черт его возьми, полностью меня нейтрализовал. Пока мы ехали, он правой рукой обхватил мою шею над ключицей, ладонью сжимая плечо.

Металлическое устройство, которое он изготовил, имело название: власяница* — манжета на запястье с шипами, впивающимися в кожу. И поскольку власяница была сделана из того же метала, что и его доспехи, она нейтрализовала мои способности. Смерть ослабляла жизнь, или что-то вроде того.

(* Власяница (англ.: cilice — металлическая власяница) — первоначально одежда или бельё из грубой ткани или шерсти животных, которая носилась близко к коже. Она использовалась в некоторых религиозных традициях, чтобы вызвать дискомфорт или боль в знак покаяния и искупления. Cilice изначально была сделана из мешковины или грубого волоса животных, чтобы раздражала кожу. Вскоре начала изготавливаться и из других материалов, чтобы сделать ее более неудобной, например, из тонкой проволоки или веток. В современных религиозных кругах, это означает любое устройство, которое одевается и носится в тех же целях.)

Жнец одел ее сегодня утром:

— Не считая твои светящиеся символы и быстрое заживление, ты обычная девушка. Единственный способ ее снять — отрезать руку, как ты сделала это с пальцем. Но ты не будешь одна настолько долго, чтобы успеть это сделать.

Этот ублюдок кропотливо вырезал каждый шип, зная, что будет делать со мной, зная, что запихнет в нее мою руку и позволит Огену ее туго сжать.

Я кричала от боли. Через несколько часов моя кожа зажила вокруг зубцов, но они все еще доставляли мне мучения. Теперь нет необходимости меня связывать — я беспомощна.

Состояние на сегодняшний день: силы обезврежены? Полностью. Попытки убить Смерть? Несколько. Успешных попыток? Ни одной.

Арканы злорадствовали:

— Покушение на Смерть не удалось! -

— Императрица по-прежнему его пленница! -

— Пока он не перережет ей горло. -

Отчаяние окутало меня как горечь, как холод. Мы ошиблись. И у нас никогда не будет такой возможности снова. Даже моя радость от того, что рука Смерти чиста, и на ней нет знаков, исчезла. Если мои друзья живы, почему Мэтью не связался со мной? Что если они все еще в ловушке в пещере?

Я пыталась утешить себя осознанием того что приобрела новых игроков для нашего альянса, но меня все равно грызло беспокойство. Пока мне не удастся сбежать, я ничего не смогу сделать, чтобы им помочь. Пока эта манжета на мне.

Я сказала Смерти:

— Я освобожусь от нее.

— Хотя у тебя, вероятно, хватит мужества, чтобы отгрызть собственную руку — от тебя всего можно ожидать — шансов избавиться от власяницы у тебя крайне мало.

Мои зубы застучали. Как обычно он не одел на меня ни пальто, ни сапоги. Но он настоял, чтобы я ехала с ним, чтобы сократить время. Мы, должно быть, приближались к его дому.

— Если ты так веришь в эту манжету, почему держишь меня в холоде? Почему не

отдашь мое пальто?

— Ты думаешь, я сделал это, чтобы ослабить тебя?

— Разве нет?

— Нет, это для нашего удовольствия.

Мудак!

— Ты должна быть благодарна за власяницу, — сказал он, — с ней нет необходимости связывать тебе руки.

— Почему сейчас? Почему ты не одел ее на меня с самого начала?

— Моя броня хорошо мне служила — я предпочитал оставлять это неизменным. Плюс я не ожидал, что ты проживешь так долго.

— Ты, должно быть, очень высоко ценишь эти доспехи. В своем первом бою без них, ты был дважды ранен каннибалами. Готова поспорить, что под всем этим металлом, ты все еще истекаешь кровью, что, несомненно, поднимает мне настроение.

— Я исцелюсь от этих ран, как и от всех остальных.

Я нахмурилась:

— Ты регенерируешь как я?

Я услышала, как он тяжело вздохнул:

— Ты действительно ничего не помнишь обо мне? — его голос звучал почти… обеспокоенным этим обстоятельством.

Мэтью говорил мне, что показал воспоминания о прошлых играх, вместе с неким предохранительным клапаном, чтобы не дать мне увидеть их все сразу. Иначе я могла сойти с ума как он. Таким образом, это было моей страховкой:

— Я думала, что мы ничего не помним, только Дурак и действующий победитель знают о прошлых играх.

— А я думал, что наша борьба окажется незабываемой.

— Все, что я помню — это фрагменты, показанные мне Мэтью. Кроме того, почему я должна говорить тебе, что я помню?

— А почему я должен говорить, как быстро я исцеляюсь?

Туше.

— Прекрасно. Ты первый.

— Я исцеляюсь быстро, но не так, как ты. И у меня остаются шрамы, чтобы они напоминали мне о моих победах.

Таким образом, он имел силу, скорость, навыки и ускоренное исцеление?

— Я помню, как ты нанес мне удар мечом в пустыне, — призналась я. — Я помню, как сильно я хотела жить, но тебя это не волновало. Нет, пока ты не понял, что можешь касаться моей кожи. Ты сказал, что будешь ждать, когда мне станет лучше.

— Дурак больше ничего тебе не показал?

— До того, как ты попытался его убить? Нет.

— Если бы я хотел его убить, он был бы уже мертв.

— Естественно, босс.

— Ты думаешь, что у меня не было возможности заставить твоего смертного бросить бессознательное тело Дурака на глубине? Парень уже был взбешен, спасая женщину, с

которой он… спит. Все, что требовалось, это несколько порезов на твоей симпатичной плоти, или возможно удар по твоей сломанной руке. Он бросил бы Дурака, чтобы помчаться к тебе. Тогда я выпотрошил бы его, даже не посмотрев на тебя. — Отсутствующим тоном он сказал, — я сожалею, что не выпотрошил его.

— Джек, гораздо умнее, чем ты думаешь.

— Я думаю, он хитрый, как животное, но он, под твоим гипнозом. Он, по крайней мере, верил, что за то, что ты дала ему той ночью, стоило умереть.

— Ты отвратительный.

— Я просто констатирую факт.

— Мы с Джеком разделили намного больше, чем просто одну ночь, она стала лишь глазурью на торте.

Хватка Смерти на мне напряглась, как будто он ревновал. Что не имело никакого смысла. Я могла понять его притяжение — так как я была единственной девушкой, которой он мог касаться — но не могла понять его ревность. Не тогда, когда я знала, насколько он меня ненавидел.

— Все думают о тебе, как о ком-то типа матери-земли, — сказал он. — Они понятия не имеют, что ты — роковая женщина, больше чем Афродита, больше чем Деметра.

Бабушка тоже упоминала Деметру.

— Ты использовала смертного, чтобы он охранял тебя, пока ты не познала свои силы. Теперь он вышел из употребления.

— Я не использовала Джека. И мы воссоединимся. Так предназначено судьбой.

Рука Смерти сжалась еще сильнее.

— Не говори мне о судьбе.

— Я ни о чем не буду с тобой говорить, — сказала я ему, решив не говорить больше ничего.

Темнота приходила и уходила, дождь лил не переставая. Мы ехали до поздней ночи.

Так долго я не ездила на лошади со времен езды на старой кляче Аллегре. Джек и я отпустили ее, прежде чем мы сожгли Хэйвен, прежде чем пришла армия Юго-востока. Захватили ли они ее? Съели ее?

В конце концов, я начала клевать носом, ловила себя на том, что дремала на бронированной груди Смерти. Каждый раз я щипала себя за руки, кусала внутреннюю часть щеки, чтобы уменьшить сонливость. Бесполезно. Наконец, я отключилась, не знаю как надолго.

Я проснулась от треска в ушах. Без сомнения, расслабившись, я прижалась спиной к нему. Я выпрямилась в седле и подалась вперед.

Словно рефлекторно рука Смерти сжалась вокруг меня, четырех дюймовые шипы на его перчатке оказались около моей шеи.

— Следи за перчатками, Жнец.

— Они называются латные рукавицы — когда он отпустил меня, он случайно(?) задел мои новую манжету, посылая боль по моей руке.

Я зашипела, глаза заслезились. Но зная, как сильно он наслаждается моими страданиями, я отказывалась показывать ему больше.

Я попыталась определить, где мы, пока брели по узкой каменистой тропе, но дождь и туман были слишком густыми. Все, что я смогла увидеть, это то, что мы были выше ряда деревьев — или того, что раньше было рядом деревьев — и все еще поднимались. Вся земля здесь была бесплодна. Можно держать пари, что растения не росли на этом мрачном

ландшафте даже до Вспышки.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее Смерть, казалось, расслаблялся, а мне становилось холоднее и холоднее. Когда я решила, что это самая высокая гора, на которую я когда-либо взбиралась, дорога расширилась до гравийной дорожки, которая вела к огромным воротам впереди. Каменная стена возвышалась над нами.

— И теперь мы прибыли.

Его логово на вершине горы? Оген протопал вперед, чтобы открыть ворота, и мы проехали через них. Копыта лошадей — и Огена — цокали по мощеному двору. Потрясающий особняк, почти замок, показался в поле зрения. Сквозь туман я увидела несколько этажей и два крыла.

Смерть поднял меня из седла и шлепнул на землю, затем спешился сам. Ларк сделала тоже самое, и Оген увел лошадей прочь.

— Пошли, — велел Смерть, и у меня не было другого выбора, кроме как следовать за ним.

Крепость произвела на меня впечатление. Тем не менее, когда мы приблизились, и я рассмотрела детали, я подумала: «Нет, Финн, это официально самое жуткое место».

Если бы кто-то попросил меня нарисовать, как я представляю самый мрачный в мире особняк, я бы не смогла даже представить, то, что было передо мной. Дом Смерти выглядел таким… Смертельным.

Меньший по размерам, чем Хэйвен, он был построен из серого камня. После Вспышки стены были исполосованы черным. Черепичная крыша была разной высоты и имела башенки, с одной, поднимающейся выше остальных.

Дымоходы вздымались в ночное небо. Ржавые флюгера скрипели. Невидимые затворы стучали, как привидение крышкой гроба. Туман, казалось, попал в ловушку в этом месте, заполняя двор, цепляясь за стены.

Когда мы приблизились, я услышала, звуки животных, которые становились громче и громче. Некоторые из них издавали экзотические животные. Я подскочила, когда услышала рев льва. Где-то на этой горе кишели существа. Учитывая, что Ларк может ими управлять, она может оказаться непобедимой.

Как близко этот зверинец? Все скрыто туманом.

Взглянув вверх, я увидела, что Смерть изучает мою реакцию. Действительно ли ему не все равно, что я думаю о его доме?

Ларк заметила выражение ужаса на моем лице:

— Отель Калифорния, Эви. Ты можешь войти, но никогда не сможешь выйти.

— Она права, — сказал Смерть, — ты никогда не покинешь эту гору живой.

Я махнула рукой:

— Думала твое логово блестящее и черное с руинами из разных веков.

— Руинами?

— Оно выглядит так, словно ты, ну не знаю, собирал его по частям — сказала я, когда мы на несколько шагов приблизились к огромным, покрытым медью передним дверям.

— Тогда ты была у меня в голове. Удивляюсь, почему Дурак дал тебе доступ ко мне.

Ошеломленная я сказала:

— Так вот как это выглядит в твоей голове?

— Объясни мне, почему это должно выглядеть по-другому, — он усмехнулся, — ты

действительно думаешь, что мечты Смерти должны быть цветными?

— Сомневаюсь, что у тебя есть мечты.

— Тебя удивит, если я скажу, что когда-то были? — спросил он странным тоном, словно обвиняя меня.

Прежде чем я успела спросить об этом, мы прошли через передние двери в фойе, со свисающей с высоты люстрой. Он нажал на выключатель на стене, и фойе осветилось, показались кристаллы призм, освещая парадную лестницу. Если экстерьер был отталкивающим, то интерьер — совсем наоборот.

Я выросла в величественном южном особняке. Когда мы прошли глубже в это здание-дворец, я поняла, что по сравнению с ним, Хэйвен выглядит причудливым.

Когда коридор пересекся с еще одним, ведущим в левое крыло, Ларк свернула:

— Увидимся утром, босс. Доброй ночи, Эви.

Я взглянула на нее:

— Надеюсь, ты умрешь прежде, чем проснешься, Ларк.

Она изобразила поддельную дрожь:

— Ой, боюсь. — Она побежала прочь, оставив меня наедине со Смертью.

— Иди за мной.

Коридор, казался бесконечным. Наконец, он остановился, чтобы открыть дубовую дверь. За ней находились витые лестницы.

Мы прошли так много ступеней, что я знала: он ведет меня в ту возвышающуюся башню. Стены лестничной площадки были холодными и сырыми. Я могла только представить какой будет моя камера.

— Старайся не отставать, тварь.

— У меня есть имя.

— Как обычно и бывает.

— А у тебя? — спросила я, — у Огена и Ларк есть имена, но не у тебя?

— Называй меня Смерть. Это все чем я когда-либо буду для тебя.

Двойной смысл фразы не прошел мимо меня.

В верхней части лестницы была площадка с одной дверью. Он отпер и открыл ее, впуская меня внутрь.

В комнате было… прекрасно.

Высокие балки на потолке были выкрашены в белый, делая его выше. Двуспальная кровать была покрыта дорогим малиновым покрывалом. Яркие шторы из того же материала закрывали панорамные окна. На этой высоте ветер бил в окна, швыряя в стекло капли дождя, но комната была уютной и сухой. Плюшевый ковер покрывал каменный пол, и в большом камине уже лежали поленья для огня.

Снова Смерть изучал мою реакцию. Я прошаркала к платяному шкафу из кедра. Его заполняли десятки нарядов? Было похоже, что большинство из них будут мне как раз.

В смежной современной ванной, я нашла новые полотенца и туалетные принадлежности. Неспособная обуздать свое любопытство, в душе я повернула вентиль горячей воды. Почти сразу полилась вода, образуя пар.

Горячий душ? Я не принимала его с тех пор, как мы покинули дом Селены. Как только я ощутила дрожь предвкушения, меня затопила вина. Мои друзья сейчас могли быть пойманы в ловушку в ледяной пещере, а я с нетерпением ждала душа?

И еще, я не доверяла мотивам Смерти, зачем бы ему обеспечивать меня всем этим?

— С чего вдруг такая доброта?

— Чтобы держать тебя на краю. Ты будешь тосковать по этой доброте еще сильнее, когда я тебя ее лишу.

— Ты думаешь, я не смогу убежать? Я могу прыгнуть.

— Если ты каким-то образом спрыгнешь с внешних стен и не разобьешься о склон горы, то столкнешься с миром без своих сил, ты будешь во власти любого, на кого наткнешься. Кроме того, здесь крепкое стекло, с такой мизерной силой ты не сможешь его разбить. Даже Суд столкнулся бы с трудностями, разбивая его, чтобы тебя освободить.

— Ты ожидаешь, что Габриэль попробует?

— Я на это надеюсь.

Мое сердце упало даже до того, как он сказал:

— В любом случае, у тебя будет охрана. — Он сложил губы и пронзительно засвистел. Гигантские лапы, мягко застучали вверх по лестнице.

Снова ты, Циклоп? Раньше я заметила, что он, должно быть, был ранен одним из копий Джоуля; теперь мех волка был, как после химической завивки, как у пуделя.

— Попробуй покинуть территорию, и станешь закуской зверю. — Глаза Смерти блестели, словно он был бы рад, если бы я попробовала.

Хватит.

— Почему ты так сильно меня ненавидишь? Той ночью, когда ты убил Каланте…

— Убил? Это слишком. Они заманили нас в засаду в открытом поле, без укрытия от копий — или от крылатого солдата, такого как Суд.

— Так или иначе, — продолжила я, как будто он ничего не говорил, — когда ты казнил Каланте, ты казался утомленным, как будто это была неизбежная тяжелая работа.

— Возможно, так и было.

— Но не со мной.

— Нет, — сказал он серьезно. — Не с тобой.

Как мы дошли от «в мою постель Императрица» до этого?

— Ты когда-нибудь скажешь мне, почему?

Он повернулся, чтобы уйти.

— Ты будешь мертва прежде, чем я поддамся такому импульсу. — Дверь, захлопнулась позади него со звуком, испугавшим меня.

Нет выхода. Позолоченная клетка. Как сумасшедший дом с привидениями.

Я была заперта в течение многих месяцев в ПШР*. Теперь меня опять лишали свободы. По крайней мере, в клинике, у меня были соседи по комнате, и меня посещала мама. Здесь?

Волк, который смотрел на мои ноги так, будто хотел их отгрызть.

(* ПШР — Последний Шанс Ребенка. Детский Исследовательский Центр, клиника для детей с психическими отклонениями, в которой Эви пробыла лето.)

Глава 26

265 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ
ЛОГОВО СМЕРТИ

— Сумасшедший, как лиса!

Я оторвала голову от подушки, просыпаясь после своей первой ночи у Смерти. Мои глаза были красными от сдерживаемых слез, мышцы болели от напряжения. Я огляделась и увидела Циклопа, лежащего около меня на кровати, от его веса прогнулась деревянная рама. Он моргнул глазом, как бы спрашивая, что я собираюсь делать? Следит.

Я слышала Мэтью или мне это приснилось? Едва смея надеяться, я позвала:

— Мэтью?

— Ты говоришь испуганно, Императрица. -

Я вскочила на ноги.

— Мэтью, это ты?

— Почему кричишь? Внутренний голос… -

Слезы полились из глаз.

— Мэтью, почему ты не отвечал мне? -

— Болела голова. Мне хотелось спать и спать и спать. -

— О Боже, с тобой все в порядке? -

— Джек сказал, что я tkte dure. Больной на голову. Сказал, что валуну досталось больше чем мне. -

У меня пересохло во рту.

— Он в порядке? -

— Все были рады, что я проснулся. И все время возмущались. Джек думает, что я приведу его к тебе. -

— Расскажи мне что случилось. -

В своей запутанной, неестественной манере Мэтью рассказал мне об обвале в пещере. Он описал, как они плавали, когда все обваливалось, уклоняясь от валунов. Копали, чтобы добраться до просвета, прежде чем вода поднимется и отрежет им доступ к воздуху. Цеплялись за скалы, пока не ободрали пальцы до костей.

Я была в ужасе от того, через что им пришлось пройти, но чертовски гордилась ими, и тем, что они выжили. Как они это сделали?

— Финн. Нога исцелилась. Сердце разбито. Ларк обманула обманщика. Луна проиграла. Она не смогла защитить тебя, и не привыкла проигрывать в чем-либо. -

— Мэтью если ты знал, что произойдет в будущем, почему ты позволил этому случиться? -

— Не все плохо, что плохо. Конец игры, конец игры. Мы живы. Иерофант мертв. Ты там, где должна быть. -

Пройти через трудности, чтобы добраться до конечной цели? Это были серьезные трудности. И почему я должна быть здесь. Смерть продолжает угрожать убить меня.

— Эй, он не может больше слышать мои мысли, или может? -

— Я нарушил порядок! Отступник! Он не видит моими глазами. -

— Это насчет твоей сделки в прошлом? Твои долги? -

— Джек орет на меня, чтобы я сказал ему, где ты находишься. Много клянется Христом. Я смотрю на свою руку. -

— Ты сказал ему, что я в порядке? -

— Сказал Джеку, что ты жива. Хорошо в логове Смерти? -

— Да. Но, дорогой, может, ты солжешь и скажешь ему, что я в абсолютной безопасности? -

— Он хочет идти к тебе. -

— Чтобы Смерть мог «выпотрошить» Джека? Ты должен держать его подальше от Жнеца! Ты никогда не покажешь Джеку, как добраться до этого места. Веди его на охоту на дикого гуся, куда угодно, только чтобы оградить его от этого человека. Все, что касается Смерти, я беру на себя. -

— Всегда так и было. -

— Скажи мне как? Ядом? -

— Страсть. -

— Это отвратительно! Как сказал бы Финн, ты проверяешь мои яйца? -

— Ты не сможешь бороться со Смертью своими силами. -

— Гм, это своего рода определение боя. Но Мэтью, он наложил на меня власяницу. Я не могу воспользоваться какой-либо из своих сил. -

— Если он связал твои силы, то твои силы уже работают. -

— Я не понимаю. -

— Он дал тебе власяницу, потому что часть его хочет удержать тебя. Ты карта, которую Смерть жаждет. -

Комната закружилась. Так вот чему эти новые видения Императрицы должны были научить меня! Ранее эти видения подсказывали мне, как использовать мой арсенал; эти — должны были научить меня, как использовать единственную слабость Смерти против него.

Его влечение ко мне. Мэтью говорил, что я буду бороться со Смертью своими силами. Я думала, он имеет в виду какую-то атаку. Но Императрица так же имеет способность манить и очаровывать.

— Ты и другие Арканы ожидают, что я его соблазню. -

Я горько усмехнулась. Завоевать его доверие.

— Какая-то из прошлых Императриц сняла его броню? -

— Ты борешься с ним своими силами. -

И теперь Мэтью считал, что Смерть изменил свой план со мной, планируя какое-то извращенное, захватчик/заложник будущее. Это план, которым я должна была воспользоваться?

По крайней мере, до определенного момента.

Две проблемы. Смерть все еще ненавидит меня. И даже если бы я могла избавиться от собственного отвращения к нему, я влюблена в другого. Как я могу правдоподобно флиртовать с кем-то, если я в заговоре с целью его убить?

Если я одержу над ним победу, первая часть его брони, которую я получу — это снятая с руки манжета. Она по-прежнему заставляет меня испытывать боль, для чего я уверена она и предназначена.

— Мэтью, Смерть меня презирает. Что случилось в нашей прошлой жизни? -

— У вас обоих водопады на картах. -

— Что это значит? Ты еще не видел его со мной. Он жесток и беспощаден. -

— Смерть думает о прикосновениях к тебе. Все время. -

— СТОП! Я не буду говорить об этом с тобой. -

— Ты не уедешь из дома Смерти, пока он не будет доверять тебе. Близость. Соблазнение. Свобода. Это в твоей природе. -

Мэтью исчез от моей головы, оставляя меня более смущенной, чем когда-либо.

В моей природе? Неудивительно, что Смерть назвал меня роковой женщиной. Поскольку я ею и была! Возможно, раньше я сняла с него броню, а затем попыталась погрузить в него свои когти? Это, конечно, могло стать причиной его ненависти ко мне, сильнее, чем к другим Арканам.

Я не могла решить, что было более тревожным: то насколько коварной я была в прошлых жизнях, или то, что я подумываю повторить эту историю. Я пристально посмотрела через окно башенки на темное небо и признала правду. Я сделаю что угодно, чтобы вернуться к своим друзьям. Вернуться к Джеку.

Даже обольщу рыцаря с именем Смерть.

Теперь у меня была цель, и неудача — не вариант.

Глава 27

— Так это будет моя последняя еда? — спросила я Ларк, когда мы спускались по ступеням башни. Она только что открыла мою дверь, и Циклоп поплёлся за нами на завтрак.

Когда она перекинула свои шелковистые черные волосы через плечо, геккон* выглянул из своего укрытия в фиолетовой водолазке.

(*Геккон — вид ящерицы.)

— Если это и так, я не в курсе. — Жаворонок оглядела меня. — Ты не кажешься раздавленной этой новостью.

Теперь, когда я знала, что мои друзья живы, я позволила себе насладиться душем и одеждой. Топы, джинсы, обувь, нижнее белье, ночные рубашки и все моего размера. Я одела белый кашемировый свитер, теплые брюки, сапоги из гладкой мягкой кожи. Пара часов прерывистого сна и я чувствовала себя почти человеком.

— Ты слышала Мэтью, не так ли?

— Почему я должна говорить с тобой об этом, Иуда? — озадаченно спросила я.

Она тряхнула головой, словно я была тупицей:

— Ни у кого из нас нет их знаков, что означает — мы оставили их в живых.

— Откуда ты знаешь, что они, все еще не пойманы там, в ловушке? — спросила я, надеясь вызвать в ней чувство вины. — Или, что они не погибли ужасной смертью за прошлую неделю?

Мне показалось или она побледнела?

Как только мы спустились на первый этаж, Циклоп убежал, а мое внимание сосредоточилось на роскошном интерьере. Я старалась не таращить глаза, когда мы проходили мимо библиотеки полной книг, медиа-центра с тысячами DVD, бильярдной, а также хорошо оборудованного тренажерного зала. Но, когда аромат пищи долетел до нас, мой рот наполнился слюной.

— Бекон?

— Если ты дашь крохотный шанс этому месту, то тебе действительно понравится здесь, — сказала Ларк, ведя меня в столовую.

Внутри сидел Смерть во главе длинного стола, пил кофе и читал выцветшую газету.

Без брони! Он был одет во все черное на пуговицах, кожаные штаны и ботинки. Шлем больше не скрывал его светлые волосы, которые сейчас были растрёпаны, длинной до подбородка, создавая идеальную рамку для его точеного лица.

Если он снимет кожаные штаны и обрежет волосы, он будет похож на обычного красивого парня, дома, среди всего этого богатства. Как наследник состояния. Голубая кровь.

И все же, моим первым импульсом было нанести ему удар столовым ножом. Но я знала, что он был слишком быстр для меня, и я не смогу его даже задеть.

Не глядя, он сказал:

— В своем собственном доме я хожу без брони, тварь. Тем более что здесь нет угроз, с которыми нужно бороться. — Высокомерие исходило от него волнами, уязвляя меня. Он был захватчиком. Тюремщиком. Победитель над поверженным противником.

По крайней мере, я должна была дать ему пощечину, моя миссия, казалось, все отдалялась и отдалялась.

Игнорируя меня, он перевернул страницу. Почему он интересуется старыми новостями?

— Читаешь старые газеты, Смерть? Как и следовало ожидать, от ретро вроде тебя.

Ларк сказала:

— Он читает все. Он уже выучил наизусть все книги здесь… — Она затихла под его негодующим взглядом.

Я отметила этот холодный обмен. Информация для запоминания. Пришло время воздержаться от желчи и пообщаться с Ларк.

Когда она подошла к буфету, на котором стояли парящие серебряные кастрюли, я пошла следом, чтобы найти яичницу, французский тост, и, да, бекон. Я взяла кувшин рядом с кофейником. Свежие сливки. У них есть молочная корова?

— Это — настоящее расточительство.

— Мы здесь не без запасов, — сказал Смерть из-за своей газеты. — У нас есть роскошь — и средства, чтобы ее защитить.

— Это Оген готовил еду? — Я взяла тарелку. Тонкий фарфор. Только лучшее.

Ларк наколола французский тост на вилку.

— Не совсем. У нас есть человек-слуга. Ты никогда не увидишь его, если только не пойдешь его искать.

Я повернулась к Смерти.

— Тогда, где El Diablo? Если он сидит на колене Люцифера, разве он не должен быть правой рукой Смерти?

— Он живет в доме для охраны, — пробормотала Ларк. — Не допускается в поместье.

Я послала Смерти сочувствующий взгляд.

— Крушащий дом великан — такая заноза в заднице, я права?

Наконец он поднял глаза, пронзив меня своим странным янтарным взглядом.

— По твоему поведению я могу предположить, что с тобой связался Дурак. Возможно, все в твоем союзе выжили?

— Все до единого.

Тарелка Ларк упала, разбившись. Циклоп бросился вперед к остаткам еды и осколкам фарфора. Хрусть, хрусть.

— Прости, босс, — сказала, Ларк. — Я все еще уставшая после поездки.

Это было интересно.

— Финн жив, — сказала я, наблюдая за выражением ее лица. — Его нога зажила.

Она пожала плечами, но я видела в ее глазах облегчение. Таким образом, чувства были взаимными. Тогда, почему Ларк предала парня, который ей не безразличен? Возможно, Смерть заставил ее.

Я возвратилась к еде. На последнем сервировочном блюде были фрукты: дыня, ананас, земляника. Когда я ощутила энергию и потенциал в их крошечных семенах, моя голова повернулась к Смерти.

— Они свежие.

— Как я сказал, у нас есть роскошь. Мой дом посрамит любой другой.

Боже, какое самодовольство!

— Топливные генераторы для освещения? Проточная вода? Большое дело. В доме Селены было больше электричества, чем у Джоуля — и плавательный бассейн. Я полагаю, у тебя его нет?

Он небрежно махнул рукой.

— Фауна покажет тебе его позже.

У них был долбанный бассейн.

— Как ты выращиваешь продукты? Где сад? Он не может быть снаружи. — Я сузила глаза. — Ты используешь внутренние ультрафиолетовые лампы? — Держу пари, что ультрафиолетовая лампа могла встряхнуть мои силы, которые были мне необходимы чтобы «отгрызть собственную руку». Которая была мне необходима, чтобы соблазнить этого тщеславного мужчину.

— Достаточно сказать, что мы не используем кровь Императрицы.

— Покажи мне сад.

Он одарил меня недоверчивым взглядом.

— Никогда. Все, что ты должна знать, это то, что мы подготовлены, чтобы пережить любой апокалипсис с комфортом.

— Пока ты не убьешь нас всех.

Он склонил свою голову.

— Как я всегда делаю.

Я пристально посмотрела на Ларк. Ее это не волнует? Без слов она направилась в противоположный конец стола и уставилась в свою тарелку.

Обдумывая теорию Мэтью — близость, соблазнение, свобода — я села напротив Жнеца. Он опустил свою газету, чтобы хмуро на меня посмотреть.

Пока мы были в пути, он пах дождем и сталью. Теперь я почувствовала его настоящий запах: мужской, с нотками сандалового дерева и сосны.

Который казался божественным для такой девушки как я.

— Чего ты хочешь?

От его вопроса я моргнула, приходя в себя, вспоминая, почему я здесь, вспоминая, что я ненавидела этого человека.

— Чей это символ? — Я указала на маленький знак на его правой руке. Знак Каланте был похож на маленькие весы. — Кого еще ты убил? Я предполагаю, что это должна быть Злоба.

— Ты не узнаешь его? Ты помнишь еще меньше, чем я думал.

— Разве ты не знаешь точно, что я помню, ты мог читать мои мысли в течение многих недель?

— Я мог. Однако это не означает, что я хотел копаться в твоих мыслях каждую секунду. У меня была игра, чтобы играть, и я не смог бы вынести столько банальных и нудных размышлений.

Я не знаю почему, но это оскорбление задело меня сильнее, чем любое другое. Обмениваться колкостями об убийстве друг друга это было одно, но это… Очевидно, умный бессмертный побывав в моей голове, узнал мои недостатки. Тогда я напомнила себе, что мне наплевать, что думает обо мне этот серийный убийца.

— Так как же это будет? Заключение меня в тюрьму?

— В течение дня, ты будешь иметь свободу передвижения — со своей охраной, конечно. Некоторые части поместья для тебя закрыты. Фауна покажет тебе какие. Ты должна уважать мою частную жизнь.

— Частную жизнь? Это предупреждение? Имеет ли твое заявление, какое-либо отношение к тому факту, что я почти прихлопнула весь ваш альянс на дороге? — Когда я откусила идеальный хрустящий кусочек бекона, и не смогла сдержать стон, он странно на меня посмотрел.

Попробовав яичницу, я поняла, что яйца также были свежими. Таким образом, кроме молочной коровы и свиней, у них были еще и куры?

— Эта манжета делает тебя не опасной, самой слабой из Арканов, — сказал он. — Кроме того, я не делаю заявлений. Я отдаю приказы. Если ты будешь им следовать, то сможешь чуть дольше удержать свою голову на плечах.

— Не убьешь меня сегодня?

Он убрал свою газету, рассматривая меня.

— Пока нет, тварь.

— Не то, чтобы я жаловалась, но почему ты это откладываешь?

— В настоящее время, у меня недостаточно информации, чтобы принять решение.

Моя мама раньше так говорила, отказывалась принимать какое-либо решение, пока она не была готова. «Никто не может заставить тебя выбрать что-либо прежде, чем ты будешь готова. Никто, Эви». Я предположила, что решение Смерти состояло в том, чтобы «приберечь меня».

— И конечно, — продолжил он, — мне очень нравится мучить тебя предстоящей казнью.

Или нет.

— Как, насчет того, чтобы вообще меня не убивать? Если ты освободишь меня сейчас, я могла бы рассмотреть возможность перемирия.

— Что предполагает доверие. Пойми меня, Императрица, я слышу твой позывной. Я знаю, что ты не разбрасываешься словами.

— Твоя потеря. — Я откусила еще кусочек бекона.

— Ты действительно полагаешь, что твой план будет работать? Странно, ты не была такой наивной ни в одной из других жизней.

— Мое перемирие уже доказало свою эффективность. Джоуль и его команда могли бы убить меня, но вместо этого они за мной приглядывают.

Он усмехнулся.

— Ты и этот мальчик, вступили в союз? Знаешь ли ты, что одним из первых изображений карты Башня было изображение молнии, ударяющей дерево? Не в башню. Хмм, с чего бы это, как ты думаешь?

Я этого не знала.

— Увлекательно. Но если у Джоуля и меня в прошлом были разногласия, то они закончились. Ты говорил, что история повторяется — я не верю, что это обязательно так.

Другой озадаченный взгляд.

— Разве нет?

— Не-а. Что значит, что у меня есть крепкий союз с семью Арканами, повернутыми на том, чтобы убить тебя.

Он вздохнул.

— Твой «крепкий союз» предаст, как только в нем отпадет необходимость. Они всегда так делают.

— Я уже говорила тебе, что необходимость не отпадет. Поскольку я собираюсь остановить игру. Я никогда не соглашалась на нее. Не хочу участвовать в убийствах.

Смерть пристально на меня посмотрел, что интенсивно начинало меня нервировать.

— Ты решила это до или после Алхимика? Возможно после того, как ты отравила не имеющего конечностей пленника каннибалов? Скажи мне, ты уже знала, что отравишь его труп, когда вызвалась убить его?

Я положила свою вилку, бросила салфетку на тарелку.

— Его звали Тэд. И нет, я никогда не думала использовать его тело после его смерти. Я просто хотела прекратить его страдания.

— Не говори мне, что на сей раз, ты обладаешь сочувствием. — Он казался удивленным. — Ты думаешь, что другие карты думают также? Ты веришь, что Любовники будут соблюдать твое перемирие?

Их силами были искушение и управление сознанием других. Что говорила бабушка? «Герцог и Герцогиня могут управлять любым, кто любит, ломая чувства, извращая их. Боль становится удовольствием…»

Хорошо, возможно, нам придется убить также и Любовников.

— У них есть армия, — продолжал Смерть, — самая большая за всю историю игры. Значительно больше, чем армия каннибалов Жреца. Сейчас они едут на север, к нам.

— Отлично. Тогда все говорит о том, что ты, наконец, проиграешь. Даже ты не сможешь победить армию, ха? — тут я нахмурилась. — Что за армия?

— Одна из тех, что тебе знакомы. Армия Юго-востока.

У меня во рту пересохло. Винсент и Вайолет, близнецы генерала Миловничи были Герцогом и Герцогиней, Самыми Извращенными?

— Близнецы не преклонятся так легко, как ты думаешь, — сказал Смерть. — Они привели тысячи людей к твоему дому, только для того, чтобы захватить тебя.

«Армия мелет, вращая ветряные мельницы». — Слова Мэтью, и теперь я поняла их. Хейвен, куда шла армия, был оборудован насосами и ветряной мельницей. Своим собственным способом Мэтью предупреждал меня о Любовниках.

Смерть сцепил свои пальцы. Такой снисходительный, жест короля-в-замке.

— Прежде, чем лишить тебя головы, они намеревались помучить тебя своими… изобретениями. — Сухим тоном он добавил, — мне говорили, быть захваченным Любовниками — судьба, страшнее Смерти.

Они были теми, кто замучил Клотиль, сестру Джека. Я сглотнула. Она на себе испытала их изобретения? О, Боже, бедная девочка. Джек никогда не должен узнать об этом!

— Эти двое жаждут боли. — Смерть поднялся, глядя на меня. — Ты действительно думаешь, что они откажутся от игры, где такое её изобилие? — С этими словами он ушел, его шаги эхом разносились по коридору.

Глава 28

— Что, черт возьми, это было? — Потребовала я. Ужасный рев только что прозвучал по всей усадьбе.

Исследовав кухню, домашний кинозал, и, да, бассейн, после завтрака, Ларк и я решили сходить к огромному сараю, до отказа заполненному ее свободно разгуливающим зверинцем. Хищники и травоядные, толкались вместе, повинуясь ее командам, игнорируя пищевую цепь и хорошо ладили.

Во время рева, Ларк подошла и присела к застывшей на месте львице. Даже Циклоп пригнулся, его спутанный мех дрожал. Не обращая ни на что внимания, мимо проковылял Комодский дракон*, с высунутым языком.

(* Имеется в виду Комодский варан — самая крупная ящерица мировой фауныgraph-definition>

фауны

из существующих ныне).

— Скажи мне, что происходит!

Шепотом, Ларк сказала:

— Оген. Он злится из-за чего-то.

— Но это звучит в тысячу раз хуже, чем я слышала до этого, хуже, чем даже во время битвы.

Она пожала плечами:

— Послушай, мы можем совершить большой тур в другой раз. У него припадок.

— И часто они у него?

— Существует тысяча дат, которые являются священными для него, ежегодные Шабаши. И не такие крутые, как Шабаши виккан*. Эти темные. Я стараюсь следить за ними, но я не была с ним целый год, чтобы знать их все. Итог: иногда он жаждет… подношения.

(*Викка (англ. graph-definition>

англ.

Wicca) — западнаяgraph-definition>

западная

неоязыческаяgraph-definition>

неоязыческая

религияgraph-definition>

религия

, основанная на почитании природыgraph-definition>

природы

Она стала популярна в 1954 годуgraph-definition>

1954 году

благодаря Джеральду Гарднеруgraph-definition>

Джеральду Гарднеру

, английскому государственному служащему в отставке, который в то время называл эту религию — колдовствоgraph-definition>

колдовство

(англ. graph-definition>

англ.

Witchcraft). По мнению последователей, корни викки уходят вглубь веков, в доисторические культы Матери-Земли и Великой Богини. К другим особенностям викки относят: применение ритуальной магии, свободные нормы морали и празднование восьми, соответствующих Колесу Годаgraph-definition>

Колесу Года

, праздников.)

— Он хочет причинить мне боль? — спросила я.

— Смерть приказал ему, не причинять боль никому.

— И Оген следует его приказам?

Понизив голос Ларк сказала:

— Есть причина, почему рога Дьявола продолжают менять длину. Всякий раз, когда Оген не повинуется ему, Смерть укорачивает их на дюйм. Однажды, когда не останется, что укорачивать, Оген будет казнен. Это — их соглашение.

Как мерзко.

— Почему Оген согласился на эту сделку?

— Когда он был на острие меча у Смерти, тот предложил Огену сохранить жизнь на какое-то время — на нескольких условиях, конечно.

Я услышала, как высокие ворота застонали, открываясь, затем хлопнули закрываясь.

С облегчением выдохнув, Ларк поправила свою шляпу и встала.

— Он за территорией.

— Почему ты осталась здесь — с ним? Подожди секунду, я знаю, что здесь происходит. Смерть держит этих животных заложниками, принуждая тебя работать на него.

— Он не такой, по крайней мере, не со мной. Мы объединились, потому что мой папа управлял этим зверинцем для него. По крайней мере, управлял, пока не отправился в какое-то перспективное приобретение, и не погиб во время Вспышки.

— Так что, если не Смерть дергал за ниточки, то ты сама закрутила эту историю с нами?

— Я никогда не говорила, что он не дергал за ниточки. Он делает это, часто. — Когда павлин устремился к ней, Ларк провела пальцами по кончикам перьев на его хвосте. — Между прочим, после того, как я встретила тебя с ребятами, я сказала ему, что не могу следовать плану, если вы все умрете.

Это было неожиданно, немного успокаивая мою ненависть к ней.

— Позволь мне угадать — он уверил тебя, что с нами все будет прекрасно?

Она подняла подбородок.

— Если ты вспомнишь, я была той, кто заставил Смерть пощадить тебя в начале. И затем спасла тебя от утопления.

— Я не нуждалась бы в помощи, если бы ты сначала нас не предала! Я не могу поверить, что встала на твою сторону против Селены. В отличие от меня и Финна, у нее с самого начала были сомнения по поводу тебя! — Когда мой голос поднялся выше, большинство зверей приблизилось, чтобы окружить Ларк, охраняя ее.

— Ты не сможешь заставить меня чувствовать себя виноватой в том, что я сделала.

— Финн влюбился в тебя, но теперь он знает о том, что ты сделала. — Вторая девушка,

скрывшая свой истинный характер от него. — Ты сломала его, Ларк. Не так уж много светлого осталось в мире, но он был ярким пятном. Возможно, он выжил, но ты по-прежнему его гасишь.

Намек на какую-то эмоцию мелькнул на ее лице, затем исчез.

— Небольшая цена за жизнь, которая есть у меня здесь. Каждую ночь я смотрю новый фильм, в то время как мои волки дремлют перед горящим огнем. В любое время я могу спуститься вниз на кухню, сделать себе жареный сыр и съесть его со свежим молоком. Нет каннибалов или Бэгменов, чтобы меня съесть, нет ополчения, которое насиловало бы меня, нет работорговцев, нет чумы. — Она дернула подбородком в сторону домика Огена. — Ты знакома с Дьяволом, детка.

— Ты не просто так рассказала мне это? Я ненавижу тебя. — Я потерла переносицу. — Ты упомянула много доводов «за» проживание здесь. Что относительно доводов «против»? У тебя нет свободы выбора и нет будущего. Смерть убьет тебя, в конце концов.

— Ну, тогда, я не собираюсь тратить впустую драгоценные минуты, споря с тобой. Я устала от того, что ты заставляешь меня плохо себя чувствовать. — Обнажив небольшие клыки, она приблизилась ко мне, почти лицом к лицу. — Что бы там ни было мы живем сейчас вместе. Так что, ты просто должна втащить свои чемоданы в эту чертову дверь*.

(*Втащить свои чемоданы в эту чертову дверь — фразеологизм, означает смириться с ситуацией, принять ее.)

— А то что? — я сократила расстояние между нами, чтобы смотреть на нее сверху вниз, что довольно сложно, поскольку мы приблизительно одного роста, — что ты можешь мне сделать?

— Точно, не… ой.

В ноге вспыхнула боль. Взглянув вниз, я заметила два прокола на брюках и уползающую кобру.

— Фу, мерзость! — Я, вздрогнув, отпрянула в сторону. — Ты заставила её, меня укусить? Неприятно тебе об этом говорить, но я невосприимчива к ядам, и к змеиным вероятно тоже… ой. Еще одна кобра ухватила меня за другую ногу.

— Черт возьми, Ларк.

Она засмеялась:

— Остынь, нечистая. Это были сухие укусы. Неядовитые.

Я сузила глаза:

— В один прекрасный день, я верну долг. Вспомнишь это, когда тебя, как мумию, спеленает виноградная лоза.

— Приму к сведенью. А теперь пошли. Нам еще многое предстоит увидеть, — она открыла ворота, — признай, это место — офигительно. Один стальной магнат построил его для своей жены в двадцатых, но она умерла при загадочных обстоятельствах. Возможно, здесь даже обитают призраки! Во время холодной войны, была проведена реконструкция, таким образом, подвальный этаж является чем-то вроде бункера, побольше чем Ангар 13*.

(* Ангар 13 — распространенное в Америке выражение, означающее секретную лабораторию, место, где якобы исследуют инопланетян.)

— Смерть жил здесь до Вспышки, готовил все это? — должно быть, неплохо иметь время на подготовку. — Он знал, что это случится?

— Это не обязательно должна была быть Вспышка. Он просто знал, что начало игры всегда сопровождается какой-либо катастрофой, — сказала она с гордостью, — Босс был мега-богат и убежище предназначалось на случай конца света — готовое к чему угодно, от снежного Армагеддона до Великого Потопа. А мы-то с отцом считали его просто чокнутым миллиардером.

— Тогда в Ангаре 13 вы содержите сад?

Ларк поспешно ответила:

— Нет!

Я одарила ее натянутой улыбкой:

— Это просто вопрос времени. Что ж, если ты так долго была со Жнецом, почему тебя не было в той самой первой битве против Джоуля, Габриэля и Каланте?

— Смерть и Оген планировали только проверить поставки питания, а у меня жеребилась кобыла. Разведение — мой главный приоритет. Видишь ли, Смерть не ставит животных надо мной, но я не глупа. Где я еще найду сотни тонн сена?

У ворот я оглянулась. Насколько я знала, это было самое большое скопление животных, оставшееся на Земле. Ларк о них заботилась, повышала их численность. И против моей воли, градус моей ненависти к ней снизился.

После того, как она закрыла за нами ворота, мы спустились по извилистой мощеной дорожке к спортплощадке. Смерть тоже был тут, без рубашки, под дождем, он упражнялся со своими мечами. Казалось, я никогда не привыкну видеть такую скорость и мощь. Его кожа была влажной, и татуировки сжимались, когда он напрягал грудные мышцы.

Что означают эти символы? Почему он нанес их на себя? Хотя его подстрелили только вчера, он не взял передышки, работал, несмотря на наложенные швы, и было очевидно, что повышенная способность к исцелению действует.

— Ты ухаживаешь за его ранениями? — спросила я Ларк.

Она покачала головой.

— Человек-слуга, о котором я рассказывала тебе, перед Вспышкой он учился в Неотложной Медицинской Помощи в США.

Когда Смерть особенно ожесточенно ударил тренировочный столб, она выдохнула:

— Разве ты не думаешь, что за ним удивительно наблюдать?

Я так не думала. Кислым тоном я сказала:

— Удивительно? Может как за торнадо.

И это был человек, которого я должна была соблазнить?

В вопросах, касающихся парней, я всегда обращалась к моей лучшей подруге Мэл. Я могла предположить, что бы она сделала в этой ситуации: строила бы ему глазки, язвительно замечая:

— Это грязная работа, сучки, но кто-то должен ее сделать.

Ларк сказала:

— Его окружает такая я-владею-всем-миром атмосфера. Признай, это сексуально.

— Не когда я — одна из вещей, которыми он владеет. И в отличие от тебя мне не нравится смотреть, как он совершенствует свое мастерство. Как ты обходишь тот факт, что он собирается убить тебя?

Она поправила шляпу:

— Босс сказал, что позволит мне прожить половину десятилетия в безопасности, ясно? В годы после Вспышки это целая жизнь.

— Этого никогда не случится. Он намерен выиграть эту игру и играть в будущем, так? — на ее растерянный взгляд, я сказала, — мы стареем только, пока идет игра. Ему века. Твоя половина десятилетия приблизит его возраст к тридцати, к следующему раунду. А это игра для подростков. — Полные уверенности, мои слова должны были обеспокоить ее:

— Поверь мне, он убьет нас как можно скорее.

— Пока ты что-то не сделаешь, так?

— Бинго. Хочешь, чтобы я тебя простила? Заслужи. Принеси мне расписание Смерти, план поместья и карту горы. Сразу после того, как покажешь мне сад.

— Да ну, неужели? — ухмыльнулась она, словно мы ввязывались в новое веселое приключение.

— Запомни мои слова, Ларк. Ты сделаешь это сегодня…

Глава 29

272 ДЕНЬ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Прошла неделя, и Ларк точно напрашивалась на дерьмо. Всякий раз, когда я требовала ответов, она просто хихикала, говоря мне:

— Иди на запах роз.

По крайней мере, она оставляла мою камеру незапертой, не то, чтобы я могла угробить своего непоколебимого охранника.

Сегодня утром я меряла шагами свою башню, Циклоп храпел под дверью. Семь дней впустую, и я не приблизилась ни к побегу, ни к выводу из игры Смерти.

От Мэтью было мало толку. Каждый раз во время своих ежедневных сеансов связи он рассказывал, как отчаянно Джек искал меня, как сильно он страдал, из-за того, что не может спасти меня от Смерти. Эти рассказы сводили меня с ума от желания вернуться к Джеку. Я волновалась о них, обо всех.

Если мой единственный шанс против Жнеца — обольстить его, когда он доверится мне, я была более чем готова играть соблазнительницу.

К сожалению, я редко была с ним. Чаще всего он либо тренировался во дворе, либо уединялся в своих «запретных» комнатах. Смерть всегда появлялся только на завтрак, но, как правило, был погружен в свои газеты.

Я задавала ему вопросы — о погоде, о его доме, о том, что его беспокоит, о любимой еде, обо всем — но он игнорировал меня как надоедливую муху.

В моем присутствии он не проявлял интереса. Тем не менее, я постоянно чувствовала на себе его взгляд. Каждый день я бродила снаружи, и однажды, обернувшись, увидела, как он смотрит на меня из арочных окон своих комнат. А сегодня утром, когда я стояла у буфета и почувствовала его проницательный взгляд на себе, я украдкой оглянулась через плечо, и поймала его взгляд над газетой — его руки сжались в кулаки…

Я остановилась и села у окна башни. Отсюда открывался вид на все поместье, в том числе на тренировочную площадку, где Смерть каждый день тренировался. Он никогда не надевал доспехи, обычно даже с рубашкой не заморачивался. И это понятно — раздобыть одежду становилось все труднее и труднее.

Он был там и прямо сейчас, тренировался со своим конем Танатосом, поражая движущуюся цель: щит, установленный на вращающемся креплении, перемещающийся на ветру. Даже на максимальной скорости, Смерть поражал его каждый раз.

Хотя порывы ветра растрепали его волосы он, казалось, не обращал внимания на холод и дождь. Грязь забрызгала руны на его голой груди, как будто он только что дрался. Даже с новыми шрамами Смерть выглядел захватывающе.

Во время тренировки я поняла, что его точные движения и заложенная в нем напористость действуют на меня успокаивающе, веки отяжелели, как будто я чувствовала… удовлетворение. Как будто я находилась именно там, где и должна была. И это выбивало меня из колеи. Чувствовать удовлетворение в логове убийцы? Того, кто и меня планирует убить?

Если я не доберусь до него первой.

— Императрица? Ты проснулась? -

— Да. Мэтью расскажи мне хорошие новости. -

— Снег еще не идет. -

— Замечательно. Джеку стало лучше? -

— Нет. -

Я зажмурилась. Настолько насколько я ненавидела мысль о страданиях Джека, настолько я знала, что мы не можем быть вместе, пока я не добьюсь успеха здесь.

— Ты удерживаешь его, чтобы он не шел следом за мной? -

— Ты в моих глазах. — Мэтью показал мне видение в живом времени. Через его взгляд я увидела интерьер захудалого дома, увидела Джека в нем.

Боже, как я скучала по нему!

Выражение его лица было диким, он ударил кулаком по оштукатуренной стене, а затем развернувшись, перевернув стол со сложенными на нем картами. Даже через видение я могла чувствовать его отчаянье, и отдала бы все, чтобы облегчить его.

Он рванулся к Мэтью.

— Ты знаешь, где она соо-уфn! — заорал он на мальчика, — и не говори, что нет. Ты найдешь ее как в Реквиеме.

Мэтью повернул голову, чтобы показать мне Селену и Финна сидящих молча, как будто они ждали подобного взрыва.

Словно привыкли к ним.

Я заметила, что Джек не пил и это отклонение от его нормального поведения обеспокоило меня сильнее, чем все, что я видела.

Он вцепился пальцами в волосы:

— Почему ты не хочешь помочь мне, мальчик? Я обещал ma fille, что приду за ней. — Моя девочка. Когда его серые глаза увлажнились, мое сердце дрогнуло.

— Какого черта он с ней делает?

— Мэтью, ты не сказал ему, что я в безопасности! Сделай это сейчас! -

— Не хочу лгать. -

Новое беспокойство добавилось к куче других. Но сейчас все, о чем я могла думать — это о Джеке.

Хриплым голосом, он спросил Мэтью:

— Этот ублюдок… причинил ей боль?

— Скажи ему, что я в порядке, когда кончится буря я сбегу! Скажи ему, что я встречусь с ним в течение нескольких недель. Пожалуйста, пожалуйста, не заставляй его так страдать. -

Джек выглядел так, словно сойдет с ума, если это продлится дольше. Что делало мою задачу справиться со Смертью еще более актуальной.

— Мэтью, пожалуйста, прошу тебя, помоги Джеку. -

— Тогда у него будет соблазн выбить твое местоположение из меня. Но ты просила его охранять меня. -

— Я думала, ты не можешь прочитать Ди-ви-о. -

— Не нужно быть Дураком, чтобы это предвидеть. Джек Дево ведет переговоры кулаками. -

— Звучит, будто ты восхищен. -

— Джек… непредсказуем. -

— Непредсказуем? Это ещё слабо сказано. Я даже не представляю, что случиться, если Джека прижать к стене. -

А так оно и было. Его уже прижали, а значит и меня тоже.

— Займись Жнецом, Императрица. -

— Он ненавидит меня. Я даже в одном помещении редко с ним бываю. -

Пару дней назад мне осточертели мои ограничения — быть пленницей, скучать по Джеку и Мэтью, даже по Финну с Селеной. Я была сыта по горло всем этим. Вокруг царила роскошь, во всех смыслах этого слова, но никто здесь не смеялся, не разговаривал, не шутил. Это место напоминало гигантскую гробницу. Подходящее сравнение.

Так что я проигнорировала угрозы Смерти и страшные предупреждения не лезть в его частную жизнь, и отправилась вниз, ругаться с ним. Или соблазнять. Разницы я не вижу.

Прежде чем я смогла добраться до запретных комнат, Циклоп стал кусать меня за пятки и держал до тех пор, пока я не сдалась.

— Отзови своего волка. — Сказала я Ларк позже.

— А то что, украдешь нож для чистки овощей и отрежешь руку, чтобы снять манжету? Дай-ка я на это посмотрю. Кроме того, волк здесь не только как тюремщик.

— Еще и потому, что мне нужна защита от Огена? — у него случился еще один припадок в середине недели.

— Думаешь, тебе это не нужно…?

— Смерть хочет Жизнь, — сказал Мэтью. — Сближение, соблазнение, свобода. -

В это мгновение я увидела Смерть, ведущего коня в конюшню. Он будет в поместье через минуту.

— Делай, как я сказала, Мэтью! -

Я сбежала вниз по ступеням, пробежала по длинному коридору, и ворвалась в большую комнату. Циклоп трусил позади меня.

Я все еще задыхалась после бега, когда вошел Смерть — высокий, накачанный, потрясающий. Он вытерся полотенцем, играя мускулами торса. Сердито нахмурился, увидев меня, а затем, ушел в свою комнату.

Не боясь, и следуя за ним шаг за шагом, я спросила:

— Сегодня ты меня убьёшь?

— Пока нет, тварь.

— Как ты, наверное, уже понял, скука гонится за мной с косой.

Мне показалось, или уголок его губ изогнулся в усмешке? Смерть почти улыбнулся?

— Мне все еще не хватает информации, чтобы принять решение.

— Чем, ты думал, я буду заниматься целыми днями?

— Пользуйся библиотекой, — сказал он, выгнув бровь, — расширяй кругозор. Научись разговаривать на языке жестов для глухонемых.

Его ироничный ответ был неожиданным. Мне показалось, что это было чем-то вроде… поддразнивания. От Смерти. Но потом я вспомнила его замечание о моем «банальном и нудном» образе мышления. А ведь он действительно считал меня недалекой.

— Я, между прочим, всю жизнь была круглой отличницей.

По крайней мере, пока видения Мэтью интеллектуально меня не искалечили.

Смерть наградил меня насмешливой улыбкой:

— Всю твою жизнь? И сколько же тебе, маленькая девочка? Пятнадцать?

Я ответила:

— Шестнадцать. — Боже, как же он действовал мне на нервы! — Зачем ты постоянно тренируешься? Не похоже, что тебе нужно совершенствоваться, чтобы убивать.

Он остановился передо мной:

— Возможно, это отвлекает меня от мыслей о других вещах. — И он окинул меня пристальным взглядом.

Флирт?!

Мне непривычно было увидеть его с такой стороны, и я спросила:

— А почему ты не хочешь думать об этом?

— О, теперь в ход пошло обольщение. Точно по расписанию. Ты ничего не можешь поделать со своей сущностью.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он двинулся вперед:

— Я буду настороже, что означает, я приму ответные меры, если ты снова приблизишься ко мне.

— Почему ты сторонишься меня? Мэтью говорил мне, что ты думал о том, чтобы держать меня… поблизости. Возможно, ты всегда планировал это. Когда ты получил это поместье, ты подготовил эту комнату в башне специально для меня, не так ли?

— Ты не долгосрочное приобретение, уверяю тебя.

Ужасно. Этот человек мог прокрасться в мою спальню в любое время, когда ему захочется, и обезглавить меня. Прежде, я беспокоилась только о Джеке и Мэтью. Теперь я боялась и за свою собственную жизнь.

— Тогда, почему ты позволил мне жить так долго? Почему, вообще, возишься со мной?

— Пойми меня, тварь, я никогда не прекращаю играть в игру. Держать тебя здесь это — стратегия. Ты, так сказать, джокер. Пока Императрица жива, другие Арканы думают, что у них есть шанс победить меня. Они становятся более смелыми. — Он улыбнулся, что вызывало тревогу. — Мне нравится, когда они смелые.

— Какое это имеет значение? — спросила я, когда мы миновали спортзал. Ларк повернулась и с любопытством посмотрела на нас.

— После твоей смерти, многие рассеялись бы по земле. Они полагали бы — и справедливо — что не справятся со мной. Что делает мою работу намного более трудной. Я наслаждаюсь удобствами своего дома; я не хочу покидать его, отнюдь нет. И при этом я не хочу, чтобы эта игра тянулась дольше, чем необходимо. Если повезет, некоторые Арканы могут даже сунуться сюда, чтобы попытаться спасти тебя, мою Принцессу яда в башне. Мою предполагаемую единственную, слабость.

Остерегайтесь приманок. Теперь я была одной из них.

— Предполагаемую?

— У меня нет слабостей. Знай, что, когда ты сослужишь моей цели, ты будешь убита точно так же, как все остальные.

Да, приводит в уныние.

— Таким образом, согласно твоему ходу мыслей, ты продержишь меня здесь, пока там есть карты?

— Разве только, ты здесь не приживешься. Как и я говорил, я наслаждаюсь удобствами своего дома. Это — мое убежище. Сделаешь что-нибудь, чтобы это изменить, и ты умрешь, не успев даже вдохнуть. Иными словами, меня интересует, сможешь ли ты продержаться отведенное тебе здесь время, не создавая проблем?

Я удивленно подняла брови:

— Не создавая проблем?

Он резко ответил:

— Например, не вторгаясь в мое личное пространство.

Мы остановились у двери кабинета. Я проследовала за ним, до его апартаментов? И теперь он заточит себя в своем кабинете до завтра, еще один потерянный день. Вспомнив муку в глазах Джека, я дотронулась до руки Смерти, говоря:

— Если я — не твоя слабость, тогда почему ты все время меня избегаешь?

Угроза читалась в каждой линии его тела, Жнец схватил меня за запястье, чтобы убрать мою руку. Но потом, он пристально посмотрел вниз, туда, где соприкасалась наша кожа, его взгляд стал как у наркомана, получившего дозу. Янтарь в его глазах превратился в звездное золото. Грубым голосом он сказал:

— Я тебя предупредил, Императрица. — Мне показалось, что его рука задрожала, и он отпустил меня.

— Все боятся Прикосновения Смерти, — пробормотала я, — и все же ты, кажется, боишься моего.

Он послал мне испепеляющий взгляд:

— Я не прикасаюсь к гадюкам без нужды.

Ненавижу его!

— Ты просто восхищаешься ими издалека? Обезвреживаешь их? — Я указала на свою манжету.

Он не отрицал этого.

— Только так ты можешь позволить им ползать по твоему дому…

Глава 30

ДЕНЬ 274 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Оген внутри поместья.

В полночь голод выгнал меня — вместе с моей тенью Циклопом — из кровати. Я не получала известий от Мэтью в течение двух дней, и беспокойство убивало мой аппетит. Но тогда я напомнила себе, что должна оставаться сильной. Потому что мои силы таковыми не были.

Я надела халат поверх своей длинной ночной рубашки и крадучись спустилась вниз по лестнице в слабо освещенный коридор. Мое дыхание замерло, когда я увидела открытую дверь наружу в конце восточного крыла, от нее прослеживались грязные следы.

Следы огромных копыт.

Оген мог быть где угодно, мог подстерегать за любой дверью. Оглядываясь по сторонам, я проклинала свою власяницу снова и снова. Что я должна делать, бежать до своей комнаты, надеясь, что один гигантский волк спасет меня от людоеда?

У меня была идея получше.

Я пристально посмотрела на своего охранника.

— Найди Огена, волк. — Я махнула рукой вперед — “иди”. — Циклоп сузил свой желтый глаз, показывая неестественное для животного сознание. — Я не шучу. Найди Огена! — Он посмотрел на меня, но начал принюхиваться, ища след.

Я позволила ему отойти на некоторое расстояние, а затем бросилась бежать в противоположном направлении, к комнатам Смерти. Прямо перед тем, как Циклоп поймал меня, я забарабанила в дверь. В дверь к Смерти. Я смутилась бы, если бы не была так взбешена.

Когда Жнец открыл, Циклоп вцепился зубами в мою одежду и тащил меня, в то время как я цеплялась как идиотка за дверной косяк. Другими словами, мы были похожи на двух придурков.

Но, как бы смешно я не выглядела, я обо всем забыла, глядя как великолепен был Смерть.

Взъерошенные белокурые волосы, потертые джинсы и расстегнутая черная рубашка. Я не могла оторвать взгляда от его татуированной груди. Снова его запах поразил меня. Сандаловое дерево и сосна. Божественный.

Он стоял в дверном проходе.

— Я сказал тебе, что эта часть поместья для тебя закрыта.

Я вздрогнула. Официальный тон.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала я, толкая назад ногой. Когда я попала волку по морде, Циклоп, наконец, отпустил меня. — Оген в поместье.

— Он здесь, и…? — Спросил Смерть, уставившись на мое тело так же жадно, как я на его. Его глаза начали излучать тот завораживающий свет.

Моя длинная ночная рубашка и шелковый халат прикрывали все, но он смотрел на меня так, что я чувствовала себя голой.

Я щелкнула пальцами.

— Ты можешь сконцентрироваться? Он находится здесь.

Смерть медленно поднял свои глаза, чтобы встретиться с моими.

— Я нахожу забавным то, что ты, боясь Огена, бежишь к другому Аркану, который представляет для тебя намного большую опасность.

— Пожалуйста. — Сказала я, глядя мимо него, пытаясь украдкой взглянуть на личную комнату этого человека. Комната позади него была кабинетом с полками, заставленными, древним на вид книгами, и сувенирами.

Он протянул руку в сторону, и взял меч. Из подставки для зонта? Или он держал его наготове, чтобы использовать против меня?

— У тебя всегда есть один из них под рукой?

Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

— Обязательно. — Пробормотав какие-то слова волку на иностранном языке, он зашагал прочь. Через плечо он скомандовал мне:

— Оставайся здесь.

Увы, я не ослушалась команды так же как и Оген. Я должна была изучить Смерть, чтобы лучше понимать таинственного рыцаря. Когда я потянулась к дверной ручке, Циклоп зарычал.

Я продолжала поворачивать ручку, пока он, с явной угрозой, не сжал в пасти мою голень.

— Хорошо, хорошо! Ты, как заноза в заднице, собака. — Как только я отпустила ручку, он освободил мою ногу.

Смирившись с ожиданием, я скрестила руки на груди и прислонилась к двери. По всему коридору были развешены картины, несомненно, старинные и очень дорогие. Я немного разбиралась в искусстве и предположила, что они могли быть итальянскими.

На большинстве были изображены батальные сцены, с затененными лицами солдат. Хотя художники изображали ломающиеся копья и кавалерийских лошадей в момент прыжка, мне все это казалось статичным. Замороженным.

Как и все это место.

Волк, вероятно, спас меня от большой беды, потому что Смерть вернулся всего через несколько минут.

— Очевидно, Оген хотел бекона, — сказал он сухо. — И он хотел его достаточно сильно, чтобы ослушаться меня. Теперь он ушел. Ты можешь возвратиться в свою комнату.

— Ты укоротил его рога?

В дверях он сказал:

— Фауна разболтала? Да, я наказал его. В этой игре я был мягче, и он решил проверить, как далеко сможет зайти. Теперь он станет покорным.

— Это ты мягкий? — Мыслями я вернулась в прошлое, глядя на Смерть, стоящего в конце той пещеры, внушающего страх больше, чем его карта Смерти. — Что произошло бы, если бы я наткнулась на него?

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, Смерть сказал:

— Оген больше не войдет в поместье.

Когда он открыл дверь, я бросила любопытный взгляд, но он не предложил мне войти.

— У тебя так много книг. — Блестяще Эви. — Я могу войти на секунду?

С недовольным выражением лица, он повернулся и вошел. Принимая это в качестве согласия, я вошла следом, захлопнув дверь прямо перед носом у Циклопа.

Смерть сидел за своим столом, который размерами был больше обычного и весь завален старыми свитками. Судя по всему, до того, как я его прервала, он был погружен в исследование… чего-то. Около свитков стояли бутылка и низкий стакан.

Как и Джек, Смерть пил алкоголь. В отличие от Джека он пил водку.

Не проронив ни слова, Смерть свернул свиток. Поскольку он не предложил мне сесть, я решила воспользоваться моментом и осмотреться. Вдоль двух стен тянулись книжные полки от пола до потолка. Я провела пальцем по корешкам, определяя возраст книг. Вне всяких сомнений, там были только коллекционные издания. Большинство названий на иностранных языках, похоже греческие и латинские, некоторые французские.

Одна стена была завешана множеством мечей. Позади стола находился ряд арочных окон в готическом стиле — тех самых, в которые он смотрел, когда однажды я его увидела.

По обе стороны от окон стояли шкафы-витрины, заполненные необычными экспонатами. На одной полке лежало четыре королевских скипетра. Столько же корон было выставлено на другой.

Все в комнате кричало о богатстве и вкусе. И все же, все чем он владел, погрязло в прошлом, не проявляло никаких признаков жизни. Короны носили когда-то. Мечами владели когда-то. Те пыльные книги когда-то были непрочитанными, нетронутыми, полными тайн.

Действительно ли Смерть хотел именно такой жизни? Жаждал уединиться в неприступном убежище? Я представила его, сидящим здесь в одиночестве, любующимся своей безжизненной коллекцией. И так же, как на берегу реки, ощутила необъяснимый прилив жалости.

— Значит, ты коллекционируешь мечи, книги и… короны?

— Среди прочего. — Сказал он пренебрежительно.

— У тебя нет электричества? — Комната была освещена свечами. — Как ты можешь здесь читать? -

Как будто ответ из него вытаскивали, он сказал:

— Веками, я читал при свечах. Если хочешь знать, они делают слова более… живыми.

Смерть хочет, чтобы слова, были живыми? Кошка и собака, живущие вместе, да? — Однако его комментарий заставил меня взглянуть на его комнату по-другому. Может, он не предпочитает это холодное, одинокое существование. Может быть, он был пойман здесь в ловушке.

Возможно, Смерть все же хочет видеть цветные сны?

Его глаза сузились:

— Чего ты хочешь?

— Поговорить.

Прежде, чем он успел выставить меня за дверь, я уселась в одно из бархатных кресел напротив стола. Я играла с огнем, дразня этого человека. Когда его пристальный взгляд опустился ниже, я натянула халат по самую шею. Тоже мне, обольстительница.

Мои действия даже у него вызвали недовольство:

— Как я и говорил, я не прикоснусь к тебе так. Не стоит бояться меня по этому поводу.

— А по другому поводу, я не так удачлива? Думаю, я должна спросить: ты убьешь меня сегодня ночью?

Он вздохнул:

— Пока нет, тварь.

Осмелев, я спросила:

— Ну, и что в этих свитках?

— Хроника прошлой игры, — сказал он. — Детали об… некоторых игроках.

— Ты не хотел бы поделиться? — На его раздраженный взгляд я сказала: — У тебя есть преимущества перед всеми остальными, не так ли? Крепость, запасы, знание игры и подбор союзников, которых, кажется, не заботит, что ты убьешь их.

— Верно по всем пунктам. — Он взял свой стакан и снова наполнил.

Он все еще не выгнал меня. В глубине души этот человек жаждал общения с другими?

— И что, какова на вкус водка? Я никогда не пробовала ее. — На его недоверчивый взгляд, я напомнила ему: — Мне шестнадцать. Я родом с земель бурбона и пива.

Как будто, ничего не мог с собой поделать, он поднялся, чтобы взять другой стакан с приставного столика, затем налил в него водку.

Я уставилась на прозрачную жидкость, которую он поставил передо мной. Моей миссией было соблазнение; алкоголь снимает запреты, верно? Когда я подняла свой стакан, собираясь попробовать, он медленно покачал головой, демонстрируя на собственном примере, как это должно быть — выпил его до дна и тут же снова наполнил.

Страдальчески улыбнувшись, я выпила свой, обожглась и закашлялась.

— Ну? — Он налил снова.

Горло горело огнем, но я ответила:

— Не знаю, как я жила без нее раньше. Держу пари, что у тебя в запасе много бутылок — в твоем бункере под усадьбой.

Каменный взгляд.

Не испугавшись, я спросила:

— Как ты узнал, когда будет Вспышка?

Он снова опустился на свой кожаный стул.

— Знаки на моей руке начали исчезать, и я начал слышать позывные Арканов. Эти события обычно происходят перед катастрофой.

— Так, их действительно по одной на каждую игру?

— Каждую игру она посвящена теме одной из карт. Черная смерть* была намеком на меня. Извержение вулкана**, уничтожившее целые города, было намеком на Императора.

(*Чёрная смерть («чёрный мор», от лат. graph-definition>

лат.

atra mors) — пандемиягraph-definition>

пандемия

чумыgraph-definition>

чумы

, протекавшей преимущественно в бубоннойgraph-definition>

бубонной
форме, прошедшая в середине XIV векаgraph-definition>
XIV века
по Азииgraph-definition>
Азии
, Европеgraph-definition>
Европе
(1346–1353), Северной Африкеgraph-definition>
Северной Африке
и острову Гренландииgraph-definition>
Гренландии
.

**Видимо имеется в виду извержение Везувия, самое известное извержение в мире. Везумвий (итал. Vesuvio, неап. Vesuvio) — действующий вулкан на юге Италии, примерно в 15 км от Неаполя. Расположен на берегу Неаполитанского залива в провинции Неаполь, регион Кампания. Входит в Апеннинскую горную систему, имеет высоту 1281 м. Катастрофа унесла жизни 10 000 человек и уничтожила города Помпеи и Геркуланум.)

— Верно, — сказала я, вспоминая силы этой карты. Император мог создавать горы, вулканы и землетрясения, его характер, настолько жесткий и непреклонный, насколько Императрица, должна была быть мягкой и пушистой.

— Позор, что ты не можешь вспомнить присущую тебе катастрофу.

В одном из моих ранних видений, сельские жители обвиняли красную ведьму в том, что она заставила их голодать. Они были правы? Самым невинным тоном, каким только могла, я спросила:

— Может быть, катастрофа была в честь другой карты, невосприимчивой к моему яду? — Я так старалась вспомнить, какая из них невосприимчива. Возможно, Смерть расскажет….

Он ехидно улыбнулся мне.

— Я то знаю.

— Позволь мне угадать, теперь — очередь Солнца?

Он кивнул.

— Катастрофы — это способ собрать вместе все Арканы и оградить нас от внимания людей. Никто не смотрит в небо, на летающего мальчика, когда вокруг ног корчатся тела.

— Поле боя. — Мэтью рассказывал мне об этом. — Но те другие катастрофы не были апокалиптическими. Почему эта была?

Подняв брови, он посмотрел на мой нетронутый стакан. Верно-верно. Я подняла, шумно вдохнула и, вздрогнув, выпила.

— Я считаю, что что-то в этом повреждении мира — планет, а не карт — не могло принять солнечный свет. Боги могли спасти ситуацию, но они ушли.

— Итак, мы — чемпионы разных богов, верно? Ты был чемпионом бога Смерти? — Кивок. Эта идея заставила меня задрожать. — А что относительно меня? Ты сказал, что я больше чем Афродита или Деметра. Ты сказал это буквально?

— У Богов бесчисленное количество имен. То, как их называют, не имеет значения. Все, что имеет значение, это способности, которыми они одарили тебя.

— Подарок тебе — Прикосновение Смерти, не кажется очень справедливым. Только прикосновение твоих рук или всей кожи смертельно?

Пронзая меня пристальным взглядом, он сформулировал ответ словами:

— Каждый мой дюйм.

Я не могла сказать, что было в его словах — намек или угроза. Двигаемся дальше.

— Какой твой позывной? Почему я никогда не слышу его?

— Возможно, я вне этого, — сказал он уклончиво.

— Ты слышал все позывные Арканов? — Как король радиоэфира. — Даже отдаленные? — Те, что могла услышать я, шептали о надвигающейся ужасной смерти Императрицы.

— Слышал. Кроме тех, кто в ожидании активации.

Я мысленно перенеслась в прошлое. Была ли там карта, которая оставалась неактивной, пока он или она не убили Аркана?

— Ты любознательна в этот раз. Ты задала мне больше вопросов за день, чем за все твои другие жизни, вместе взятые.

В придачу ко всем моим промахам, я еще и болтала без умолку?

— Ты озадачиваешь меня, — признался Смерть. — Ты кажешься непохожей на ту, какой ты была в прошлом, по крайней мере, на первый взгляд. Я хочу знать почему.

— Я не могу сказать, почему я отличаюсь. Я ничего не помню о прошлых жизнях.

— С учетом твоего прошлого, мне следовало бы счесть все это лишь притворством.

— Это не так. Послушай, у меня сложилось впечатление, что в прошлых играх я была далеко не Мисс Приветливость. Но в этой я довольно-таки открыта.

— Тогда ты честно ответишь на любой вопрос.

У меня возникло ощущение, что он собирается меня проверить и будет задавать только те вопросы, ответы на которые уже знает:

— Давай.

— Вступали ли вы с Дураком в сговор против меня?

Поймала с поличным.

— Много раз.

— Убила ли бы ты меня сейчас, будь у тебя такая возможность?

Ну и как на это ответить?

— Нет, если бы ты согласился на перемирие.

— Увы, но я знаю, что это бесполезно. Думаешь, в прошлом Арканы никогда не пробовали это? Оставить в живых несколько карт, заключивших между собой мирное соглашение. Но работает это недолго. Пока соблазн не становиться слишком сильным. И тогда убийства возобновляются. Судьба найдет способ заставить воевать.

Я и не думала, что была первым Арканом, у которого возникла эта идея. Но знание того, что перемирия предпринимались и потерпели неудачу — деморализовало. Если Смерть сказал правду.

— Самые сильные из Арканов не смогли заставить это работать, — продолжал он. — Интересно, что ты заключала союз и прежде. И ты первой его нарушала.

— Как? Что я сделала?

Снова взгляд на мой стакан. Когда я выпила из своего стакана, он опустошил свой, наполняя их снова. Снова? Я начала пьянеть.

— Если ты хочешь узнать, тварь, вспомни.

— А если я не смогу?

— Тогда ты никогда не узнаешь. Разве ты не слышала? Я храню секреты как могила.

Опять он дразнит?

— В любом случае, это было прежде. Сейчас я другой человек. Я даже не могу понять, как могла быть такой злой.

Рекордсменкой.

— Твой род всегда относился к игре очень серьезно, обучая тебя быть порочной убийцей.

Мои губы приоткрылись, поскольку я вспомнила слова своей бабушки: «Эви, в тебе есть злоба, которую я должна воспитать». Я вспомнила, что ее глаза блестели от любви, когда она говорила мне: «Ты должна убить их всех».

Тогда мне было восемь.

Если бы моя мать не отослала ее, на что я бы была похожа сейчас? Чему бабушка научила бы меня за следующие восемь лет моего детства? Я сглотнула. Чему она учила бы меня теперь?

Вероятно, не тому, как прекратить игру. И перемирия, так или иначе, не работали в прошлом.

Я была упрямой, цепляясь за веру, что моя бабушка может мне помочь. Учитывая все, что я узнала и вспомнила, эта идея казалась почти смешной. Может быть, я цеплялась за это так крепко, потому что альтернативой было убийство ребят, о которых я заботилась…

Впервые, мое желание найти ее стало чуть менее актуальным.

— О чем ты думаешь с такой торжественностью? — спросил Смерть.

— То, что я другая — неудивительно. — Я водила пальцем по краю своего стакана. — Я пропустила свои уроки. Вместо того чтобы учиться убивать, я была обычной девочкой. — Я подняла глаза и увидела, что его пристальный взгляд следует за движением моего пальца.

Он кивнул на мои знаки.

— Ты вполне справилась сама.

Я опустила руку.

— Когда моя бабушка уехала, — поселилась в приюте, — меня больше ничему не учили. Я ходила в школу в маленьком городке, болталась с друзьями. Я была скучной, банальной с нудными размышлениям.

— Это действительно досадно, не так ли?

Я пожала плечами.

— Почему ты тогда хотел видеть мои мысли?

— Нужно знать своего врага.

— Мне жаль, что ты не можешь прочесть мои мысли сейчас. Ты бы знал, что я не хочу быть твоим врагом.

Он сцепил пальцы, высокомерный, как никогда. Его прикосновение может быть смертельно опасным, но его руки были изящными. Так я представляла себе руки хирурга.

— Какое совпадение, когда я мог читать твои мысли, ты пообещала убить меня, активно формируя союзы, чтобы сделать это. Теперь, когда я не могу, ты говоришь, что хочешь между нами мира?

— Если бы мне удалось заставить Мэтью восстановить нашу связь, ты бы снял эту манжету?

— Только когда выведу тебя из игры. — Его тон был сух, как у царствующего победителя.

Который напомнил мне, что я здесь не для поиска новых друзей.

— Что это была за сделка, которую ты заключил с Мэтью? Та, которая вынудила его предоставить тебе доступ к моей голове?

— Все, что ты должна знать, это то, что он разорвал ее. Сделав так, он потерял честь. Это повредит ему в будущих играх.

Так же, как мои прошлые нарушенные обещания причиняли мне боль в этой игре.

— Но ты нарушил слово данное мне. Я пошла с тобой в пещере, а ты позволил Огену продолжать разрушать гору.

— Я дал слово, что твои друзья не будут убиты. Они все живы, пока. Не я тебе лгу, Императрица.

— Что это значит? Кто лжет мне?

Другой тяжелый взгляд. Решив, что он просто морочит мне голову, я сменила тему.

— Какая она — жизнь бессмертного?

— Длинная.

— Хорошо. — Неловкое молчание. Думая, чтобы еще сказать, я спросила:

— Картины в зале эпохи итальянского возрождения?

Он казался удивленным.

— Так и есть. Ты разбираешься в искусстве?

— До Вспышки я рисовала.

До того, как это стало невозможным. Все, что мне нравилось — танцы, рисование, чтение — осталось лишь в воспоминаниях, когда я день за днем проводила в отчаянных поисках еды и пристанища.

— Я восхищалась итальянскими художниками.

Записавшись в школе на факультативный курс по истории искусств, я снова и снова перечитывала разделы учебника, представляя себе эмоциональность той эпохи, оживление и страсть. Моей любимой картиной была «Триумф Венеры» Франческо дель Косса, но я сомневалась, что Смерть разделит мои предпочтения.

— Это были времена великого развития, — сказал он, как будто с гордостью.

Я потрясенно выговорила:

— Ты ведь был там, верно?

Когда он кивнул, я спросила:

— Ты был во Флоренции? Или может в Венеции? Я вздохнула, вспомнив, какими красивыми были эти города.

Он отвел взгляд:

— Я предпочитал сельскую местность.

На меня нашло озарение. Он должен был избегать густонаселенных территорий, боясь, что может к кому-нибудь прикоснуться. Он никогда не мог насладиться весельем и страстью, так как не мог иметь ни друзей, ни любимых. Он должен был всегда быть начеку.

— Иногда я забываю, что ты не можешь прикоснуться к другим. Ну, кроме меня.

Его плечо напряглось, когда он сжал кулак под столом.

— Я никогда не забываю.

Всякий раз, когда Джек был сердит или разочарован, на его челюсти подергивалась мышца. О чем говорил сжатый кулак Смерти?

— Таким образом, ты жил в стороне, далеко ото всех волнений?

— У меня было все, в чем я нуждался.

Я представила его изолированным на некой вилле, где гуляло эхо, совершенно одного, читающего свои книги.

— Друзья?

— Смертные умирают так легко. Я стараюсь не привязываться к ним. По этой же причине я никогда не держу домашних животных.

— За исключением твоего коня. Как ты нашел единственного коня с красными глазами? Он тоже бессмертен?

Смерть покачал головой.

— У любого коня, которого я выбираю как своего, глаза становятся красными.

— И ты назвал его Танатосом? Запоминается. Действительно.

— Это — имя бога Смерти. Действительно, воспользуйся библиотекой. Улучши свои знания.

Я заскрипела зубами. Хотя мне хотелось указать ему, как бесполезно это занятие, если он планировал скоро убить меня, я сказала:

— Прекрасная идея. — Я поднялась и подошла к его книжным полкам. — Я начну с твоей любимой книги. — Тогда я должна буду возвратить ее ему сюда.

— Я имел в виду другую библиотеку.

Через плечо, я сказала:

— Я хочу почитать то, что любишь ты.

— В твоем распоряжении вся коллекция, но ты желаешь воспользоваться моей личной? Ты понимаешь, насколько ценны эти книги? Как я заботился о них столетиями, чтобы сохранить их в первозданном виде?

Я встретилась с ним взглядом.

— Поскольку они — первые издания.

— Поскольку они мои. Я потратил состояния, бережно храня их во всех моих различных домах, во всех моих странствиях. Во время войн и катастроф я оберегал их.

Я нахмурилась.

— Звучит так будто они — твои дети.

Он поднял свой стакан.

— Самое близкое, что я когда-либо буду иметь, это они. — Он сказал это бесстрастным тоном, но слова казались мне печальными.

После всего того времени, что у него было, он не мог завести семью. У него никого не было. Я вспомнила, как мне было одиноко те два дня, которые я провела на пути к Реквиему. Два дня. Смерть, возможно, чувствовал это в течение семисот тысяч дней.

Мысль, что кто-то вроде него мог бы быть одиноким, заставила меня подумать о нем как о, я не знаю, как о человеке. Как будто он был нормальным двадцатилетним парнем, возможно бывшим студентом колледжа, и просто пытается продвинуться. Но он таким не был. Он был Бесконечным Рыцарем, бессмертным убийцей. Он, вероятно, предпочитал одиночество, не имея потребности в общении, которая была у меня.

— Ты не дашь мне ни одной книги? — спросила я. — Ты боишься, что я получу подсказки о твоей личности, читая то же, что и ты?

Держась безучастно, он поднялся, присоединяясь ко мне, но не слишком близко. Потянувшись, он снял тонкий том и вручил его мне.

— Государь?

— Это на английском языке. Почти так же стар, как оригиналы итальянцев. — С чуть большим энтузиазмом он заметил: — Ты не так потеряешь в переводе, как думаешь.

— О чем она? Это приключения? Или может быть история любви?

— Это — политический трактат, или возможно сатира… — он замолчал, вспомнив, с кем говорит. Выражение его лица снова стало замкнутым, и он возвратился в свое кресло. Я поняла, что он чувствовал себя более комфортно, когда между нами был стол. Из-за того, что я могла сделать с ним — или из-за того, что он мог сделать со мной?

— Ты говоришь и читаешь на итальянском языке?

— Я говорю и читаю на многих языках. Преимущество быть бессмертным. У меня много времени для исследований. — Он махнул рукой, указывая на свитки. — И я хочу продолжить свое исследование. Сейчас.

Хочет, чтобы я вернулась в свою уединенную башню. Одна эта мысль, после трех стаканов водки, подняла все в моем желудке. По крайней мере, быть со Смертью было интересно. — Я могу читать эту книгу здесь, пока ты занимаешься своим исследованием. Мы могли бы читать вместе.

Он вздрогнул?

— Я буду тиха как мышь.

Он сузил глаза.

— Ты думаешь, что я не вижу того, что ты делаешь? Каков твой план? Оставь меня, тварь. Не возвращайся сюда.

С легкой дерзостью, я сказала:

— Но я должна буду вернуть эту книгу, как только прочту. — Я помахала ей перед ним. — Это — всего лишь этикет.

Тоном, говорящим об окончании разговора, он сказал:

— Считай, что это заблаговременный прощальный подарок.

Глава 31

279 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Охота и кампания. -

Проснувшись, я протерла глаза. — Мэтью, это ты? — Я нахмурилась, снова обнаружив рядом Циклопа. Он облизнул свою огромную пасть и опять уснул. — Который час? -

— Без понятия. Постоянно темно. -

Вчера солнце взошло всего на часок, не больше. Бесконечная ночь в логове Бесконечного Рыцаря? Я старалась не думать об этом. Я хотела прекратить игру, но будет ли это иметь значение, если вся планета обречена.

— Где ты был? Ты пять дней не выходил на связь. -

— Был занят. -

— Скажи мне, что Джеку лучше. — Мы не виделись три недели, и я беспокоилась о нем все больше и больше. Я не могла сосредоточиться, не могла думать ни о чем, кроме побега и встречи с ним.

Или о том, чтобы закончить мое задание здесь.

Я ждала хоть каких-то новостей от Мэтью, но жизнь казалась поставленной на паузу, будто я снова и снова проживала свой День сурка. Мне не удалось сблизиться с высокомерным Жнецом. Единственным достижением было то, что я привыкла к власянице. И в этом не было ничего хорошего, ведь я рассчитывала избавиться от неё до того как привыкну.

— Лучше? Джек изменился. Мы идем на охоту! — Мэтью радовался, как шестнадцатилетний подросток первой машине.

— Что это значит? -

Он показал мне Джека. Если раньше Джек впадал в бешенство, то сейчас он спокойно чистил ружье, сосредоточенный на своих смертоносных намерениях. И он по-прежнему не пил.

— Что случилось? -

— Другие узнали, где ты. Остерегайся приманок. -

— Да. Смерть говорил об этом. Ну и? -

— Я не говорю Джеку, как тебя найти. Так что он планирует выведать твое местонахождение у других. -

Пока я мысленно распылялась, Мэтью продолжил.

— Мы идем охотиться на Арканов. Планируем новую кампанию! -

— О чем ты думаешь?? — Никогда еще я так не злилась на Мэтью. — У Джека НЕТ СИЛ. -

— Селена с Финном помогут, — сказал он угрюмо.

— Пожалуйста, уведи их всех подальше от опасности! Пообещай мне, Мэтью. -

— Сближение. Соблазнение. Свобода. Охота! И кампания! -

Затем он исчез, как будто трубку бросил. Оставив меня наедине с еще более отчаянным желанием вернуться ко всем.

Как? Как? Как?

Близость? Смерть испытывал явное отвращение ко мне. Я дважды заманила его в свою ловушку, но чувствовала при этом только то, что отдалилась от своей цели. Моим следующим шагом было бы стояние под дождем, пока он тренируется, выглядя при этом, как еще большая идиотка.

Что я знала об обольщении? Мне не было и семнадцати. Секс у меня был всего один раз. За советами я всегда обращалась к более опытной Мэл. Она бы знала, что делать. Помню, однажды, мы, занимаясь сбором средств для команды поддержки, мыли машины. И она явилась в тоненькой белой футболке и черном бюстгальтере. Очередь к ней тянулась вокруг всей школы.

Но здесь не было машин. Так при каких же обстоятельствах я могла бы носить мокрую футболку?

И тут меня осенило. Я повернулась к Циклопу:

— Мальчик мой, да ты воняешь.

Моросящий дождь: имеется. Волк: имеется. Тонкая белая футболка и черный бюстгальтер: тоже имеются.

Я приготовила ведра с теплой водой и оставила волка во дворе — на виду у Смерти.

И хотя он на нас даже не взглянул, от одного его вида я лишилась дара речи. Сегодня он был одет в кольчугу — что-то типа рубашки с длинными рукавами сплетенной из железных колец — которая оставляла слишком мало простора для воображения. Металлическая сеть мягко облегала его рельефные и накачанные мышцы, дразнящие руны на его коже.

Сосредоточься! Я взяла жидкость для мытья посуды, которую стащила на кухне. Предполагая, что в логове Смерти было все мыло мира, я вылила добрую часть на Циклопа.

Ранее, найдя Ларк в спортзале, я предупредила ее:

— Я хочу устроить Циклопу ванну.

Ее ответ:

— Твои похороны.

Как ни странно, волк не сопротивлялся, даже когда я начала намыливать его спутанную шерсть. Но он так озадаченно посмотрел на меня своим единственным глазом, что я поняла: Ларк никогда раньше его не мыла. Так что я, в свою очередь, бросила на него ну-что-ты-будешь-делать-взгляд и продолжила. Словно моешь покрытого шрамами, шелудивого Вуки*.

(*Вуки (англ. Wookiees) — раса из вымышленной вселенной «Звёздных войнgraph-definition>

Звёздных войн

«, вид волосатых гуманоидов, напоминающих земных обезьян, обитатели планеты Кашиикgraph-definition>

Кашиик

.)

Мыльная вода начала стекать во внутренний двор, туда, где тренировался Смерть. Всякий раз, когда он наступал на нее, пена, разбрызгивалась вокруг его сапог. Он, должно быть, заметил это. На мгновение он застыл, затем продолжил с решительным выражением на лице.

Хорошо, теперь он просто игнорировал меня. Не приемлемо.

Я вылила всю бутылку на Циклопа, намыливая его мех, пока он весь не покрылся пузырями, как одеялом из пены.

— Мой волк в овечьей шкуре, а, мальчик?

Толстая река пены поплыла к Смерти. Проигнорируй нас теперь, Жнец.

Даже когда пузыри с хлюпаньем облепили его ноги, парень не оглянулся, просто поразил

свою цель тяжелым ударом.

Черт побери, это был такой хороший план. Я посмотрела вниз на волка.

— По крайней мере, я тебя вымою. — Вообразив, насколько лучше будет пахнуть в моей башенке, я приступила к своей задаче.

Это было отчасти успокоением, заботиться о нем, и когда я поняла, что ему это тоже нравится, я улыбнулась. Без предупреждения, он сильно встряхнулся, забрызгав всю меня пеной. Я завопила и отскочила назад, но он сразу же подошел ко мне, желая еще внимания.

— Ты похож на большую кошку!

Я села на корточки, чтобы распутать колтуны на его шее. Он засопел, и пузыри, надутые его ноздрями, поплыли по воздуху. Я не смогла сдержать смех. Я чувствовала себя прекрасно, смеясь. Чего не было с той ночи в хижине с Джеком.

Я заметила Смерть, шагавшего так, будто он собирается что-то уничтожить.

— Ты прерываешь мою тренировку?

— Хм? — Была не была. Я встала.

Его голова резко опустилась, глаза, сосредоточились на моей груди. Я проследила за его взглядом. Мои фары были включены, работал дальний свет*. Упс.

(*Мои фары — на сленге означают женскую грудь, дальний свет — на сленге — торчащие соски).

— Просто хотела вымыть моего соседа по комнате. Или двор для меня закрыт?

Светлые брови Смерти сдвинулись, он провел по губам рукой в перчатке.

— И это единственная причина торчать под дождем? — спросил он рассеянно, все еще не отрывая взгляда. — Под этим холодным дождем. — Его акцент стал более явным? Изменение акцента всегда было индикатором сильных эмоций у Джека.

Я обошла Циклопа и остановилась прямо перед Смертью:

— Волк привык спать в моей кровати. Так лучше уж он будет пахнуть лимонной свежестью, чем мокрой псиной.

Смерть было протянул руку, словно хотел меня коснуться. Но потом опустил ее и сжал в кулак. Его слова. Рожденный для жизни жаждет прикосновения? Но вспомнил, что он им убивает?

Было очень странно думать, что этот бессмертный мог заняться сексом только с одной женщиной в целом мире. И что все это время он думал о прикосновении ко мне. Будет ли он мечтать об этом сегодня вечером?

От этой мысли я задрожала; он прорычал иностранное проклятие.

Вспомнив о своей миссии:

— Гм, спасибо за то, что дал мне «Государя*». — Это была странная книга, вся о недобросовестных действиях во время войны и стратегиях. Заговоры, коварство и жестокость приветствовались. — Я закончу его этим днем. Я подумала, что могла бы прийти к тебе в кабинет сегодня вечером и возвратить его.

(*Государь — видимо, имеется в виду труд Никколо Макиавелли).

Все еще уставившись на мою грудь, он откашлялся прежде, чем смог заговорить.

— Ты хочешь прийти в мою комнату этим вечером? — Затем он поднял свой взгляд, казалось, твердо решив не смотреть вниз.

— Да. Ты одолжил мне книгу. Это означает, что мы должны обсудить ее вместе. Обмен мнениями заставит тебя по-новому взглянуть на книгу. — Когда я улыбнулась, его глаза остановились на моих губах, в его янтарных глазах загорелись звезды.

Он прямо сейчас думает о поцелуе со мной? Я ненавидела его так сильно, казалось, что одна мысль об этом сделает меня больной — и все же я не чувствовала отвращения, когда представила губы Смерти на своих.

Это заставило меня страдать от чувства вины. Я любила Джека; как я могу думать о поцелуе с этим человеком?

Мои щеки загорелись, и я думаю, Смерть это заметил. Я напомнила себе, что Жнец мог быть в высшей степени привлекательным, но он был высокомерным, жестоким и беспощадным. Он хотел убить меня. Помня об этом, я сделала свой тон игривым.

— Ты выбрал «Государя», чтобы показать мне, как ты играешь в игру, большой парень?

Как будто щелкнули выключателем, свет в его глазах погас.

— Я дал тебе эту книгу, чтобы проиллюстрировать, как играешь ты.

О. Чары были рассеяны.

— Тварь, я знаю, что ты планируешь. Ты намерена втереться мне в доверие, чтобы я снял власяницу. Как только я освобожу твои силы, ты будешь выжидать, пока я не ослаблю свою охрану, затем ударишь.

— Смерть, подожди. — Я сделала шаг вперед.

Он сделал шаг назад.

— И все это время, ты думала о том, чтобы вернуться к нему. Интересно, что твой драгоценный смертный подумал бы о твоих сегодняшних действиях. — Его кулаки сжались.

От ревности.

Больше не было смысла отрицать. Это было больше чем простым интересом к противоположности с его стороны, его ненависть ко мне была сильнее, чем потребность ко мне прикоснуться. Я вспомнила, как он отреагировал в ту ночь, когда я была с Джеком, гневный тон Смерти. Здесь было скрыто что-то более глубокое.

— Как далеко зашли отношения между нами в прошлых жизнях? — желая узнать правду, я сказала, — мне снилось, что ты хотел уложить меня в постель. Давно. Ты преуспел?

— Если ты хочешь знать, то вспомни. — Глядя с неприязнью, он сказал: — ты не сможешь обольстить меня, Императрица. Прекрати пытаться. — И зашагал прочь.

Не имеет значения. Я все равно пойду в его кабинет сегодня вечером.

Глава 32

На мой стук в дверь никто не ответил. Смерть ушел.

Я застала Ларк в ее в логове, за просмотром фильма.

— Где он?

Она нажала «паузу» на пульте.

— Уехал по делам. Он сказал, что вернется к обеду через две ночи.

— Он уехал, чтобы кого-то убить?

— Может и нет. Он много путешествует, чтобы добывать для нас вещи. — Она сунула горстку попкорна в рот, громко жуя. — Черт, возможно, он пытается побыть вдали от тебя. Ради бога, Эви, ты была рядом с ним в мокрой футболке. Я никогда не видела его таким потрясенным.

Я ощутила легкое волнение при мысли, что мне удалось потрясти древнего бессмертного, но оно тут же пропало. Смерти не будет в течение двух дней. Что означало еще больше ночей отделяющих меня от Джека и друзей. Джека, который, возможно прямо сейчас, рискует своей жизнью, охотясь за Арканами.

Как долго я еще могу оставаться здесь? Несмотря на то, что я имела больше свободного времени, чем когда-либо в своей жизни, дни, казалось, летели как будто в ускоренной перемотке.

Как будто я была поймана в ловушку в Замке Потерянного Времени.

Напряженно, я сказала:

— Где тут сад, Ларк? — Я знала, что она была верна Смерти, но до какой степени? Я должна была рискнуть. — Помоги мне вернуть свои способности, и мы сможем отнять это долбанное поместье у Смерти и Огена. Твои животные будут в безопасности. Ты останешься со всеми удобствами здесь, и ты сможешь пережить свой подростковый возраст.

Если она и соблазнилась, то не показала виду.

— Я могла бы вызвать своих друзей, чтобы помочь нам. Ты бы увидела Финна. Мы снова были бы союзниками.

— Нет, мне и так хорошо.

Сжав свои виски, я опустилась на диван напротив нее.

— Почему ты так верна Смерти?

Она отставила миску с попкорном в сторону.

— Он не такой, как ты о нем думаешь.

— То есть, ты хочешь сказать, он не хладнокровный убийца?

С неохотой, она призналась:

— Нет, он убийца. Но он не такой как Любовники или Жрец.

— Теперь мы используем их для сравнения?

Она пожала плечами.

— Попытайся поставить себя на его место. Единственная девушка в мире, к которой он

может прикоснуться, поклялась его убить.

Я чуть не закричала, Он это начал! Он угрожал мне даже до Вспышки.

— Я просто хотела жить на своей ферме и заниматься своими делами. Он был тем, кто терроризировал меня, рассказывая мне, как он будет пить мою кровь со своего меча. Как я должна была реагировать?

— Ты не задавалась вопросом, почему он это делал?

— О, задавалась. И я спрашивала Мэтью. И даже его самого! Ты знаешь?

— Если бы я и знала, то я не сказала бы тебе.

— Говоря о Фауне — ты ведешь себя как свинья. Ты упорно придерживаешься пути, который приведет к одному результату, и он худший из всех возможных.

— Я бы сказала, что это спорно. Ты забываешь, что я видела в камере каннибалов.

— Вы со Смертью разработали план твоего убийства? Он скажет тебе, когда у тебя останется год? Неделя? Это не нормально, то, что он делает с тобой. Почему ты терпишь это?

Она пожала плечам и снова взяла пульт.

— Интересно, что произойдет с твоими животными, как только тебя похоронят. Или Смерть позволит Огену пировать на твоих костях? — В нетерпении я встала. — Когда меч Жнеца коснется твоей шеи, я хочу, чтобы ты вспомнила эту ночь. Вспомнила, что ты могла изменить свое будущее…

Я замолчала, потому что загрохотала гора. Землетрясение? Они случались в Хейвене, в дополнение к привилегиям посла Апокалипсиса.

Снаружи, в сырой ночи, раздался душераздирающий рев Огена.

Ларк встретилась со мной взглядом, внезапно показавшись очень юной.

— Это Дьявол, ты же знаешь.

Закончив с ней, я направилась назад в свою комнату, слабея с каждым шагом. Дни Сурка утомляли.

Дойдя до кровати, я упала без сознания. Позже ночью я проснулась со сдавленным криком.

Мне снова снился Смерть, но на этот раз, это не были воспоминания о прошлой жизни. Мой разум предавал меня, потому что мне снилось, что он держал меня на руках, целуя под дождем… и мне это нравилось.

Под холодным ливнем, его губы на моих казались горячими, такими же горячими они были, когда он вдыхал воздух в мои легкие, возвращая меня к жизни.

Он снова и снова предъявлял права на мои губы, его власть была сокрушительна, но я почти кричала от удовольствия.

В ту самую ночь, когда он уехал, вероятно, чтобы убить какого-нибудь невинного ребенка, я пережила самый эротический сон в своей жизни… со Смертью?

Господи, что со мной происходит?

Глава 33

281 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

Возвращение Смерти ожидалось сегодня вечером, и у меня было свое оправдание для похода в его кабинет — возвращение его книги. Я решила игнорировать его «прощальный подарок».

Надежно похоронив воспоминания о том приснившемся поцелуе, я подготовилась к встрече с ним. Позаботилась об одежде и надела бежевую юбку и темную блузку с углубленным вырезом. Декольте блузки было глубже, чем у всего, что я носила даже до Апокалипсиса. Я оставила волосы распущенными.

На сегодняшний вечер у меня были планы, что стало еще важнее, учитывая вчерашнее немногословное сообщение от Мэтью:

— Мы ушли. Все живы. -

Казалось, он был отвлечен другими позывными, Арканы о чем-то гудели. Что-то о Навигаторе Арканов? Мои друзья находились где-то там, в опасном мире, и одному только Богу известно, что они там делали. А я была здесь и ничем не могла им помочь.

Я вышла из ванной и направилась к кровати, на которой развалился Циклоп:

— Ну как я выгляжу…

Я лишилась дара речи. От потрясения в горле замер вскрик. Часть книги, принадлежавшей Смерти, была зажата в мощной волчьей пасти; остальное множеством обслюнявленных обрывков было разбросано по всей кровати, как на месте преступления. Циклоп рыгнул рядом с его новой четырехсотлетней жевательной игрушкой.

— Боже мой.

Мне ведь придется сообщить Смерти, что одной из его драгоценных книг — самых любимых — больше нет. Его «дитя», оставленное на моем попечении, съели.

Когда имение наполнилось стуком копыт Танатоса, извещающим о прибытии Смерти, я на свинцовых ногах потащилась вниз по ступенькам.

Смерть снял шлем и вошел через переднюю дверь. Он выглядел обессиленным, его глаза потускнели, линию подбородка обрамляла светлая щетина. Его доспехи были забрызганы грязью.

Как только он меня увидел, готова поклясться, его глаза немного посветлели, словно он был рад моему присутствию. Похоже, ему понравилось, как я выглядела.

Затем его глаза снова потемнели.

— Ах, миледи ждет возвращения своего рыцаря, — сказал он с сарказмом, — сегодня я слишком устал для ваших интриг, Императрица.

Он выглядел таким разбитым, что мне стало по-настоящему его жаль. Как я могла проявлять такую снисходительность по отношению к тому, кто держал меня под прицелом?

Это, наверное, был не самый подходящий момент, чтобы сказать ему о книге, но я все-таки могла попробовать сблизиться:

— Где ты был? Ларк сказала, что ты, уезжал, наверное, в поисках ресурсов.

Ноль реакции. Я потеребила блузку:

— Не поговоришь со мной?
— Оставь меня, тварь. Я не в настроении.
— Наши отношения не обязательно должны быть такими.
— И это говорит девушка, которая жаждет моей смерти?
С досадой я прошептала:

— Я хотела твоей смерти только потому, что ты не переставал терроризировать меня, и я знала, что ты не успокоишься, пока не останется только один из нас.
Снимая шипованные латные рукавицы, он ответил с грубым смешком:

— И ты веришь, что что-то изменилось?
— Я верю, что могло бы. Разве не лучше нам быть друзьями, чем врагами? Может быть, ты уже забыл, как это: иметь друзей. А может никогда и не знал.
По выражению его лица я поняла, что попала прямо в точку.
Как это ужасно.

— Но теперь ты сможешь их иметь, — тихо сказала я.
— Твоя жизнь в моих руках, а ты смеешь меня жалеть? Твои глаза полны сочувствия. Думаешь, мне нужны друзья? Может быть, такие, как у тебя? — он поднял меня на смех. — Тогда и врагов не надо.
— Что ты имеешь в виду?

Я сразу забыла о своем вопросе, когда заметила новую метку на его правой руке: обыкновенную белую звезду:

— Ты кого-то убил?
Он ухмыльнулся, и мне стало не по себе:

— Звезда был очень самоуверенным.
Так вот о чем все шушукались? Звезды, Навигатора Арканов больше нет.
Почувствовав дурноту, я отвернулась. Что если Смерть действительно жаждет убийств? Как Оген жертвоприношений? Говорят, что в прошлых играх Смерть предпочитал убивать прикосновением. Возможно он, как и Финн, был вынужден использовать свою силу?
Смерть схватил меня за руку и резко развернул обратно:

— Из всех людей именно ты смотришь на меня с презрением? Да у тебя почти столько же меток, как и у меня!

Он отпустил меня, разжав пальцы, как будто только что держал в руках заряженную гранату.
— Свои, я получила защищаясь.
— А я думаешь, нет? Звезда подошел слишком близко к моему убежищу. Он выслеживал меня.

Смерть провел ладонью по подбородку:

— А я буду защищать свой дом и каждого в нем. Даже тебя.

Слабым голосом я спросила:

— Как ты это сделал?

— Не так легко, как обычно. Длинные ночи сделали Звезду сильнее, создали для него идеальные условия для использования своих сил.

— Например, каких? — я не могла вспомнить.

— Эхолокация, обостренные чувства, возможность создавать взрыв света на своей коже, подобный сверхновой. В темноте ночи он взорвал себя, парализуя мои чувства, мое тело. — Это вызвало землетрясение, которое мы почувствовали? Которое заставило Огена зареветь? — После чего он использовал свое ночное зрение, чтобы атаковать.

— Но ты одержал над ним верх? Как ты покончил с ним?

Смерть подошел ко мне, облаченный в доспехи, пугающий, одним своим взглядом вгоняющий в дрожь, поднес перчатку к моему лицу.

— Вот этими шипами, — он едва ощутимо провел ими по моей щеке, — прямо в висок.

Смерть убил подростка своим вооруженным кулаком.

Когда я поняла, что он пытается разжечь во мне ненависть, я отдернула голову:

— Ты и со мной это сделаешь? Естественно, до того, как обезглавишь. Так же ты поступишь и с Ларк?

Он сказал только:

— Игра не оставляет выбора: убей или будь убитым.

Эта игра из всех нас сделает убийц. Нет, я отказываюсь это принять:

— Так не должно быть! Что если я поклянусь душой своей матери, что никогда не причиню тебе вреда?

— Как же легко с этих прекрасных губ слетает ложь. Императрица, ты никогда не держала своих клятв.

Я слышу это постоянно:

— Эту я никогда не нарушу.

Он выдохнул, словно сожалея, что слишком разоткровенничался.

— Уже поздно и я ужасно устал. Так что вынужден откланяться.

Он повернулся по направлению к своей комнате.

Еще один потраченный впустую день в Замке Потерянного Времени? Я должна с ним сблизиться! Я расправила плечи и последовала за ним в кабинет.

— Я поняла, почему ты меня избегаешь. Если ты узнаешь меня лучше, тебе будет не так просто меня убить.

— Вошла, сюда? — он положил шлем и перчатки на стол. — Я ведь предупреждал, но ты и дальше продолжаешь испытывать мое терпение.

Его голос дрожал от ярости:

— Ты рискнешь чем угодно, сделаешь что угодно, чтобы вернуться к своему смертному. Пойдешь на все, чтобы снова оказаться в его объятиях. Даже постараешься сблизиться с мужчиной, которого ненавидишь больше всех на свете.

— Подожди…

— Скажи, что не хотела бы сейчас находиться рядом с ним.

Я не смогла заставить себя это сказать. Смерть был прав. Я бы пошла на все, чтобы вернуться к Джеку.

Когда я промолчала, у него внутри как будто что-то оборвалось, его железное самообладание разлетелось вдребезги:

— Как ты вообще можешь его хотеть? Этот смертный считает твои силы проклятьем, недостатком. Ты — божество среди людей, но он слишком слеп, чтобы это увидеть.

— Это я считаю их недостатком и проклятьем. Если бы я не была Императрицей, мы с тобой не были бы врагами. И мне не пришлось бы бояться, что твой меч окажется у моего горла.

— Ты сама-то хоть веришь в свою любовь к Дево? — прорычал он.

Поскольку моей целью было соблазнение, сказать правду было не самой лучшей идеей.

Сквозь зубы он процедил:

— Это написано на твоем милом личике. Но ты не смогла бы любить его, если бы узнала по-настоящему. Твои чувства сразу бы угасли.

— О чем ты говоришь?

Он потянулся за бутылкой водки и налил только себе:

— Он обманывал тебя, и не раз.

Смерть осушил стакан, вытер губы тыльной стороной ладони, покрытой знаками, и наполнил его снова.

Я сложила руки на груди:

— Ага. Я что должна поверить тебе на слово?

— Нет, информация поступила от Дурака. Он очень беспокоился о безопасности своей Императрицы, когда ты была под охраной Дево.

Это исходило от Мэтью? Нет, нет, Смерть просто пытается вывести меня из себя, как и я его.

— Ты знаешь, что я полагаюсь только на факты.

— Я ожидал этого от тебя.

Я сглотнула.

— И зачем бы вам двоим было обсуждать мою безопасность?

— У нас был общий интерес.

— Верно! — Я щелкнула пальцами. — Ты хотел сохранить мне жизнь, потому что я была твоим джокером. По крайней мере, прежде чем сам до меня не добрался. Теперь я понимаю,

почему ты вмешался в ситуацию со Жрецом. И с другими Арканами, предупредив их издалека.

— Я был искренен в своих намерениях с тобой, в отличие от Дево. Ты никогда не задавалась вопросом о его мгновенном, безумном увлечении тобой?

— Возможно у него слабость перед девушками из команды поддержки, — Джек говорил мне, что захотел меня с первого взгляда. Я никогда не забуду то утро. Я ехала в Порше Брэнда и наклонилась, чтобы его поцеловать, когда увидела рядом с нами мотоциклиста. Джека.

Смерть покачал головой:

— Нет, он нацелился на тебя еще до того как увидел.

— Это не имеет смысла.

— Ты принадлежала тому, кого он ненавидел.

Он опустошил еще один стакан.

— Джек презирал Брэнда. Это не было секретом.

— Ты никогда не спрашивала себя почему?

— Потому что Брэнд был богатым и, казалось, что ему все дается легко.

— Я уверен, что и это имело место. Тем не менее, главная причина, по которой он ненавидел Брэндона Рэдклиффа, — взгляд Смерти никогда не казался таким пронзительным и темным, — это, то, что у них был один отец. Отец, который обожал одного сына и отвергал другого.

У меня закружилась голова.

— Ты говоришь, что Брэндон и Джек были… сводными братьями?

Это определение вызвало боль. Что Джек рассказывал мне о своем биологическом отце? «Он был слишком занят, проводя время со своим законным сыном, чтобы провести его со мной или чтобы просто отправить копейки ma mire».

Мистер Рэдклифф был адвокатом; Джек говорил, что его отец не хотел признавать вину. Что-то, что можно сказать об адвокате. Я представила этих двух парней, высоких и стройных, выявляя сходство, которого раньше не замечала. Я вспомнила как Брэнд, общий любимчик, был сбит с толку тем, почему кайджан был так агрессивен по отношению к нему.

Только один сын знал о том, что их объединяет. Не потому ли Джек отвел глаза, когда я спросила его, есть ли у него от меня секреты? Я спрятала руки за спину, потому что они задрожали.

Смерть смаковал это.

— Дево желал все, что было у его брата: идеальную семью, дом, машину. Девушку. Он никогда не получит остальное, но он мог получить тебя. И он это сделал.

— Ты лжешь. — Ты можешь доверять только мне, Эви. — Мэтью рассказал бы мне об этом.

Смерть поцокал языком:

— Ты так сильно доверяешь Дураку. Как ты думаешь, откуда я узнал, что мои доспехи делают с твоими силами?

Я пошатнулась.

— О-он не мог!

— Ничего личного, просто стратегия и интриги.

А я-то считала Мэтью безобидным наивным мальчишкой.

— Дурак знал, что я убью тебя, если у меня не будет способа контролировать тебя. По сути, он спасал тебе жизнь. До этих пор, по крайней мере.

Не все плохое — плохо, говорил Мэтью. Конец игры, конец игры.

Пока я переваривала эту тошнотворную информацию, Смерть продолжил:

— Ты даже не нравилась Дево, но он преследовал тебя.

— Ты ничего не знаешь! — кричала я, хотя в голове слышала слова Джека: «Даже когда я ненавидел тебя, я хотел тебя».

— Одно из преимуществ бесконечной жизни? Я хорошо понимаю поведение человека. Какой триумф, должно быть, испытывал смертный, когда получил тебя, украв у своего умершего брата.

Хотя Смерть сделал мне больно, я не позволила ему подорвать все, что обрела с Джеком.

— Может он и сделал меня своей целью. Но его чувства выросли. Ты должен будешь сделать что-то большее, чем это.

— Большее? Как хочешь, тварь, — со злой усмешкой он сказал: — Дево убил твою мать.

Глава 34

— МЕТЬЮ! Ответь мне сейчас же! -

Я только что добралась до своей башни, и была близка к гипервентиляции после разоблачений Смерти. Своим насмешливым тоном, Жнец объяснил мне, что мало того, что Джек прервал жизнь моей мамы, чтобы я убежала с ним, но и что Мэтью — мой предполагаемый лучший друг и союзник — знал об этом все время и решил не говорить мне.

Я вылетела оттуда как ураган, обзывая Смерть лжецом и гораздо хуже. Но в глубине души я боялась, что ублюдок сказал правду.

— Императрица? -

— Смерть рассказал мне кое-что о моей маме. О Джеке. Жнец лжет мне? -

— Нет. -

Я зажмурилась.

— Мэтью, почему ты не сказал мне? Почему позволил мне быть с Джеком? –

Я вспомнила его поведение в то утро, когда скончалась мама. Он был потрясен, почти ошеломлен. Хотя армия Юго-востока приближалась к нам, он так старался устроить маме достойные похороны — я тогда думала, что он добр к ней, или даже ко мне. Теперь я поняла, что, возможно, им двигало чувство вины.

Я спала с этим парнем, отдала ему свое сердце. И все это время он знал, что он сделал. Он ругал меня за то, что у меня от него были секреты? Он смотрел мне прямо в глаза, когда говорил: «У меня нет секретов, peekфn».

Кроме того, что он проводил мою мать на тот свет? Да он еще хуже Смерти!

Когда я объяснила Джеку, что нет ничего более важного, чем доверие, он заверил меня, что я могу доверять ему одному. Неудивительно, что Мэтью называл его Ди-ви-о. Лукавый*!

(*Здесь игра слов. Лукавый — англ. Devious [ˈdiːvɪəs], созвучно с Дивио).

— Возможно ты, мог бы предупредить меня, сказать, чтобы не влюблялась в него? -

— Всякий раз, когда он помогает, он причиняет боль. -

Сколько раз Мэтью говорил мне это?

— Твоя мать хотела, чтобы ты ушла прежде, чем пришла армия. Конец был близок. -

— Только если бы ей невозможно было помочь! Да, она была в отчаянном положении, но наверняка должен был быть лучший выход. Значит, Джек помог ей с самоубийством, пока я спала в своей постели? И он сделал это, чтобы я уехала с ним? -

Тишина.

— Он был жесток ко мне, потому что, когда училась, я была девушкой его брата! И, как он это сделал? Задушил маму подушкой? — Я подавила рыдание. — Помог ей с передозировкой? -

Я отвернулась. Ярость вспыхнула во мне. Даже с манжетой, мои волосы покраснели, мои когти, изо всех сил пытались вытянуться.

— Он отвернулся, пока она умирала? –

Это было так, словно он… он бросил ее.

— Ты ублюдок! Почему ты не предвидел того, что произойдет с ней, прежде чем она получила травму? Ты мог предупредить меня, и я не позволила бы ей в тот день выйти из дома? -

— Мэтью знает лучше. -

Его тон был жутким, его слова, как тревожное эхо слов его матери: “Мать знает лучше”, когда она собиралась утопить его.

— Это непростительно. Что еще ты скрываешь от меня? Я доверяла тебе! -

— Императрица — мой друг. -

— Больше нет! Никогда не связывайся со мной снова! -

— Я не буду говорить громко. -

Затем его присутствие в моей голове исчезло.

Я никогда не чувствовала себя настолько преданной и одинокой. С того времени, как мамы не стало, Джек и Мэтью были единственными константами во всем этом ужасе и страданиях; теперь и эти якоря оборвались.

Я была брошена на произвол судьбы, заперта в Замке Потерянного Времени.

Слезы жгли мои глаза, и я позволила им течь.

Глава 35

307 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

С той ночи разоблачений прошел почти месяц, а я все еще была сломлена. Со спутанными волосами и опухшим лицом я сидела на кровати в одной ноной рубашке, вглядываясь во тьму за окном башни. Я рассеянно гладила Циклопа, развалившегося рядом, и размышляла о том, как проходят дни.

Первую неделю я пыталась от всего отрешиться. На следующей неделе без конца проигрывала в голове поступок Джека. С тех пор я все больше накручивала себя, представляя, как он мог это сделать.

Я блуждала коридорами поместья, как в тумане. Не чувствуя дождя, бродила по двору, в неизменном сопровождении Циклопа. Но больше ни разу не плакала, потому, что постоянно чувствовала, как за мной наблюдает Смерть, или Ларк глазами волка.

В те несколько раз, что я видела Смерть во дворе, он точил свои мечи теми самыми ритмичными движениями, которые, судя по всему, его успокаивали. Почему, черт возьми, он нуждался в успокоении? Это я была взвинчена — из-за него.

Прежде, находясь в сумасшедшем доме, я не была сумасшедшей. Теперь? Возможно.

Моя скорбь по маме вновь вернулась. После ее смерти я была в бегах, спасала свою жизнь, сражаясь на каждом углу; у меня не было времени, чтобы задуматься о том, как я скучала по ней. Теперь же у меня было все время мира, и это убивало меня.

По ночам мне снилась жизнь с мамой в Хейвене. Как мы собирали сахарный тростник, ездили верхом на лошади. Как чистили орехи на пирог и собирали ежевику у реки. Мы были счастливы, пока не начались тревожащие видения Мэтью.

Я вспомнила, как она выглядела тем утром, бледная, ее грудь была неподвижна. Она сжимала фотографию, где были я, она и бабушка, снятую в те времена, когда жизнь была так хороша…

На этой неделе я забралась в свою башню и не спускалась. Ларк продолжала оставлять мне еду под дверью, но я ее почти не касалась — практически всю отдавала волку.

Всякий раз, когда Мэтью звал меня, я закрывалась от него.

— Армия мелет, вращая ветряные мельницы. -

— Расскажи это кому-нибудь из своих союзников. Я к ним не отношусь. -

Я могла бы потребовать, чтобы он рассказал мне, как Джек убил маму, но решила, что эта информация может довести меня до крайности.

Я думала, что общения с Мэтью мне будет не хватать сильнее, но оказалось, что без его зашифрованных сообщений я чувствовала значительное облегчение.

Внезапно открылась дверь. Смерть. В черных джинсах и черном с v-образным вырезом, кашемировом свитере, облегающем грудные мышцы, он выглядел, как всегда, безупречно. Но его взгляд был затуманен.

— Ты когда-нибудь слышал, что надо стучаться?

Опираясь плечом о дверной косяк, он выгнул бровь, когда увидел на кровати Циклопа.

Этот волк был единственным живым существом, которое мне не хотелось задушить. Я привыкла к тому, что он всегда рядом. Поглаживание его волнистой шерсти успокаивало.

Смерть разглядывал мое лицо.

— Пришел позлорадствовать? — спросила я. — Разве ты не этого хотел? Помнится, ты

говорил Ларк, что любишь смотреть, как я страдаю.

— Если ты собираешься и дальше здесь чахнуть, то я собираюсь положить этому конец.

— А какой реакции ты от меня ожидал?

— Такой, как в прошлом: мести, от которой бы содрогнулась земля. Ты должна бы уже наточить когти и жаждать крови смертного.

— Жаждать крови? Как мне убедить тебя, что я не такая? — спросила я, даже если совесть нашептывала мне: «ты жаждала крови этого человека, когда напала на него, Ларк и Огена».

— Никак, — сказал он решительно, — ты не сможешь меня переубедить.

— Зачем ты пришел?

— Чтобы проверить, не планируешь ли ты заморить себя голодом. Когда ты слаба, играть становиться невесело.

— Планирую?

Как будто у меня есть какие-либо планы.

— Когда я еще мог читать твои мысли, я узнал, каковы твои цели: убить меня и найти свою бабушку.

Был ли в этом какой-либо смысл? Я стремилась увидеть своего последнего живого родственника, и я обещала своей маме, что найду ее. Но чем больше я вспоминала бабушку, тем больше понимала, что она будет ждать от меня не только игры — но и победы. Возможно, встреча с ней, подтолкнет меня к краю? Что, если я полностью обернусь Императрицей, и никогда не вернусь к Эви?

— Даже если ты сбежишь отсюда, что невозможно, — сказал Смерть, — ты никогда не доберешься до нее. С твоими регенеративными способностями ты могла бы безопасно пройти через колонии пораженные чумой, но там все еще есть каннибалы, включая других, не связанных со Жрецом. Ополченцы, Бэгмены и работорговцы рыщут на городских дорогах и в сельской местности. Я знаю это; я часто езжу по тем дорогам. Разве она не рассердится, что ты так рискуешь?

Я поглядела на Смерть.

— Таким образом, мой план должен состоять в том, чтобы послушно ожидать здесь, пока ты не убьешь меня? Вместе с остальными твоими лакеями?

Сказанные вслух, эти слова походили на границу, пересечение черты. И во мне звенел единственный ответ.

Никогда.

После жертвы, принесенной моей матерью, я была бы проклята, если бы сейчас отступила. Мой долг перед ней — продолжать бороться. У меня была новая миссия: остаться живой. Я должна была избавиться от этой манжеты, делающей меня беззащитной перед Смертью. Рано или поздно новизна от моего пребывания здесь, его принцессы в башне, сотрется.

Я должна быть готова.

— Ах, а вот и коварный блеск, который я привык видеть в глазах моей Императрицы. — Он, казалось, испытывал облегчение, как будто только что нашел то, что искал и не обнаружил сразу. — Ты уничтожала армии, должно потребоваться больше чем один смертный, чтобы сокрушить тебя.

— Почему ты не рассказал мне о Джеке раньше? И о Мэтью? Почему не ударил меня этим с самого начала? — Джек и горе переплелись в моей голове. Я не могла отделить их

друг от друга, и едва могла думать о нем, не прячась в кроличьей норе.

— На то есть свои причины. Но я просил тебя не отдавать Дево свою невинность.

Я закатила глаза от его терминологии.

— Действительно, Отец Время? Да и вообще, какое тебе до этого дело?

Он не соизволил ответить.

— По крайней мере, скажи мне, почему ты ненавидишь меня так сильно. Что произошло между тем временем, когда ты рвался затащить меня в свою постель и временем, когда ты рвался снести мне голову? — Спала ли я со Смертью? Я должна была знать! — Что я сделала тебе?

— Чтобы узнать, ты должна вспомнить. — Я думала, что он уйдет после этого, но он остался. Он открыл рот, затем закрыл его. Он придумывал что сказать? Возможно причину, чтобы остаться?

Пребывая в совершенном одиночестве весь прошлый месяц, без друзей и семьи, я составила некоторое представление о Смерти. Я знала, что он вел уединенный образ жизни. Я знала, что он никому не доверял. Но я сомневалась, что он предпочитал для себя такую жизнь. Мои страдания сделали меня сверхчувствительной в отношении всего, что касается его, и теперь у меня был свой ответ. Нет. Нет, он не предпочитал этого.

Когда я блуждала по тем коридорам, увешанным его безжизненными произведениями искусства, я поняла, что Ларк была права — дом населен призраками. Им. И его одиночеством.

Он собрал эту великолепную коллекцию, потому что у него не было ничего другого. Я сказала ему, что игра была всем, что он когда-либо имел; я видела доказательства этому в каждой комнате.

Я наклонила к нему голову.

— Ты скорее будешь обмениваться оскорблениями со мной, чем сидеть в своем кабинете в полном одиночестве, не так ли?

Он напрягся. Бинго.

Когда я была маленькой, бабушка часто ловила меня уставившейся на карту Таро Смерть. Она спрашивала меня, пугала меня эта карта или сильно сердила. Я резко качала головой и говорила ей, что она навевает мне грусть. Другими словами, я чувствовала к нему жалость.

Бабушка вспылила:

— Почему ты это чувствуешь, Эви? Он — злодей!

Я ответила:

— Его лошадь выглядит больной, и у него нет друзей.

Возможно, в восьмилетнем возрасте это был мой способ сказать, что его жизнь похожа на ад. Он прятал свое глубочайшее одиночество за высокомерием. Но теперь ему нечего было от меня скрывать. Я сказала ему:

— Ты, вероятно, хочешь, чтобы я все еще пыталась увидеть твою хорошую сторону, потому что, по крайней мере, тогда я задавала бы тебе вопросы за завтраком. Держу пари, что за все прошедшие десятилетия, тебе не задали ни единого.

Его лицо побледнело?

— Ты думаешь, что знаешь меня, и все же ты как всегда ошибаешься, — мягко сказал он, но его плечи оставались напряженными. Больше не сказав ни слова, он повернулся, чтобы уйти.

Ларк появилась у двери, почти столкнувшись с ним.

— Осторожнее, Фауна, — он потер большим пальцем по кончикам других пальцев. — Нет ничего больнее, чем гибель от прикосновения к моей коже.

Для всех кроме меня.

Широко раскрыв глаза, Ларк отступила от него.

— Извини, босс. Я-я забылась.

— Возможно, твой визит к Императрице будет продуктивным. Мой был утомителен. — Затем он ушел.

— Я смотрю, вы с моим волком нашли общий язык, — фыркнула Ларк, — я всегда его любила меньше всех. Никакой глубины восприятия.

Я зарыла пальцы в загривок Циклопа. Она не это имела в виду, мальчик.

— Я полагаю, что Смерть все тебе рассказал?

— Все, что он сказал — ты узнала, что некоторые союзники были врагами. Судя по твоей горестной реакции, я поняла, что это должен быть кайджан.

И Мэтью.

Из-за спины, Ларк достала коробку и бросила ее на мою кровать.

— Что это?

— Не Чертик из табакерки*, если тебе это интересно.

— Я действительно ненавижу тебя.

(*Здесь игра слов (англ.) Jack-in-the-box — чертик из табакерки, попрыгунчик; дословно это выражение переводится как Джек-в-коробке.)

Она ухмыльнулась:

— Открывай, засранка.

Испепеляя ее взглядом, я открыла.

— Тренировочный костюм? — Спортивный лифчик, спортивные шорты, лосины. Даже короткая теннисная юбка.

— Я хожу в тренажерный зал каждый день, — сказала Ларк. — Присоединяйся ко мне позже. Ты была чирлидером (член группы поддержки), верно? Танцовщицей?

Я кивнула. Я была лучшей гимнасткой, но балет мне нравился больше, я брала уроки в течение года на втором курсе.

— Ты могла бы показать мне некоторые движения.

Я отодвинула одежду от себя подальше.

— Ты делаешь это по доброте душевной?

— Я делаю это, потому что мне не довелось вдоволь посмеяться над чирлидерами до Вспышки. Ты — моя единственная надежда получить свою порцию веселья.

— И? — Мне во всем виделись уловки.

— Подожди. — Ее глаза вспыхнули красным. Проверяет через какое-то животное, свободен ли путь?

Понизив голос, она сказала:

— Потому что, если ты будешь танцевать, то он не сможет остаться в стороне.

— Почему ты думаешь, что меня это заинтересует?

— Опять же, не тупи. Это только твоя игра, и один из способов выжить. Видишь ли, у нас обеих приближаются сроки окончания игры. Может наши пути смогут пересечься сейчас и в дальнейшем.

Да, карта Ларк определенно была целеустремленной. Работала ли она над окончанием своей игры все это время?

В моей собственной повестке дня значилось самосохранение, но как я могу доверять ей? Когда я осталась при своем мнении она сказала:

— Я не такая плохая.

Это напомнило мне, когда мы впервые встретили Ларк, и я спросила Мэтью о ней. «Хорошая. Плохая. Хорошая». Разговор по кругу. Она недолго была моим союзником, затем врагом. Была ли она снова моим союзником?

Она направилась к двери.

— Увидимся позже.

Оставшись в одиночестве, я вспомнила случай, произошедший еще до Вспышки, когда мамино приглашение на встречу выпускников «потерялось на почте». Поскольку мама была единственной женщиной-фермером в округе, она пришла в ярость. Я пыталась заверить ее, что им же и хуже, что они того не стоят. Она подняла руку и сказала:

— Эви, иногда просто необходимо позлиться или погрустить. Иногда просто необходимо себе это позволить. Чтобы потом взять себя в руки и снова стать счастливой.

Могла ли я вырвать себя из депрессии и вернуться к счастью? Или хотя бы к…?

Первым шагом стало блокирование болезненных мыслей. Так же как я делала в школе, я отказалась думать о вредных вещах. Ни о чем, что могло бы пересечься с Джеком. Он был в прошлом и должен там оставаться. Мэтью тоже.

Две составляющих боли.

После полудня я одела красный спортивный топ и теннисную юбку, собрала волосы в конский хвост. Я схватила полотенце, распахнула дверь перед Циклопом и отправилась в путь.

Я нашла Ларк в просторном тренажерном зале с другими волками, двигающуюся под музыку. Она тренировалась перед зеркалом, била манекен.

— Эй, смотрите-ка, кто сошел на землю живых, — сказала она.

— И это говорит девушка, живущая в доме Смерти.

Циклоп пробежал мимо меня, обнюхивая своих товарищей в знак приветствия.

— Начнём? — поддельно игривым тоном она сказала: — на старт, внимание, марш!

— Да, — я сбросила полотенце, — легко.

— Покажи мне несколько движений.

На полу было нескользящее покрытие, так что я сделала легкий поворот. Другой. Я отработала заднее сальто. Ларк смеялась, когда я делала серию пируэтов с большим количеством оборотов. Боже, как я скучала по этому. Я едва могла поверить, что использую свои мышцы для чего-то другого, кроме как для бегства или сражения.

Власяница не добавляла веселья, когда мой бицепс двигался, но я так привыкла к этой

боли, что не позволила ей встать на пути моего удовольствия.

Когда я танцевала, я поняла, что могу вырвать себя из депрессии. Всё, что мне нужно — держать мой ум закрытым от союзника, который меня предал, и парня который разбил мое сердце.

Я начала потеть, радуясь, что не потеряла свою гибкость. Чтобы проверить себя, я вытянула ногу за спину и, прогнувшись, схватилась за лодыжку, стоя на одной ноге.

Смерть выбрал именно этот момент, чтобы прошагать мимо: у него отвисла челюсть, прежде чем он смог двинуться дальше. Но он сразу вернулся, и остановился, прислонившись к дверному косяку, его глаза были полны… нескрываемого вожделения.

В топе и юбке у меня все было скрыто, но как обычно я чувствовала себя голой, когда он смотрел на меня. Я не чувствовала себя голой с Джеком, который видел меня без одежды.

Не думай о нем!

Я продолжала растяжку, отказываясь останавливаться из-за Смерти.

— Никогда раньше не видел девушку, которая разогревается?

— Не единственную, которую не убивает моё прикосновение. — Сказал он хриплым голосом.

— О. Кстати, сегодня тот день, когда ты собираешься меня убить?

— Еще нет, тварь. — Когда его лучистые глаза засветились, я едва подавила вздох. Только под его взглядом мои символы начали двигаться.

Что заставило его дрожащей ладонью провести по губам.

— Мой Бог, — обмахнулась Ларк, — так много сексуального напряжения? Поберегите усадьбу, дети.

Смерть бросил на Ларк презрительный взгляд и зашагал прочь.

Понизив голос, она сказала:

— Что я тебе говорила, Эви? Ты — следующая миссис Смерть. Ты планировала сорвать игру? Держу пари, что ты это сделаешь.

Я хотела закатить глаза, но не могла оторвать взгляда от дверного проема.

— Не волнуйся. Он вернется. И когда это случиться, — воодушевленно продолжила Ларк, — я собираюсь слинять и позволить природе взять верх…

Далеко за полночь я проснулась, хватая ртом воздух, мои символы освещали комнату. Мне опять приснился чувственный сон о Смерти, в котором я страстно его желала. Я почти чувствовала его губы на своих, почти чувствовала свои губы на его теле.

Я не могла ничего понять. Он все еще хотел моей смерти, все еще ненавидел меня.

Как же я могла мечтать о его поцелуях, если он мечтал меня убить?

Глава 36

314 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

«Может быть я и бессмертный, но прежде всего я — мужчина» — сказал мне Смерть в пути. И каждый день прошедшей недели доказывал это.

Первые несколько дней, каждый раз, когда я оказывалась в спортзале, он проходил мимо и заглядывал. На третий день он вошел, присел на скамейке и сделал вид, что читает старую газету. Теперь он появлялся здесь ежедневно, а Ларк, как и обещала, сразу же исчезала. Создавалось впечатление, что он приходил неохотно, через силу, как будто его из-под палки гнали туда, где была я. Но каким похотливым взглядом он следовал за каждым моим движением, какое напряжение от него исходило.

Ларк была права. Наше взаимное притяжение было подобно электрическому разряду.

В то время как я сумела взять себя в руки, он, казалось, приближался к точке кипения. Его тренировки на спортплощадке стали на порядок интенсивнее и жестче. Больше я не видела ни аккуратных движений, ни обузданной агрессии. И меня больше не обволакивало то странное чувство удовлетворения. Наблюдая за ним, я словно наблюдала за древнескандинавским воином.

Я играла с огнем. Искушая Смерть, я, возможно, и стала ближе к снятию манжеты, но какой ценой?

Сегодня, как только он вошел, я сразу поняла: что-то изменилось. Когда я разминалась, он уже не притворялся, что читает газету, а уселся на диван, которого вчера я здесь, кажется, не видела. У него на лице как будто было написано: «К чёрту всё, хватит бороться».

— Смерть, ты сегодня без газеты?

— Сегодня я здесь исключительно как твой зритель.

И заядлый. Когда я делала растяжку, он подался вперед, опершись локтями о колени.

— И я наблюдала за тобой, — сказала я, — тренировка получилась по-настоящему… энергичной?

— Я всегда усиленно тренируюсь, когда мои мысли…

— В замешательстве? — предположила я, растягивая подколенные сухожилия.

— В процессе изменения, — сказал он, наклоняя голову, чтобы удерживать взгляд на моей заднице.

Вынуждена признать, что всякий раз, когда он так на меня смотрел, я испытывала острое возбуждение. Я откашлялась; он снова бросил на меня беззастенчивый взгляд.

— Итак, Смерть, не сегодня ли ты собираешься меня убить?

Впервые он ответил по-другому:

— Времени на это у меня предостаточно, разве не так? А сейчас я буду смотреть, как ты танцуешь.

Посчитав этот момент подходящим, я подошла к нему:

— Ты же знаешь, что можешь снять эту манжету. — Я стояла перед ним, рассматривая его идеальное лицо. — Я никогда не причиню тебе вреда.

— Я никогда не позволю тебе убежать из моего дома без них.

Так близко, меня окутал аромат сандалового дерева.

— Я не такая, как раньше. Ты должен это чувствовать, — я осторожно поставила ноги между его коленей.

Его глаза вспыхнули:

— В игре я не доверяю абсолютно никому. Держи дистанцию, — сказал он довольно жестким тоном, и я отошла.

Я просто не знала его достаточно хорошо, поэтому иногда побаивалась. Небрежно пожав плечами, я вернулась к танцам и сразу же погрузилась в свои мысли. Которые вернули меня прямо во вчерашний сон с мужчиной, сидящим сейчас передо мной, в главной роли. Он был моим врагом Арканом. Так почему же я все еще чувствовала его вкус на своем языке?

Делая наклоны, работая до седьмого пота, я прокручивала в памяти каждый миг этого сновидения. Как я касалась губами рун на его груди, обводила их языком, опускаясь все ниже…

В этот самый момент я поймала его взгляд, прикованный к моей груди, выделяющейся под влажным от пота бюстгальтером. Мои символы двигались, и я не могла этого скрыть.

— О чем ты думаешь, тварь? — спросил он хриплым голосом.

О том, как провожу языком по твоим рунам? Слава Богу, он больше не может читать мои мысли. Я покраснела, обдумывая хоть какой-нибудь ответ.

— Готова поспорить, ты ожидал, что на этот раз Императрица будет повыше?

Бред.

— Я бы ничего не менял в твоей внешности.

Когда наши глаза встретились в зеркале, его пылающий взгляд стал еще жарче, волнами пробегая по моему телу. Он встал со смертельной грациозностью и шагнул ко мне. Я сглотнула. Попробует ли он меня поцеловать? И что мне делать, если попробует?

Он остановился совсем близко:

— Сегодня вечером приходи в мой кабинет.

— Не может быть, официальное приглашение?

— Есть одна старинная игра. Сыграем партию. Если ты выиграешь, я выполню твое желание. Проиграешь — выполнишь моё.

Желание? Возможно, мне, наконец, удастся заставить его рассказать о наших отношениях в прошлом.

— Я приду. Что за игра?

— Увидишь…

Сгорая от любопытства, я приняла душ и заглянула в шкаф. Что же надеть? Взгляд сразу же устремился к моему любимому цвету — красному. Я выбрала джинсы и коралловую кашемировую майку с подходящим свитером. По шкале нравственности от распущенного до порядочного такой комплект определенно относился к последнему. Во всяком случае, я всегда могла снять свитер, обнажая руки. Ему, похоже, нравились несобранные волосы, поэтому, я просто их распустила. Я, как будто, собиралась на свидание. В некотором смысле это и было свидание. Свидание со Смертью? Я съежилась.

Когда возвращались мысли о другом парне, я безжалостно их отгоняла.

На самом деле, спускаясь по лестнице, я в кои-то веки чувствовала воодушевление. Я знала, что сегодня узнаю от Смерти много нового, а не просижу еще один вечер в

одиночестве в башне.

Когда я постучала в кабинет Жнеца, Циклоп плюхнулся на пол в коридоре. Вместо того чтобы пригласить меня войти, Смерть сам подошел открыть дверь. Он смотрел на меня сияющим взглядом, и я чувствовала, как улыбаюсь в ответ. Неплохое начало вечера.

Проявив изысканные манеры, он усадил меня в кресло. Я предположила, что раз уж он сам меня пригласил, то собирается вести себя как джентльмен. Он был одет в бесспорно дорогущую черную рубашку с пуговицами на воротнике и свободные брюки. Его ремень и туфли, казалось, стоили больше, чем весь наш урожай сахарного тростника.

На улице лил дождь, как из ведра. Но в комнате, освещенной лишь пламенем свечей, было тепло. Усевшись, я сняла свитер. Затем я заметила книгу у него на столе, и вспомнила, что мой домашний любимец/сторож сожрал одно дитя Смерти. «Государя».

— В чем дело, Императрица? Ты побледнела.

Какой наблюдательный.

— Я, ммм, должна тебе кое в чем признаться. Та книга, которую ты дал мне почитать… пришла в негодность.

Он поставил передо мной рюмку водки:

— Прости?

— Ей конец, — я провела рукой по затылку. Казалось, остальные книги смотрели на меня осуждающе.

— Что с ней случилось? — спросил он, возвращаясь на свое место. Его лицо оставалось бесстрастным. Я не могла определить степень его гнева.

— Прости, но ее уже не вернуть. — Он сложил вместе кончики пальцев. Я и раньше видела этот высокомерный жест, но сейчас он показался мне скорее вдумчивым. — Ты уже знаешь, что случилось, разве не так?

— По сути, ты могла бы обвинить волка или Фауну.

— Я привыкла к этим двоим, понятно? — я не могла поверить, что так привязалась к ним, но временами Ларк своим поведением немного напоминала мне… Мэл.

— Если тебе от этого станет легче, меня мучило чувство вины.

— Почему?

Я нахмурилась.

— Потому что я взяла под свою ответственность то, что принадлежит тебе, чем ты дорожишь, и под моим присмотром оно было уничтожено.

Задумавшись над тем, скольких усилий ему стоило сохранить эти книги, я покраснела.

— К тому же, — я заёрзала, — это была твоя любимая книга.

— Я бы с удовольствием лишился той книги, лишь бы только увидеть это.

Что?

— Моё смущение?

— Доказательство твоей отзывчивости. И честности.

Он повернул голову ко мне, как будто увидел нечто новое.

— Так ты не сердишься?

— К счастью для тебя, мое любимое издание — итальянское.

Он что дразнил меня? Я почувствовала, что опять расслабилась и улыбаюсь:

— Так во что мы собираемся играть?

— В Тароччи.

Из выдвижного ящика он достал колоду старинных карт, размером больше обычных игральных. Он протянул колоду мне. Это были… карты Таро.

— И что это значит? Собираешься мне погадать? Это было бы не очень честно, учитывая, что мое будущее в твоих руках.

Он выгнул брови:

— Эти карты использовались и для гадания, и для игры. Тароччи — игра на взятки.

— Как бридж?

— Немного более беспощадная.

— Фигурально.

Пока я рассматривала колоду, он объяснял правила. Двадцать два Старших Аркана считались козырями и были выше всех пятидесяти шести Младших Арканов. Те, в свою очередь, делились на четыре масти: жезлы, мечи, денарии и кубки.

— А Младшие Арканы в самом деле существуют? Как мы?

Некоторые изображения на младших картах были такими же пугающими, как и на старших. На десятке мечей был изображен окровавленный труп, пронзенный десятью мечами.

— В одних играх я вижу подтверждения их существования повсюду; в других — вообще не вижу.

Интересно.

— Постой-ка, моя карта разве меньшего достоинства, чем твоя?

— В этом творцы игры поступили мудро, — он продолжил перечислять правила, рассказывая о взятках, банке, сбрасывании карт и в заключение сказал: — если в жизни ты — мой джокер, то в этой игре джокером является Дурак, il Matto*.

(*il Matto (итал.) — Дурак.)

Matto. Мэтью. Не думать о нем.

— Пока ты не войдешь в курс дела, я помогу тебе с взятками.

Хотя правил было немало, я постаралась свести их к основным пунктам: начинать с наименьших, ходить в масть, выкладывать козыри только при необходимости. И отдала колоду.

— Пока этого достаточно, — Смерть ловко перетасовал карты своими изящными и смертоносными пальцами. Сдал и жестом показал мне, чтобы я ходила.

Я пошла с двойки кубков. Он с четверки. Таким образом, мы продолжали. Выиграв первую взятку, я сложила карты в стопку:

— Новичкам везет?

— Действительно.

Разобравшись в правилах достаточно, чтобы играть и разговаривать одновременно, я спросила:

— Так чем же ты занимаешься в периоды затишья? На протяжении веков между сражениями?

Он окинул меня недоверчивым взглядом:

— Зачем тебе это знать?

— Я любопытна. А ты ведешь себя так, словно никто никогда не спрашивал тебя о личном.

Он осушил свою рюмку, жестом предлагая мне последовать своему примеру. И, как всегда, сразу же снова ее наполнил:

— Конечно, спрашивали. Чтобы прощупать слабые места.

— Слабые места? Я была бы рада узнать хотя бы твое имя. Или откуда ты родом. Позволь, угадаю, из России?

— Закончила?

— Каким образом то, что я узнаю, повредит твоей игре? — спросила я, хотя и не могла винить его за скрытность. Судя по слухам, и моим видениям о прошлом, Императрица была не из тех, кому можно доверять.

А теперь?

— Либо мы будем говорить о чем-нибудь другом, — сказал он сухо, — либо не будем говорить вообще.

— Ладно. Давай поговорим о твоем имении. Как давно ты здесь живешь? И почему ты выбрал такое уединенное место в… Вирджинии?

Хорошо, может я немножко и прощупывала почву.

— А мы разве в Вирджинии? Как бы то ни было, живу я здесь уже тридцать лет. Имение это выбрал, потому что оно соответствует всем моим стратегическим требованиям: высота над уровнем моря, каменные наружные стены, труднодоступная местность, легкость в обороне, — он бросил на меня язвительный взгляд и добавил: — редкая растительность. Прямая противоположность Хейвену.

Как грустно, что он десятилетиями готовился к неизвестным грядущим катастрофам. Что это за жизнь, если все время думать лишь о том, что же пойдет не так?

Твердо решив избегать больных тем: игры, его прошлого, его национальности, моих бывших союзников, я сказала:

— Ты умеешь водить машину?

Не был ли он одним из тех древних рыцарей из фильмов, которые боятся любой техники?

Уголок его губ искривился. Ухмылка Смерти.

— Да, тварь. У меня есть несколько.

Я расслабилась, пьянея от водки:

— Точно, ты же до Вспышки был безумно богатым. Откуда столько денег?

— Я рано начал карьеру, — на мой вопросительный взгляд он ответил, — убийцы.

Учитывая мой смертельный дар, для такой роботы я был весьма пригоден. Одно рукопожатие могло свергнуть монархию. Богатства накапливались столетиями.

Он говорил бесстрастным голосом. Я не могла понять, как он относиться к своим прошлым действиям

— Так вот откуда эти короны, — сказала я, пытаясь поддерживать непринужденность беседы, — наверное, носишь их, когда никто не видит. Играешь в теннис скипетрами?

— Нет, Императрица. Не играю.

— Можно мне? Можно мне?

Сдерживая улыбку, он сказал:

— Нет, Императрица, нельзя.

Мы стали общаться намного свободнее, лед был сломан. Я спросила, какие из языков, которыми он владел, выучить было труднее всего (арабский, или, возможно, венгерский) и смотрел ли он телевизор (ни за что на свете).

Избегая щекотливых тем, он спросил, во сколько лет я начала танцевать (в три, и даже ты был бы впечатлен, увидев меня в пачке) и какие мои любимые материалы для творчества (масляные краски, краска для росписи стен).

Игра шла бойко. Если я выигрывала взятку, то следом это делал Смерть. Наша беседа все время была оживленной. Постоянно бросая одну на другую карты, мы перебрасывались словами из уст в уста и обратно, Это было так же естественно как приливы и отливы. Чувствовалось таким знакомым.

И это сбивало меня с толку. Могу поклясться, мы с этим мужчиной были на одной волне, а с Джеком нет. Мы с кайджаном никогда так не разговаривали. Возможно потому, что у нас просто не было возможности? Или потому, что мы никогда по-настоящему друг друга не понимали? Джек даже сказал однажды: «Иногда нам лучше молчать».

Хватит уже думать о нем!

Во время особенно жесткого раунда, Смерть сказал:

— Игра подходит к концу.

Обе наши стопки взяток выглядели одинаковыми, но я понятия не имела, сколько очков было в каждой. Он сыграл картой Императрицы:

— Вот эту красавицу я сохранил, — сказал он охрипшим голосом.

Двусмысленность этой фразы вогнала меня в краску. Чтобы не ударить в грязь лицом, я тоже пустила в ход прибереженный козырь. Смерть.

— Я держалась за него изо всех сил, — сказала я, и многозначительно провела пальцем по карте.

Он открыл рот от удивления. Один ноль в пользу Эви.

Забирая стопку карт, я обратила внимание на его изображение:

— Ты никогда не пользуешься косой. Зачем тогда носишь ее с собой?

Он сухо ответил:

— Я приверженец традиций.

Я рассмеялась. Неужели я действительно веду этот разговор с Беспощадным Жнецом? Я засмеялась и хохотала до слез. Уголки его губ изогнулись почти в настоящей улыбке. Смех как рукой сняло. Я была поражена:

— Тебе стоит почаще улыбаться.

Я посмотрела на него, по-настоящему посмотрела, так, как раньше себе никогда не позволяла. Конечно же, я осознавала, что Смерть был великолепным, образованным, утонченным рыцарем, купающимся в роскоши. Как и я, он был Арканом. Но иногда я замечала намеки на то, что за этим рыцарем стоит обычный человек. Вот как сейчас, когда под моим пристальным взглядом, он выглядел смущенным, и краска разлилась по его точеным скулам. Он потянул свой воротник, и я улыбнулась.

Я могла, наконец, признать, что эти намеки были невероятно привлекательными. Поскольку мои чувства к Джеку притупились его ложью и предательством, возрастет ли это влечение? Тем более что Смерть перестал постоянно угрожать мне убийством. Мэтью уверял, что я должна остерегаться Прикосновения Смерти. Но поскольку контакт с кожей Жнеца не представлял для меня опасности, возможно, он имел в виду нечто более глубокое, например, опасностью чреват интерес к Смерти, как к мужчине. Что, если власть Смерти надо мной заключалась именно в моем им увлечении?

Откашлявшись, Смерть снова раздал карты. Я поймала себя на том, что играла скорее машинально, полностью сосредоточив внимание на нем. Я поставила локоть на стол и, подпирая подбородок тыльной стороной ладони, отмечала все новые особенности его внешности.

Светлые кончики ресниц. Края рун, виднеющиеся из-под расстегнутого воротника. Слабая линия посередине его пухлой нижней губы. Возможно, я просто захмелела, но мне казалось, что в тот момент, он выглядел привлекательнее, чем когда-либо.

По завершении партии, он собрал оставшиеся карты и перетасовал свою стопку:

— Можно считать, что этим вечером победа будет за мной.

Он с насмешкой взглянул на мои руки:

— Императрица, если ты позволяешь себе отвлекаться, даже не надейся победить другого Аркана.

Еще одна двусмысленная фраза.

— Может быть Императрице больше нравиться отвлекаться, чем играть.

Он наклонил голову, говоря:

— Touchй*.

(*Touchй — франц.: Туше — прикосновение борца обеими лопатками к ковру, знаменующее его поражение).

Но я говорила правду. Я по-прежнему не была заинтересована в этом состязании Арканов и продолжала верить в важность заключения союзов. Так почему бы Смерти не стать моим союзником?

Теперь моя цель состояла уже не в том, чтобы укротить этого рыцаря. Что, если бы мне удалось убедить его стать моим союзником, другом, или…

— Расскажи, о чем ты думаешь, тварь?

— Хм? Мне интересно, какое желание ты загадаешь.

Его взгляд упал на мои губы, глаза загорелись:

— Есть кое-что…

Я затаила дыхание. Но затем он резко встал, замыкаясь в себе, подобно легкому затмению.

— Я полагаю, что приберегу его до следующего раза. Час уже поздний.

— Поздно? — Ну и что? Разве после Вспышки время имело какое-нибудь значение? Сегодня солнце поднялось на считанные минуты, всего лишь зависнув над горизонтом. — Тебе что завтра утром надо быть в Пепельном Кампусе? Или в Университете Неважных Дел?

Он подошел к двери кабинета и открыл ее. Прогоняет меня? Я встала и обвязала свитер вокруг талии, обдумывая, что сказать. Оторвался, Жнец? Следующий раунд будет на моей территории.

Только я нахмурила брови, разыскивая Циклопа, как Смерть составил мне компанию:

— Я провожу тебя обратно.

— Я и сама знаю дорогу.

— Доставь мне такое удовольствие.

Я решила его подколоть:

— Для тебя благородство никогда не умирало, да?

— Я — рыцарь, — ответил он, вызывая у меня улыбку.

По пути наверх, я старалась держаться рядом. Даже если его и волновало то, что мы теснились на узкой лестнице, виду он не подал. Он то и дело, задевал рукавом мою оголенную руку.

Мое дыхание перехватило, когда кожа коснулась кожи. Смерть украдкой подвернул свой рукав? Кнопки на его манжете звенели при каждом шаге?

С каждым прикосновением, его веки все больше тяжелели, а глаза загорались. Теперь, когда я так запредельно чувствовала переполняющее Смерть одиночество, то испытывала неудержимую потребность его скрасить. По правде говоря, а какая бы женщина устояла?

Тем не менее, у двери моей комнаты, мы стояли в неловком молчании. Как если бы он провел меня к крыльцу Хейвена после свидания.

На просторной лестничной площадке мне казалось мало места.

— Проведем завтра вечером реванш?

Он прислонился плечом к стене:

— Возможно.

— Если бы я сегодня выиграла, то попросила бы рассказать о нашем прошлом.

— Ты не попросила бы жить подольше?

Я покачала головой:

— Ты не причинишь мне вреда.

В приглушенном свете коридора, его глаза особенно блестели:

— Неужели?

— Я знаю, что сегодняшний вечер тебе понравился. Зачем лишать себя этого

удовольствия?

С озадаченным выражением он развернулся в направлении лестницы и, кажется, пробормотал:

— Действительно, зачем?

Я не могла понять, ехидничал ли он, или искренне задавался этим вопросом.

Когда он ушел, я проскользнула в свою комнату, пребывая в приятной эйфории, удивляясь тому, какое удовольствие получила. Циклоп уже валялся на кровати. Переодевшись в ночную рубашку, я услышала неуверенный зов Мэтью:

— Императрица? -

Я пребывала в таком хорошем настроении, что чувствовала себя пуленепробиваемой и ответила ему:

— В чем дело? -

— Императрица — мой друг. Мне не хватает Эви. -

Сердце сжалось с невероятной силой от внезапной острой боли. Мне тоже его не хватало. Даже после всего, что произошло. Но это не значило, что я могла его простить.

— Не сердись. -

— Ты сделал мне больно, Мэтью. И я сомневаюсь, волнует ли тебя это вообще. -

Возможно, он и сейчас лукавил.

— Ты нам нужна. Мы погибаем. -

Погибают. «J'tombe en botte», — сказал Джек той ночью у Финна, когда открыл мне свою душу. Или, по крайней мере, некоторую «подправленную» ее часть.

Джек и Мэтью — больше не моя забота. Они оба причинили мне боль. Все же, я не перестаю задаваться вопросом:

— Ты сказал Джеку, что я обо всем узнала? Узнала, что он помог маме совершить самоубийство и все время мне врал? -

Теперь, когда мое душевное состояние улучшилось, я смотрела на вещи более здраво и признавала, что Джек никогда бы не навредил маме по своей воле. Возможно, его мотивы и не были чисты, но моя неистовая мать умела быть… убедительной. И если она решила, что единственным способом спасти мне жизнь было самоубийство, у Джека не было шансов ее переубедить. Могу только представить, чего это стоило парню, презирающему любое насилие над женщинами.

Когда он готовил для нас ужин в тот последний вечер в Хейвене, стараясь изо всех сил, они оба, должно быть, знали, что он будет последним. И это заставило меня осознать, что Джек умел лицемерить. По его поведению, я никогда бы не догадалась, что ему предстояло сделать.

Джек говорил, что у него нет секретов. Еще одна ложь. И я чувствовала, что это лишь верхушка айсберга. Смерть, по крайней мере, не скрывал постоянного желания меня убить.

— Я сказал Джеку. -

— И? -

Мэтью вздохнул:

— И. -

— Что это значит? -

— Смотри моими глазами. -

И я увидела расплывшийся силуэт Джека. Он был взбешен и с криком рвал на себе волосы…

— НЕТ, Мэтью! -

Я резко замотала головой. Нет, не хочу. Я только-только взяла себя в руки. Не такая уж я и пуленепробиваемая. Видение рассеялось.

— Императрица? -

— Я не хочу его видеть. Я не могу. Я больше не могу прятаться в кроличьей норе! -

— Я чувствую твое сердце; оно действительно болит. -

Эти же слова он говорил и в ту ночь, когда Джек признался мне в своих чувствах.

— Мэтью, ты должен отвести его подальше от игры. Это не его война. Тому, на что он надеется, все равно, не бывать. Я не могу быть с тем, кто напоминает о горе, с тем, кому я не могу доверять. Ты должен заставить его уйти. Так будет лучше в любом случае. -

За последние недели я, наконец, признала, что не буду с не-Арканом, как постоянно и твердил Мэтью. Джек же, не смотря на все его недостатки, заслуживал долгой жизни. Но это невозможно, если он продолжит ввязываться в наше смертельное состязание.

Так будет лучше…

— Ты не готова, Императрица. Без Смерти механизм не закончен. -

Еще одно закодированное сообщение. Я так старалась найти смысл в его словах, что разболелась голова.

— Я почти боюсь спрашивать. -

— Сейчас затишье перед бурей. Игра начинается всерьез. Ты должна быть готова ударить… -

Глава 37

318 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Смерть, провожая меня обратно в мою башенку. Он делал это в течение каждой из трех ночей, когда мы играли в карты на этой неделе — могла бы быть и четвертая, но он обещал мне экскурсию.

Когда он вернулся следующей ночью, то поймал меня за руку и, проверяя ее, сказал мне:

— Расслабься. До сих пор только я опережаю тебя.

Я спросила:

— Что ты хочешь мне показать?

Он проводил меня в тренажерный зал.

— Сюрприз.

Это было, как будто он знал, что меня нужно подбодрить. Сегодня солнце не поднималось вообще. Бесконечная ночь. Я становилась еще более слабой? Весь день я была переполнена беспокойством. С Ларк было то же самое. Даже ее животные казались растревоженными. Оген выл как маньяк…

Когда Смерть включил свет в тренажерном зале, я увидела новое невероятное дополнение. В одном углу, перед стеной зеркал, был установлен балетный станок. Пара балетных туфель была привязана к нему лентами. Шокированный звук сорвался с моих губ. Так или иначе, Смерть нашел пуанты и станок. Прикладывал для этого усилия. Вот, где он был?

— Я полагаю, что обувь твоего размера.

Пока я смотрела, я представляла, как он, используя эти свои утонченные пальцы, завязывал эти ленты. Мысль показалась мне настолько чувственной, что я задрожала. Он соблазнял намного лучше, чем это когда-либо умела делать я. Я пристально посмотрела на него.

— Как?

— Я добываю вещи. Это — мой талант.

У него действительно была власть над всем, что я видела. И это было сексуально.

— У тебя, оказывается, много талантов. — Было ли что-нибудь, чего он не мог сделать?

Ну, за исключением доверия ко мне. Каждый раз на этой неделе, когда мы, казалось, чего-то достигали, ломая барьеры между нами, он закрывался.

— Ты рада? — спросил он.

Рада не то слово, чтобы описать мои чувства. Балет. После Апокалипсиса. Я считала, что эта часть моей жизни была сожжена вместе со всем остальным. Теперь я имела все время мира, пуанты и студию. Несмотря на дождь, во мне еще было достаточно энергии, чтобы танцевать, потому что я хорошо питалась, и спала в мягкой, теплой постели.

Благодаря человеку передо мной.

Подарок был настолько ошеломляющим. И прежде, чем я передумала, я встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Он отстранился со сверхъестественной скоростью.

— Ах-ах, тварь.

— Почему ты не подпускаешь меня? Тебе известны все планы, которые я строила против тебя.

Его кулаки были сжаты настолько сильно, что я думала, он сломает кости в руках. Но не от гнева. Он, казалось, боролся с потребностью прикоснуться ко мне.

— Тогда, каковы сейчас твои планы?

— Я хочу снова быть счастливой. — Я рассказала, что говорила моя мама. — Это все, чего я хочу.

— Это включает в себя целовать меня?

Более мягким голосом, я призналась:

— Да, тебя. Мне было приятно проводить с тобой время на этой неделе. Мы хорошо ладили. И ранее ты был прав. Я не верю, что ты когда-либо лгал мне. Это много значит.

Была также еще одна причина. После месяцев, проведенных здесь, я, наконец, призналась себе, что хочу… Смерть. Он не просто привлекал меня, я испытывала физическую потребность в нем.

Он резко встряхнул головой.

— Все еще идет игра, на карту поставлено бессмертие.

Я нахмурилась.

— Я не хочу быть бессмертной.

— Неужели не хочешь? Никогда не стареть, не болеть или не умирать?

— Что я точно знаю о себе, это то, что мне не нравится одиночество. Я не пойду по этому пути. Кроме того, победа означала бы причинить тебе боль. У меня нет такого намерения.

— Так ты не против носить власяницу? Если то, что ты говоришь — правда, то ты никогда не станешь просить, чтобы я снял ее?

Я прикусила нижнюю губу.

— Я беспокоюсь из-за Огена. И она причиняет боль, когда я двигаю рукой.

Смерть выдохнул.

— Даже если бы я пожелал, чтобы все было по-другому, это невозможно.

— Похоже, ты поклялся никогда не позволить мне быть рядом. Должно быть то, что я сделала тебе в прошлом, было ужасно.

Он уклончиво пожал плечами, но я ощутила кипевшие в нем эмоции.

Решив не давить на него, я подошла к станку и взяла пуанты. Они были слишком драгоценны, чтобы выпускать их из поля зрения. Когда я развязывала ленты, я снова задрожала, подумав о его пальцах, касающихся этого шелка.

— Спасибо… — Я замолчала, жалея, что я не знаю его имени.

Казалось ему неудобно от моей благодарности.

— Ты думаешь, что я сделал это для тебя? В случае если ты не заметила, мне нравится наблюдать за тобой.

Я выгнула бровь.

— Нравится, мягко сказано для того, что ты делаешь, ха?
Он размял свои мускулистые плечи.

— Поздно. Пора возвращаться в комнату.
На площадке, я заметила, что он держится на расстоянии. Со вздохом я спросила его:

— Если я самый слабый из Арканов, почему ты продолжаешь остерегаться меня?
— Возможно потому, что ты самый соблазнительный из Арканов.
Я улыбнулась.

— Я могу столкнуть тебя вниз.
С потемневшими от эмоций глазами, он сказал:

— Ты не сможешь.
О, это мы еще посмотрим. Смерть не знал этого, но мне нравились случающиеся время от времени битвы характеров.

Когда я осталась одна в своей комнате, я легла на кровать, любовно поглаживая ленты балетной туфли пальцами. Я никак не могла прекратить улыбаться. Удивительно. Чем дольше я была рядом Смертью, тем больше он мне нравился. В течение прошлых одиннадцати месяцев, я боялась его. Теперь я не могла дождаться пробуждения, чтобы увидеть его снова.

Той ночью я заснула с пальцами, запутавшимися в лентах и с улыбкой на лице.

Когда мне приснился сон о Смерти, я приветствовала его.

Глава 38

325 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ
Сегодня я провела почти целый час, не думая о Джеке…

Глава 39

ДЕНЬ 355 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Покажи свой вчерашний танец, — скомандовал Смерть, тоном человека, власть которого никогда не оспаривалась. Он вытянул руку на спинке дивана, так по-домашнему, в мире с самим собой.

— Тебе он понравился, ха? — Это был один из моих наиболее смелых фрагментов. За последние несколько недель я изо всех сил, восстанавливала большинство навыков, которые потеряла. И Смерть бывал здесь почти каждый день, наблюдая за каждой стекающей струйкой пота.

Пока танцевала, я размышляла над своей новой жизнью. По сравнению с внешним миром, логово Смерти казалось раем. Здесь, я могла танцевать, читать и даже рисовать. Благодаря этому человеку, у меня теперь были материалы для такого времяпрепровождения. Я начала разрисовывать стены своей комнаты, потому что у меня была комната, место, где я могла давать отдых своей голове каждую ночь.

На стене начала появляться картина с полями сахарного тростника и зелеными лесами, похожая на мою роспись в Хейвене. Там, однажды в солнечный день до Вспышки, я изобразила темные облака над полями. Здесь, в этой апокалиптической темноте, я рисовала залитые солнцем пейзажи.

Как и говорила Ларк, я могла спуститься вниз на кухню, где всегда была восхитительная еда. Апокалиптические деликатесы такие, как свежий хлеб с маслом.

Во второй половине дня (сложно называть его так, потому что дни были все еще темными), мы с ней смотрели кино рядом с дремлющими волками, под треск огня и с попкорном. Иногда мы ходили «делать покупки», прочесывая чердак, который был заполнен старинной одеждой.

Я часто смеялась над ее юмором. Сегодня она, подмигивая, говорила о том времени, что я проводила наедине со Смертью, затем сказала:

— Я чувствую себя чайником, который вот-вот закипит и запоет «Сказку старую как мир».

Возможно, я сблизилась с ней, потому что она напоминала мне Мэл, которая была мне как сестра. Возможно, потому что Ларк была единственной девушкой здесь кроме меня. Или возможно я поняла, что не все бывает только черным и белым.

Плохое и хорошее становилось размытым в моей голове. Мы были игроками в игре, которая сделала из всех нас убийц; а человек, который был моим стандартом Абсолютного Зла… добыл для меня балетные туфли. Все перевернулось с ног на голову.

Поскольку в конце лета бушевали ураганы, Смерть и я встречались каждую ночь. В его теплом кабинете мы говорили до рассвета или сидели на диване перед камином, читая книги из его коллекции.

Я начала читать Одиссею, и только что добралась до части, где Одиссей и его люди высадились на остров Лотофагов. Те, кто съедал лотос, оставались там, не желали продолжать свое путешествие. Смерть читал историю в оригинале, на греческом. Естественно.

Он и я сближались все больше. В мире не было больше никого, кого он мог коснуться, и никого, кого я знала, кто мог бы обсуждать со мной историю, литературу и искусство. Быть рядом с ним, чувствовалось… неизбежным. Но в хорошем смысле.

Он сделал комплимент тому, как быстро я учусь, и, казалось, был рад научить меня ещё большему. Если Джек пробудил во мне желание, то Смерть оживил мой ум, завлекая меня таким способом, о котором я никогда прежде не знала.

Я знала, что он тоже наслаждался моей компанией. Часто я отрывалась от страницы и встречалась с его пристальным взглядом на мне, с глазами полными удовлетворения.

Точно такими они были и в те минуты, когда он наблюдал за моим танцем.

Мои сны о нем продолжались, становились все эротичнее. Прошлой ночью мне снилось, что он снял с меня тренировочную форму, поднял на балетный станок так, чтобы он смог языком исследовать мою влажную кожу, втискивая свои бедра между моими…

Тем не менее, если бы я когда-нибудь призналась, сколько удовольствия получаю рядом с ним, он бы сразу отдалился. Если он был близок к тому, чтобы засмеяться, то сразу замыкался.

Это было, будто мы постоянно играли с ним в тяни-толкай.

Иногда, он покидал усадьбу. Я думала, что он, должно быть, охотится, по крайней мере, часть времени, но он возвращался без новых знаков, и я ничего не слышала по радио Арканов. Плюс, в списке игроков, выбывших из игры, который Ларк повесила на дверце холодильника, не было обновлений, начиная со Звезды. Ну, кроме слова, нацарапанного ею напротив моего титула: «Нечистая». Ха.

Всякий раз, когда Смерть уезжал, я была не в духе. Скучала без него? Я призналась себе, что желала его, но могла ли я чувствовать что-то более глубокое к такому человеку как он?

Я так часто думала о нем, что у меня оставалось мало времени, чтобы сожалеть и тосковать о вещах, которые могли бы быть.

Хотя я восстановила контакт с Мэтью, частично, я все еще чувствовала себя преданной им, чтобы смотреть дальше.

И Джеком.

Всякий раз, когда Мэтью трещал в моей голове, он предсказывал еще больше смертей и мрака. По крайней мере, я надеялась, что правильно их понимаю. В его предсказаниях было все меньше и меньше смысла. Однажды он сказал: «Молния скрывает монстра». В следующий раз «Ты должна порезать себя, когда алтарь пуст».

Я спросила его о своем прошлом со Смертью. Его ответ?

— Лучше волнуйся о своем будущем. Дьявол кроется в деталях. — Никакого объяснения этому дано не было.

И опять, я приказывала Мэтью держать Джека, где-нибудь в безопасном месте, но парень отвечал тарабарщиной. Хотя я пыталась слушать внимательно, я все более и более раздражалась, в голове бешено стучало…

Дни летели. «Лето, которого не было» заканчивалось, мое семнадцатилетие приближалось. Единственным недостатком этого убежища был Оген. Я редко видела его, и только тогда, когда он рвался во двор. Я, могла бы поклясться, что один из его рогов стал еще короче.

Несмотря на мое беспокойство из-за продолжающихся припадков дьявола, я чувствовала, что это поместье становилось мрачнее.

— Какие мысли таятся в твоих прекрасных глазах? — прошептал Смерть.

Недолго думая, я ответила:

— Твой дом становится моим.

Словно я ударила его, он поднялся и зашагал к двери.

В то время как я задавалась вопросом, почему он так отреагировал на это, он обернулся через плечо и сказал:

— Ты пробуждаешь во мне опасные мысли, тварь.

Опасные мысли. Он в замешательстве или его мысли в процессе изменения? Уйдет ли он тренироваться в шторм, чтобы сжечь свою агрессию в безумстве?

Я не знала, как долго мы сможем продолжать это, прежде чем уступим.

Глава 40

365 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ
ВЕЧЕР ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВТОРОГО ГОДА

— Почему ты не танцевала сегодня? — спросил Смерть.

Я только что села на диван в его кабинете, поджав под себя ноги.

— Я не очень хорошо спала. — Да, мне снились сны о нем почти каждую ночь, но прошлой ночью я была бомбардирована сценами, настолько правдоподобными, что проснувшись, была смущена, обнаружив себя в одиночестве.

Когда он сел около меня, хотя и не слишком близко, я с трудом сглотнула. Я задалась вопросом, что бы он сделал, если бы я поцеловала его.

Он изучал мое выражение. Мог ли он видеть, что мои щеки покраснели?

— Ты покраснела. Случайно, не заболела? Наш человек-слуга до Вспышки работал в больнице.

— Нет, я в порядке.

— Отлично, — сказал он, но, казалось, мой ответ его не убедил, — я хотел сказать, что ночью опять уезжаю.

Я поникла:

— Надолго?

— На два-три дня. Ты будешь скучать по мне, Императрица?

Не будет ночных разговоров?

— Да, — призналась я, — и я беспокоюсь о тебе. Не хочу, чтобы ты уезжал.

Казалось, мой ответ взволновал его больше, чем мокрая футболка. Он сел за стол, откашлялся и сказал:

— Фауна говорила, что вы боитесь Огена, когда я в отъезде.

— Ты опять подрезал ему рога?

Резкий кивок.

— Я бы не боялась его так сильно, если бы ты снял манжету.

Он помрачнел:

— Ты же знаешь, я не могу этого сделать. Тебе будет спокойнее, если я запру его за ограждением?

Лучшее, на что я могла надеяться.

— Да, спасибо.

Как всегда, он выглядел смущенным моей благодарностью и сразу сменил тему:

— Фауна также сказала, что завтра твой день рождения.

— Не думала, что для тебя это важно. Ты пережил их тысячи.

— Если у тебя есть какая-то просьба, возможно, я ее выполню.

Я взволнованно поднялась с места:

— Типа подарка ко дню рождения?

Я не спеша обошла письменный стол, нарушив границы зоны его комфорта, и уселась прямо на стол, рядом с его креслом. Мое бедро оказалось в нескольких сантиметрах от его руки.

Он сжал кулак:

— Я же предупреждал. Я не поддамся соблазну.

Я мягко сказала:

— А если бы мы не были соперниками, возможно, поддался бы? Почему ты продолжаешь настаивать на игре?

— Потому что мы оба для этого и рождены.

Это не ответ.

— Ты не производишь впечатления человека, слепо следующего предписаниям каких-то древних богов.

— Это такая огромная часть меня, что я просто не знаю, как от нее освободиться.

— Ты называешь меня наивной, но сам упорно все глубже увязаешь в прошлом. Ты можешь хотя бы представить другое будущее?

Гнев взял надо мной верх.

Над ним тоже.

— Я играю потому, что нет другого выбора! Думаешь, я не пробовал прекратить игру?

— Ты? Ты был одним из тех, кто заключил перемирие?

Мое изумление привело его в ярость. Он сорвался с места и начал ходить туда-сюда по кабинету:

— Разговоры о прекращении игры — богохульство. И я дважды был богохульником!

— Разве ты, скажем так, не живешь ради этого?

Он провел рукой по белокурым волосам.

— Я так хотел изменить свою жизнь, моя кровавая карта Таро по сей день ассоциируется с переменами, — сказал он, с каждым словом повышая голос, — эта игра — ад, на который все мы обречены. Она предназначена сводить нас с ума. Самого умного Аркана, что когда-либо играл, называют Дураком. Того, кто меньше всех хочет убивать назвали Смертью. А ты — не правящая ничем Императрица.

— У тебя нет потребности убивать?

Он взял водки и выпил:

— Потребность. Желание. Какая разница? Я делаю это.

Он налил себе еще, звякнув бутылкой о рюмку.

— Если бы любой из Арканов знал, что ожидает победителя, они бы так не стремились

вырвать у меня победу. Они бы еще и поблагодарили меня за то, что я пожинаю их жизни.

— Я понятия не имела, что ты так это воспринимаешь.

Это еще мягко сказано. Он не только устал убивать. Он презирал это.

Он осушил еще рюмку:

— Да что ты вообще обо мне знаешь?

— Ты прав. И теперь, когда я это обдумала, у меня есть просьба. Я хочу расспросить тебя о твоей жизни и прошлом и услышать правдивые ответы.

Не слезая со стола, я потянулась за бутылкой, чтобы наполнить его рюмку.

— И поскольку я попался, — с выдохом он снова опустился в кресло, — спрашивай.

— Что означают твои руны?

Руны, которые я видела во сне.

— Удивительно, что ты не расшифровала их за все то время, что наблюдаешь за моими тренировками.

Я неловко пожала плечами.

— Они рассказывают историю, которую я никогда не забуду, даже если умру в этой игре. Каждое утро я смотрю на них в зеркало, чтобы напомнить себе об этом. Но тебе я ее не расскажу, так что не утруждай себя вопросами.

Я поджала губы.

— Тогда расскажи, чем ты занимаешься между играми. Пожалуйста.

Резко подавшись вперед, он сказал:

— Я скитаюсь по земле и вижу, как на моих глазах стареют люди. Я читаю любые книги, которые попадают мне в руки. Наблюдаю за звездами в небе; на протяжении моей жизни одни тускнеют, другие становятся ярче. Я неделями сплю и гоняюсь за драконом.

Я нахмурилась и он объяснил:

— Опиум.

Изготовленный из мака, одного из растений, символизирующих Императрицу. Его красные цветы украшают мою карту.

— Я принимаю его любыми возможными способами, — он видимо пытался подтолкнуть меня признаться в чем-нибудь таком, о чем сама бы я никогда не рассказала.

Я не могла себе представить, каким мучительным, наверное, было его существование. Слава Богу, или богам, меня не настигла такая участь. Возможно, поэтому я и жалела его, когда была маленькой? Я, видимо, чувствовала что-то в этом человеке, увлеченно разглядывая его карту. Его конь был уставшим, и у него не было друзей.

— Накануне новой игры, — продолжал он, — предвкушение огнем растекается по венам. Я стараюсь определить местонахождение других карт. Держать их под наблюдением, или пометить для уничтожения. И готовлюсь ко всевозможным катастрофам. Вот чем я занимаюсь тысячелетиями.

— Понятно. Если ты думаешь, что я тебя осуждаю, то это не так, — сказала я, — я просто хочу побольше о тебе узнать. Расскажи, как ты рос. — Возможно, у него есть светлые

воспоминания, как и у меня.

— Откуда ты родом?

Он бросил на меня обвиняющий взгляд:

— Почему я должен тебе это говорить? Ты все равно не вспомнишь.

— Тебе действительно не дает покоя то, что я не могу вспомнить предыдущие игры.

Вместо ответа он встал и подошел к сейфу, встроенному в стену, и вытащил что-то блестящее. Протягивая мне ювелирное украшение, он легонько коснулся моего запястья указательным пальцем.

— Возможно, это тебе поможет.

Я взглянула на великолепное изумрудное ожерелье.

— Когда-то ты мне его подарил.

Он, должно быть, снял его с моего мертвого тела. После того, как убил меня в прошлый раз.

— Удивительно, что тебе удалось отмыть с него кровь.

Он нахмурился и повернулся к окну. Вдалеке сверкнула молния.

— Зачем ты показал его мне? — я положила ожерелье на стол, не желая больше к нему прикасаться. Хотя меня изумило то, как долго он его хранил, украшение напоминало мне о кровавой насильственной смерти.

— Почему бы просто не рассказать мне о том, что ты хочешь мне напомнить?

— Если я расскажу, не будет должного эффекта. Потому что ты не поверишь ни единому моему слову.

— Убедил. Но ты, по крайней мере, мог бы рассказать мне о себе. Я знаю, что ты родился за три игры до этой. Каким было твое детство? Может быть ты, наконец, скажешь, как тебя зовут?

— Как меня зовут? — пробормотал он, вглядываясь во тьму. — Меня нарекли Ариком, что значит правитель, вечно одинокий.

Резкий смех.

— Родители как в воду глядели.

Арик. Наконец-то он признался. Когда я только приехала сюда, он сказал: «Смерть — все, чем я когда-либо буду для тебя». Больше нет.

— Продолжай.

— Будучи мальчишкой, я прекрасно осознавал, что благословлен судьбой. Отец был военачальником, правящим укрепленным поселением, крупным центром торговли, на территории современной Латвии.

Так вот откуда его акцент. Он вернулся в кресло.

— Мы были самым богатым семейством в селении. Родители очень любили друг друга. Желая и для себя того же, я поддался на уговоры отца жениться. Мне исполнилось

шестнадцать, пришла пора создать собственную семью.

Неужели Смерть, или точнее Арик, был женат? Никогда не думала, что такое возможно. Неожиданно для себя, я почувствовала укол ревности.

— А твое прикосновение…

— Я не был рожден с этим проклятием.

Он выпил, опять налил.

— Мой отец устроил бал, чтобы я выбрал себе жену. Я танцевал со многими. На следующий день их поразила болезнь, просто от того, что они держали меня за руку. Но на тот момент ни у кого не было оснований полагать, что причина во мне. Лишь когда проклятие усилилось, когда мое прикосновение стало убивать мгновенно, я понял, что дело во мне. Двумя моими последними случайными жертвами стали родители.

Даже спустя все это время, на его лице читалось чувство вины.

— Обезумев от горя, я покинул свой дом и невольно оказался вовлеченным в игру. Со временем я начал понимать, кем был. Я был проклят побеждать, быть бессмертным, быть одиноким.

Он устало вздохнул:

— И потом я повстречал тебя.

Неужели он наконец-то расскажет, что между нами произошло?

— К тому времени я уже больше года ни к кому не прикасался. Кажется, что это не долго, но представь себе год без единого рукопожатия, или объятий родных. Не касаться кожи, даже передавая из рук в руки монету.

Даже здесь у меня были контакты. Мы дурачились с Ларк. И еще были мимолетные прикосновение к Смерти. Его жизнь, наверное, была сущим кошмаром.

— Я гладил тебя по лицу с намерением прикончить. И все же ты не заболела. Я до сих пор помню, какой потрясающе мягкой была твоя кожа. Какой теплой.

Казалось, он затерялся в воспоминаниях. Его голос охрип:

— Я дрожал от ощущения твоего прикосновения.

Он резко повернулся и прокашлялся.

— Ты была так же потрясена, как и я.

— А мы…?

Он резко тряхнул головой, глаза его заблестели, но на этот раз от гнева.

Не обращая внимания на его злость, я стояла на своем:

— Если со мной ты не спал, то возможно спал с кем-то другим?

Я не была невинной, но он мог быть. Его стакан разлетелся вдребезги в его кулаке.

— Полагаю, что нет. Но ты собирался сделать это со мной?

«В мою постель, Императрица».

— Пока ты не предала меня.

— Как? — Когда он бросил резкий взгляд на ожерелье, я сказала, — что, если я никогда не смогу вспомнить? Я должна знать!

Он проскрипел:

— Я уже говорил тебе, тварь. Ты первой от меня отреклась.

— Разве мы раньше заключали перемирие?

Он поднялся с выражением отвращения на лице — но я не думала, что оно было направлено на меня. Было похоже, что он чувствует отвращение к себе, показывая, что эта встреча только что закончилась.

— Я готов к своему отъезду, — сказал он презрительно, шагая к смежной двери.

Я вскочила, чтобы последовать за ним. Он пробормотал проклятие, когда я пронеслась сквозь дверной проем позади него.

Я с изумлением смотрела на горящий камин в его комнате. Потолок и стены были абсолютно черными, пол из черного мрамора с прожилками. Его черная как уголь броня висела на стене, как будто с нами в комнате был еще один человек. Единственным предметом мебели была резная кровать. Ее простыни были смяты. Он тоже страдал от кошмаров?

Он нахмурился, оглядев свою комнату, явно сожалея, что я увидела его личное пространство.

— Знаешь, что я думаю, Смерть? — Когда я села на край его кровати, он отвернулся с резким вздохом. — Я думаю, что ты скучал по мне этим утром в тренажерном зале.

Сжав челюсти, он подошел к своей броне.

— И я думаю, что ты будешь скучать по мне, когда уедешь. Всякий раз, когда ты там, наедине с собой, выворачивающее одиночество заставляет тебя возвращаться назад?

Он напрягся.

— Ты ненавидишь такую жизнь и в тайне надеешься, что я помогу тебе обрести другую.

— Не имеет значения, на что я надеюсь. Поскольку я не могу доверять тебе.

— А если бы мог, ты хотел бы большего? Ты хотел бы быть со мной?

— Это было ошибкой. Ты должна уйти. — Поспешными движениями он закрепил пряжкой броню на своей правой ноге, затем на левой. — С этого момента тебе запрещено появляться в этой части поместья.

Я задохнулась.

— Ты действительно хочешь быть со мной. — Как только я произнесла эти слова, то поняла, что могла бы захотеть, чтобы моя жизнь протекала здесь с ним. — Пожалуйста, не уходи. Просто поговори со мной, Арик.

Он напрягся, услышав свое имя, как будто я ударила его.

— Уйди сейчас. Если я вспомню твое предательство, я могу убить тебя. Если я вспомню, как ты предала меня уже в этой жизни…

Я вскочила на ноги:

— Что такого я тебе сделала?

Он захватил меня, держал в заключении. А я, нападая на него и его союз, просто защищалась.

— Я предупреждаю тебя, оставь меня. — Отвернувшись, он сорвал с себя рубашку, чтобы надеть доспехи. Даже посреди этого раздора, я с тоской пристально смотрела на изгиб его спины.

Он надел свои рукавицы, повернулся и, казалось, удивился, увидев, что я все еще была там. Никто больше не смел его ослушаться?

— Любая женщина в здравом уме учла бы мое предупреждение. — Он закрепил на своем поясе меч.

Да, он предупреждал меня, но я уже узнала о нем больше, чем когда-либо, и чувствовала, что он готов открываться дальше. Или, может быть, убить меня. Я расправила плечи:

— Я остаюсь.

Он взял свой шлем, сунул его под мышку, затем подошел ко мне, с внушающим страх видом. В тот момент я была уверена, что некий смертельный бог выбрал этого человека быть его рыцарем. Когда мы оказались лицом к лицу, я подняла голову, вытянув шею.

Эмоции сменялись на его лице, слишком часто, чтобы остановиться на какой-то одной.

— Тогда уйду я. — Он обошел меня и покинул комнату.

Я последовала за ним вниз по коридору к внешним дверям.

— Черт побери, Арик, разве твоя поездка не может подождать?

Не говоря ни слова, он вышел в шторм.

Стоя в дверном проеме, я смотрела и чувствовала, что только что упустила свою единственную возможность для… чего-то. Удержать его здесь, внезапно показалось крайне важным.

Когда он на огромной скорости выехал из конюшни, я выбежала в дождь, чтобы перехватить его. Его конь встал на дыбы, с красными, дикими глазами, его копыта рассекали воздух.

— Ты сошла с ума! — Он сдернул свой шлем, открывая свои пылающие мукой глаза. — О чем ты думаешь?

Я с боку подошла к его коню, ржавшему под ливнем.

— Как я предала тебя в этой жизни? — Когда я оперлась рукой на его закованную в броню ногу, он вздрогнул. — Я должна знать.

Он спешился, его движения были осознанными, почти зловещими. Мое сердце заколотилось, когда я отошла на несколько шагов. Он достиг своего предела со мной?

Как только он встал прямо передо мной, у меня возник порыв бежать. Слишком близко, слишком много, слишком интенсивно. Но я должна была знать…

Он наклонился, сжав мой затылок рукой, наделенной карающей властью. Сквозь стиснутые зубы он проскрежетал:

— Ты не ему была предназначена. — Дождь превратил его ресницы в шипы. — То, что ты позволила смертному обладать тобой — сводит меня с ума! Ты отдала ему все.

— Ты ненавидел меня в течение двух тысяч лет. Скажи мне, почему тебя волнует, с кем я была.

Его руки дрожали.

— Меня волнует.

— Почему?!

Он нежно обхватил мое лицо своей смертельной рукавицей. Его прикосновение может быть и было нежным, но его выражение…

Наполненное жаждой, тоской и другими чувствами, слишком обжигающими меня, чтобы их прочесть. Это росло во мне в течение многих недель; это росло в нем, возможно, в течение многих столетий.

Потом его губы накрыли мои, обжигая под дождем, захватывая, требуя. Его язык исследовал, требуя большего. Для того, кто не имел практики, его поцелуй был совершенством — но таким диким, как будто это было последнее, что он когда-либо будет иметь. Сдаваясь ему, я обняла его руками за шею. Точно так же, как в моем сне.

Еще лучше.

Невероятно горячо.

Сквозь дождь, я слышала свои стоны, его стоны. Свободной рукой он обхватил меня за талию, слишком сильно прижимая к броне, но мне это нравилось. Когда он снова и снова накрывал мои губы своими, я смутно заметила, что мои ноги не касаются земли. Я цеплялась за него так, как будто никогда не хотела его отпускать, мои пальцы запутались в его волосах. Я хотела, чтобы этот поцелуй длился вечно.

И все же он отступил, оставляя меня ошеломленной, затаившей дыхание.

— Арик? — Мои губы были синими, такими холодными без его губ на них.

Между тяжелыми вдохами, он выдохнул:

— Меня волнует, потому что… потому что ты была моей женой. Ты до сих пор моя жена.

От шока мои ноги ослабли.

— Ты приняла обет, а затем попыталась убить меня в нашу брачную ночь. — Голосом полным боли, он сказал, — ты вынудила меня убить свою невесту. — В его звездных глазах была боль…

Он отпустил меня, чтобы вскочить на коня. Бросив последний горящий взгляд, он ускакал, оставляя меня рухнувшей на колени.

Глава 41

367 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

Я лежала в кровати Смерти и пялилась в черный потолок, сжимая в руках изумрудное ожерелье, которое он однажды мне подарил. Последние два дня я избегала Ларк, прокрадывалась в его комнату и ночевала здесь. Мой сторож-волк ждал за дверью.

С того времени, как Арик уехал, я не спала и даже не ела. Я одновременно и хотела и боялась снов о нем, близость которых предчувствовала. Я почему-то знала, что если усну, вновь переживу прошлое.

Я верила всему, что сказал мне Арик. Я вышла замуж за Смерть. Это объясняет, почему я всегда чувствовала связь с ним — некие глубокие духовные узы; почему, когда была маленькой, вглядывалась в его карту, словно рассматривая фото любимого.

Когда я влюбилась в Джека, это было испепеляюще, как горючая смесь. Геенна огненная. То, что я ощущала с Ариком, было похоже на волны, бьющие о берег. У него было две тысячи лет тоски, все время его существования, и теперь я присоединилась к нему в этой вечности.

Я знала, что никогда не стану прежней. Наши отношения с Джеком, казалось, обречены. То, что было между нами с Ариком, казалось… бесконечным. Почему он до сих пор не вернулся? Что если он никогда не вернется?

Лежа в его кровати, окруженная его захватывающим ароматом, я жаждала его, стремилась забрать боль, которую ему причинила. Если уж он смог пережить то, что я ему причинила, то я должна была, по крайней мере, найти в себе силы посмотреть на это.

Я прекратила бороться со сном….

— Теперь, когда мы женаты, возможно, ты будешь звать меня по имени, — говорит Смерть, пока сопровождает меня к нашему экстравагантному жилью — только лучшее для моего рыцаря знатного происхождения.

Как только мы переступили порог, он отпустил меня, чтобы сдернуть свои ненавистные рукавицы.

— Но я всегда буду знать тебя как Смерть, любовь моя, — говорю я, мой голос — сама сладость.

Независимо от того, как он относился ко мне в течение последних недель, я никогда не забуду угрозу в его глазах, когда он наносил мне удар. Я никогда не прощу его высокомерия, когда он предположил, что я приму его только потому, что он меня помиловал. Он никогда не просил моей руки, просто сообщил мне, что я должна выйти за него замуж, и что мы заканчиваем с игрой. По его мнению, если он — Смерть, а я — Жизнь, то мы должны быть вместе.

Во время подготовки церемонии, я скрывала свои истинные побуждения. Он, возможно, оставил игру, но я продолжала играть. И я знала, что не смогу победить его, пока он не потеряет бдительность. Он сделает это теперь, когда он — мой муж.

Сегодня, я стала его женой. Сегодня вечером я стану его гибелью.

— «любовь моя» меня вполне устраивает, — говорит он, изгибая губы в самоуверенной улыбке. Он тянется ко мне, страстно желая прикосновений.

— Как бы прекрасна ты не была в этом платье, я жажду увидеть тебя без него.

Подвенечное платье, подаренное им, сшито из изысканнейшего изумрудно-зеленого шелка. Один вид этого роскошного наряда привел меня в девичий восторг. Но потом я

вспомнила, что являюсь Императрицей, убийцей высшей пробы.

— Конечно, любовь моя. Если ты поможешь мне, то очень скоро получишь то, чего жаждешь.

Чего заслуживаешь. Я поворачиваюсь к нему спиной.

Когда он начинает развязывать корсет, я стараюсь расслабиться. Он стягивает с плеч шелк, обжигая кожу поцелуями.

Он не мог дождаться этого дня, а еще больше нашей первой ночи как мужа и жены. До этого дня Смерть не познал меня в этом смысле.

Меня с детства учили, что он — мой враг. Что его неизбежное влечение к Императрице станет одним из моих преимуществ… и слабостей. Потому что частичка Императрицы будет жаждать его в ответ.

Женщина во мне чувствует к нему влечение. Он может быть обаятельным, если захочет, и он прекрасно сложен. Никогда не видела ему равных. Должна признаться, когда я вошла в церковь, у меня перехватило дыхание — так великолепен он был в своем безупречном наряде. Но этот союз обречен, потому что Императрица во мне видит в нем только объект убийства. Хищник высматривает жертву.

Он же об этом не догадывается, он уверен, что я теперь принадлежу ему. Когда мы поднимали бокалы, после произнесения свадебных клятв, он шепнул мне на ухо:

— Теперь ты моя. Навсегда.

Когда платье, скользя по телу, падает к моим ногам, он поворачивает меня, чтобы лучше рассмотреть свою новую собственность. Собственнический блеск в его глазах приводит меня в ярость.

Нескрываемый голод. Его жажда очевидна, я и так с трудом сдерживала его до сих пор. Он слишком напорист, слишком похотлив, слишком возбужден. Парень по имени Смерть так полон… жизни.

Он кладет меня на нашу кровать и раздевается. Да, он прекрасно сложен — куда ни посмотри. Мое тело беспомощно отзывается. Но я обязана сдерживать собственный голод.

Он присоединяется ко мне и целует мою ладонь.

— Императрица, я буду делать тебя счастливой каждый наш день.

Всю нашу короткую жизнь. Выйдя из игры, мы состаримся. Бессмертие, однако же, манит?

Его рука вся в значках, которые можно забрать. Скрывая алчность, я пересчитываю их.

С гордым выражением лица он вертит мое новое кольцо на моем пальце. Символ собственности? Я не могу смотреть на него никак иначе, так как мужчины его народа колец не носят, так же, как домашний скот не клеймит своих владельцев.

Для меня кольцо отвратительно, словно мерзкие оковы, и это невыносимо! Ощущая привкус желчи, я начинаю все четче осознавать, что жажду его значков гораздо больше, чем его потрясающего тела.

Когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня в шею, я спрашиваю:

— Ты не принесешь мне вино, я нервничаю, любовь моя? — Я маняще улыбаюсь. — В этом я тревожно невинна.

Он вздыхает, но, не смотря на раздражение, усмиряет свой пыл. Свои мужские потребности, свою похоть.

— Как пожелаешь.

Он поворачивается спиной к Императрице. Как доверчиво. Как глупо. Азарт сражения нарастает, захватывает меня. Без тени сомнения я беззвучно сползаю с кровати. Прежде чем он успевает отреагировать, я впиваюсь в него ядовитыми когтями, шипя на ухо:

— Пока Смерть не разлучит нас.

Когда я проснулась, по лицу текли слёзы.

Мужем. Он был моим мужем. И я его предала.

Каким-то образом он выжил после моего яда. Каким-то образом он взял надо мной верх и убил меня. «Вынудила меня убить свою невесту» — с какой болью в горящих глазах он это сказал. Не удивительно, что он меня ненавидел — он имел на это полное право. Как я могла быть такой злой?

Одно дело — бороться с противником, сразиться и победить; и совсем другое — обменяться священными клятвами с тем, кого собираешься убить этой же ночью. Не удивительно, что у меня не было шансов его соблазнить.

«Я не прикасаюсь к гадюкам». Он научился не доверять. Он научился этому слишком рано.

Вся его жестокость и бессердечность были отточены мною.

Та Императрица видела только его голод. Она не замечала нежность и теплоту, с которой он на нее смотрел. Он собирался сделать ее счастливой.

Сделать меня счастливой.

Даже не замечая всего, на что он был готов пойти ради нее, эта женщина влюбилась в него. Она просто отказывалась это признавать.

А я?

Внезапно внутри все забурлило, чувства распирали грудь. Я чувствовала себя его женой. Я должна была объяснить ему, что никогда больше его не предам. Но он находился далеко. Оставив меня в одиночестве в своей постели.

Вернись ко мне, Арик.

Тихо. Слишком тихо. Я не хочу сейчас оставаться в одиночестве. Смахнув рукавом слезы с лица, я выскочила из комнаты, переполошив Циклопа. Вместе мы поднялись на этаж выше к спальне Ларк. Я тихонько постучалась. Понятия не имею, который час.

Ларк открыла дверь, протирая глаза:

— Что случилось, девочка?

Она была одета в футболку и леггинсы. Из копны черных волос выглядывал заспанный бельчонок.

— М-можно войти?

Она распахнула дверь и я вошла. За все это время я ни разу не была в ее комнате. Но именно такой я ее себе и представляла: на стенах плакаты с животными, на полках — клетки и аквариумы. На деревянной перекладине у ее кровати, точно будильник, устроился сокол. У нее была лампа в форме тигра, простыни с кенгуру, а высокий потолок был покрыт живым ковром из бабочек. Я знала, что здесь не было бабочек-данаид. Месяц назад Мэтью сказал, что две последние из них летают в тысяче миль друг от друга. Я снова почувствовала благодарность к Ларк за заботу об этих сокровищах. Но все еще не могла позволить ей

думать, что слишком смягчилась.

— Простыни с кенгуру, Ларк?

— Не суди строго, модница, — сказала она без злости.

Мое присутствие взволновало часть ее зверинца, но одним взмахом руки она утихомирила мяуканье и карканье.

— Хочешь об этом поговорить?

Она забралась обратно в кровать, стянув с подушки сопящего ёжика.

А хотела ли я? Знала ли хотя бы с чего начать? Я подошла к окну и, вглядываясь в грозовую ночь, постаралась привести в порядок мысли.

Где-то там бродили по свету Арик и Джек. Джек разбил мне сердце, а я разбила сердце Арика.

— Ты знала, что в одной из прошлых игр, мы со Смертью были связаны? Женаты?

— Ммм, некоторые карты догадывались.

— Я только что видела это во сне. То, каким он был раньше.

— Я пыталась сказать тебе, что он не так уж плох, — сказала Ларк. — Из того, что я знаю, ты вроде как осрамила его перед злым фронтом. Как судьи, они оценили это на десятку.

— Да. Нет ничего хуже того, что я сделала, — пробормотала я.

— Когда он вернется, вы, ребятки, во всем разберетесь. Я уверена. Ты видела, как он смотрит на тебя во время танца, правда? Ну, так ты даже не представляешь себе, как он смотрит, когда ты не видишь. Вы все еще связаны.

Я неуверенно вздохнула. Столько всего из нашего прошлого еще нужно преодолеть. Когда сверкнула молния, я сказала через плечо:

— Каждый раз, когда вижу молнию, я вспоминаю о Джоуле.

— Знаю. Он, по крайней мере, не хочет тебя прикончить.

— На данный момент. — Я повернулась к окну, когда сверкнул еще один разряд молнии. Молния разветвлялась на черном. Зеленовато-желтая на красном?

У меня перехватило дыхание. Из темноты на меня смотрели узкие черные глаза.

Оген.

Глава 42

ПИРШЕСТВО! ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ!

— Ларк! — крикнула я. — Беги…

— ШАБАШ! — Могучий кулак Огена ворвался, разбивая окно. Стекло разбилось вдребезги, обдавая меня осколками, когда его кулак встретился с моим торсом. Ларк завизжала, когда я ударилась о дальнюю стену. Кости сломаны. Череп? Ребра? Лопатка? Из кожи торчали осколки. Не в силах подняться, я наблюдала, как Оген пытался схватить Ларк, пока волки, защищая ее, хватали его за руки. Здесь, в дальнем углу комнаты, мы были для него недосягаемы.

Хотя я думала, что она сбежит вслед за своими животными, убегающими и улетающими подальше от опасности, она бросилась ко мне и помогла встать. Ей тоже досталось немало осколков. Оген вертелся, пытаясь втиснуть свое грузное тело в оконный проем.

— АЛТАРЬ ПУСТ! — ревел он. — СВЕЖИЕ ПОТРОХА.

Мой охваченный паникой разум поразила догадка. По-своему, Мэтью предупреждал меня об этом. «Молния скрывает монстра». Только что я видела Огена при свете молнии. И Мэтью дал мне инструкции: «Ты должна порезать себя, когда алтарь пуст». Алтарь Огена был пуст; пришло время избавиться от манжеты.

Я шепнула Ларк:

— О-отведи меня в подвал. К лампам солнечного света.

— Черт, черт! Босс меня убьет.

Но она повела меня к выходу. Свистом позвав за собой волков, она крикнула Огену:

— Эй, мудак, встретимся на кухне!

— ТЫ МЯСО! — завыл он, рванув из окна так быстро, что здание задрожало.

Я закинула руку на плечо Ларк, и мы двинулись в направлении, противоположном кухне, три волка следовали за нами по пятам. Когда мы поднялись наверх, я, задыхаясь, спросила:

— Что случилось?

— Возможно какой-то важный Шабаш, о котором я не в курсе, — пробормотала она.

Мы поднимались по лестнице, которой раньше я не видела.

— Я никогда не видела его таким огромным, Эви. Я вызвала подкрепление из сарая, но пока они, следуя моим указаниям, откроют замок, пройдет время.

Мы двигались по коридору, пока не остановились у стены. Ларк нажала рукой на панель на стене, открывая проход. Прежде чем она со скрипом закрылась, за нами с пронзительным вскриком впорхнул сокол.

В полной темноте я снова была вынуждена положиться на ночное зрение Ларк, когда мы быстро спускались вниз по лестнице. Мы поднялись, только для того, чтобы спуститься во чрево этого здания?

Воздух стал влажным, вокруг тише. Я не слышала дождь, только стук лап позади нас, хлопанье крыльев и скрежет моих костей, когда они начали себя восстанавливать.

Я призвала Арика:

— Мы в беде — ты должен вернуться! — Никакого ответа.

Я даже позвала Мэтью. Ничего.

— Просто держись, Эви. Мы на месте. — Она прислонила меня к стене.

Я услышала, как в замке зазвенел ключ, затем звук поворота колеса, как в банковском хранилище. Щелчок, и дверь со стоном открылась, проливая свет на площадку, где мы стояли.

Теплый свет.

Я была ошеломлена открывшимся передо мной видом. Такое же большое помещение, как и Ангар 13, заполненное рядами столов для выращивания растений. Ультрафиолетовые лампы, покрывающие каждый дюйм высокого потолка, изливали каскад света на мою измученную жаждой кожу.

Ларк заперла нас и своих созданий внутри.

— Эта дверь не сможет удержать Огена, когда он находится в таком виде. — Облокотившись на нее, она вытащила осколок из бедра. Ее раны кровоточили из-за осколков почти так же сильно, как и мои. — Я оставлю здесь сокола, чтобы прислушиваться к нему. Давай пробираться к задней части.

Пока мы с Ларк и волками пробирались через бункер, я впитывала свет, чувствуя как мой мозг снова начинает работать. Я выдергивала осколки из своей кожи, ускоряя регенерацию.

Мы прошли ряды растений, выстроившихся как батальоны солдат. Здесь были виноградные лозы в горшках, и даже молодые деревья. Они не были такими же сильными, как гигантские дубы или столь же таинственными, как мое предпочтительное оружие — розы. Однако это была приличная армия — если бы я смогла вернуть свои способности.

В конечном счете, Оген найдет нас здесь; я только надеялась, что смогу устроить к этому времени ловушку.

— Ларк, мне нужен острый нож. — Или, в зависимости от обстоятельств… — Может быть топор? — Снова отрастет.

— Ух ты, представляешь, забыла в спешке и о том и о другом. — Она осмотрела сад вокруг. — Я могу достать для тебя лопату. Или совок.

Я пристально посмотрела вниз на ее когти, боясь того, что я знала, должно произойти. — Ты прорезала кожу прежде, верно? Своими когтями?

— О, черт, нет. Даже не думай об этом, Эви.

— Поверь, я готова выслушать варианты.

— Предполагается, что Босс вернется сегодня. Может быть, он доберется сюда вовремя?

— Готова поставить на это свою жизнь? — я схватила ее руку. — Ты поможешь мне избавиться от этой манжеты, или мы умрем.

Она пристально смотрела на меня, с трепетом.

— Ты спокойна как камень, не так ли?

— Нет. Нисколько. Но я все же заставлю тебя порезать меня.

К тому времени, как мы достигли дальнего угла, я заставила ее уступить.

— Отлично! — Она вскинула свои когти. — Скажи мне, что ты хочешь.

Я объяснила, что она должна будет срезать куски кожи выше и ниже манжеты вдоль ее краев, обводя по кругу. Зубцы из металла слишком глубоко вонзились в мою руку, чтобы она

могла соскользнуть вниз, поэтому, я решила, что мы просто поработаем с пластом кожи под ней. Легко, плевое дело. О, и мы сделаем это, удалив мой бицепс. Так, парочку больших кусков с каждой стороны мышцы, пожалуйста.

Я сорвала с себя свитер, скручивая рукав, чтобы потом зажать зубами, потому что я видела такое раньше в кино. Когда я сунула материал между зубами, она подняла свои острые, как скальпель когти.

— Это так мерзко. — С глазами размером с блюдце, она начала резать вокруг манжеты.

От боли мои глаза увлажнились, но я кивнула ей, чтобы она продолжала. Пока она делала все надрезы на моей коже, лилась кровь, делая все скользким. Я обезумела настолько, что подумала, будто вижу вспышку удовольствия в ее глазах. Красные зубы и когти. Но когда я присмотрелась к ее лицу, все что я увидела, было тошнотворной бледностью.

Я вытянула ткань изо рта.

— П-поспеши, — выдохнула я. — С таким большим количеством зелени и света… я точно излечусь. Когда я оттяну манжету повыше, ты тяни вниз — мой голос дрожал — срывай с мышц. Быстрей. — Я снова закусила рукав свитера.

Неуверенно кивнув, она использовала свои когти, чтобы как клещами ухватить гладкую мышцу, а затем приступить к своей ужасной задаче.

Сквозь хлынувшие слезы я смотрела в потолок, чувствуя давление, боль, давление, боль! Я завопила в свой свитер. Как будто он услышал этот приглушенный звук, Оген проревел откуда-то сверху, внутри поместья.

— С этой частью мы покончили.

Почему она качается? Или это я? Безумная. Оставаться в сознании, оставаться в сознании. Она начала опускать манжету. О, Боже, зубцы! Меня вырвало в рот, задыхаясь, я отправила все обратно. Мои ноги стали подкашиваться, когда я попыталась ей противодействовать.

Почти у моего локтя, почти…

Металл, свободно двигаясь в потоке крови, ударился об пол, подскочил. Готово! Дрожа, я выплюнула свой свитер, затем облокотилась здоровой рукой об полку с растениями. Когда я наклонилась, мои глаза сузились от ужасного вида манжеты. Зубцы были похожи на корни, вросшие в мою бывшую кожу.

Ларк оторвала низ своего свитера, чтобы сделать бандаж для моей искалеченной, вялой руки. Хорошо. Не хочу это видеть.

— Я не могу поверить, что мы сделали это! Только не мумифицируй меня виноградной лозой, о’кей?

Освободившись, я приказала, чтобы все росло. Несмотря на свои раны, я была полна энергии. Экономить? Этим я занималась в течение многих месяцев.

Моя армия повиновалась так быстро, что я могла слышать их быстрые рывки. Когда корни, стебли и листья рванули к жизни, у Ларк заметались глаза:

— Это так волнует.

— Так же, как и твои кобры.

— Каков план игры? — спросила она.

— Мы должны будем обезглавить Огена, верно? — после ее кивка я сказала, — чтобы добраться до нас, он должен будет проложить свой путь через джунгли, становясь в процессе все более и более слабым. Я буду удерживать его на месте, в то время как твои волки будут рвать его живот. После того, как мы прижмем его к земле, мы используем их клыки, чтобы

разорвать его шею.

— Хорошо. Они знают программу.

Где-то над нами, он проревел:

— Я чувствую запах хорошего МЯСА.

— Он приближается, Ларк. Используй мою кровь. Полей ею любые листья, ты можешь. Это сделает их еще более сильными. Я создам последний барьер, чтобы защитить нас.

Она опустилась, окуная свои ладони в лужу у моих ног. Ладушки-ладушки… Безумная.

— Наша кровь смешивается как сумасшедшая. — Она поднялась, чтобы щелкнуть своими измазанными пальцами. Темно-красное на зеленом. — Мы как сестры по крови. Думаешь, это подарит мне дополнительную силу в этой битве?

— Я понятия не имею. — Наблюдая, как моя баррикада уплотняется, я увидела что-то у задней стены… Куст розы. Мои губы изогнулись. О, Арик, ты не должен был.

В то время как Ларк выстраивала в линию своих волков перед баррикадой, я растила розу, пока ее шипы не стали большими как ножи, а стебли как цепи. Вспоминая тактику других Арканов, я разместила стебли специально для Огена. Последняя линия обороны.

Закончив, я повернулась к Ларк:

— Ты можешь оставить волков и спрятаться. — Когда она заколебалась, я сказала, — странно, но я волнуюсь, выживешь ли ты или умрешь. Я буду больше беспокоиться о спасении твоей костлявой задницы, чем о его убийстве. Ты не сможешь помочь мне против него.

— Это не кажется правильным. Я буду поблизости…

Камни и щебень посыпались вниз с потолка; в пятидесяти футах над нами, Оген пробивал себе путь кулаком сквозь этаж поместья! Он просунул свою голову через новое отверстие, стирая рогами его зубчатые края.

— Пахнет КРОВЬЮ! — Когда он спрыгнул вниз, дрожь прокатилась под нашими ногами.

Лицо Ларк побледнело еще сильнее.

— О. Дерьмо.

Оген должен был преодолеть джунгли, прежде, чем он доберется до нас, ослабленным. Когда волки пригнулись, рыча, готовые к схватке, я вышла из шока. Взмах моей руки, и виноградные лозы, взметнулись, чтобы опутать его. Они связали его запястья и лодыжки, намотались вокруг его рогов.

Как только он был пойман, волки напали одновременно, кидаясь на его живот. Он взревел от боли, когда из его шкуры было вырвано три куска. Зеленовато-желтая слизь начала сочиться из его ран. В сражение вступил сокол, паря над головой Огена, царапая и клюя его глаза.

— Это работает! — простонала Ларк.

Только я кивнула ей, как Оген рванулся, освобождаясь, разрывая все мои виноградные лозы. Вскинув голову, он обернулся и ударил одним рогом в грудь сокола. Кровавая связка перьев свалилась на землю.

Широко распахнув глаза, я бросила в него все, что имела, бесконечные виноградные лозы. Волки по очереди вцеплялись в любой открытый участок кожи. Несмотря на это тотальное нападение, он начал продвигаться вперед, шаркая, проходя сквозь удерживающие его растения. Если мне удавалось захватить его правую руку, он использовал левую, чтобы

освободиться. Если мне удавалось поймать одну ногу, то он тянул ее за собой, пока та не освобождалась. Где он получил такую силу? Он что, продолжает расти?

— Босса НЕТ. — Он усмехнулся, капая слюной. — Теперь ПИР!

Когда он достиг баррикады, волки удвоили свое нападение. Он схватил одного, скручивая его тело как окровавленную тряпку. Я вскрикнула, когда он сломал Циклопу колено. Третьего он растоптал копытами.

После каждого нападения, Ларк дергалась и задыхалась. Повернув ко мне мокрые от слез глаза, она пробормотала:

— Ч-что же нам теперь делать?

Мы были пойманы в ловушку в дальнем углу бункера с одним только препятствием, чтобы не пропустить Огена.

Со слюнявой усмешкой, он сжал правую руку в кулак. Я приготовилась, зная, что за этим последует. Он обрушил этот кулак на мой барьер, пробивая в нем отверстие, посылая боль по всему моему телу. Несмотря на мои усилия, чтобы закрыть отверстие, он уже просунул одну ногу.

Он закричал:

— АЛТАРЬ! — и прорвался весь.

Ларк стремглав отскочила в сторону, но он был слишком быстр. Тыльной стороной руки он ударил ее. Она влетела в стену… и упала без движения.

Мой страх уступил место пылу сражения:

— Ты умрешь за это. — Желая приблизиться к нему, я подошла ближе к своей ловушке.

— Ну же, Дьявол. Прикоснись…

В нашей битве Арканов на берегу реки, Габриэль поймал Смерть сетью. У меня была одна наготове, моя собственная. Когда Оген сделал выпад, сеть из стеблей розы каскадом разлилась по нему, гигантские шипы, были острее, чем колючая проволока.

— Ты заплатишь свою цену.

Он ревел, когда я сжимала стебли вокруг него, их шипы резали его шкуру. Сильнее, сильнее, прорезая до костей.

— Разве ты не помнишь свои команды, Оген? Я говорила тебе оставаться… — Я замолчала.

Оген снова превращался. В ужасе я наблюдала, как он вырос еще больше, его рост приближался к высокому потолку.

Этот хитрый зверь скрывал правду все это время. Он скрыл истинные масштабы своей власти. Знал ли об этом Смерть?

Когда его рога вознеслись выше ультрафиолетовых ламп, стекло посыпалось вниз, и я знала, что не смогу удержать его.

Оген извивался в своих путах. Они распались, боль сразила меня. Гигант освободился.

Сгорбившись, он протопал ближе ко мне. Я отступила, бросая между нами виноградные лозы.

Моя спина уперлась в стену. Некуда бежать.

Он воспользовался этим, хватая меня одной из своих огромных рук.

— Хорошее мясо! — Он медленно приблизил меня к своему лицу.

Я хлестнула его своими когтями, но он, казалось, даже не почувствовал их. Его щелевидные зрачки расширились, когда он понюхал меня, неприятный запах его дыхания, ударил мне в лицо.

— МЕРТВОЕ мясо. — Он хлопнул меня об землю, выбивая крик из моих легких.

Он начал душить меня, как делал уже однажды. Только на сей раз, он сжал мою шею между большим и указательным пальцами, наслаждаясь, продлевая это.

Давление было мучительным. Он хочет совсем оторвать мне голову, как кукле? Неужели у этой куклы больше нет зубов?

Поскольку сознание дрогнуло, мне показалось, что я слышу Арика, кричащего мне, чтобы держалась. Безумная. Я никогда не увижу его снова, никогда не получу шанс убедить его, насколько я стала другой. Он проведет еще семь столетий, страдая?

Оген дышал в мою щеку, касаясь ее свисающей слюной. Это будет последнее, что я увижу? Я испытала почти облегчение, когда мои веки сомкнулись, и воспоминание пронеслось в моей голове. Я увидела лицо Джека, когда он пристально смотрел на меня сверху вниз и время, словно застыло в этот момент. Я видела его словно наяву. Слышала его. «Я дома, Эванджелин. Наконец я нашел место, где должен быть». С моей смертью, когда Мэтью скажет ему, он прекратит охотиться, прекратит искать?

Смутно я услышала вопль. Арик? Мне удалось раскрыть глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как он мчится к нам. Из-за забрала его шлема горел угрожающий свет. Я никогда не думала, что буду так счастлива увидеть, как Смерть направляется ко мне с двумя выхваченными мечами.

— Ты ослушался меня, Дьявол? Я просил тебя никогда снова не причинять ей боль. — Он это сделал?

Оген подскочил, освобождая меня.

— Не мой босс. Я сижу на колене Люцифера!

Я вдохнула, изо всех сил пытаясь подняться. Это был не конец. Битва все еще продолжалась.

Когда Оген понесся к нему, Арик обманул его движением вправо, затем поразил левым мечом. Ловко. Лезвие погрузилось глубоко в бок дьявола. Оген взвыл от ярости, разбивая еще больше ламп. Вспарывая копытами землю, он напал еще раз. Арик отпрыгнул за стол, но Оген поймал его длинным взмахом своей гигантской руки и бросил в стену недалеко от Ларк. Его голова ударилась об стену так сильно, что шлем слетел.

— Арик, нет! — Задохнулась я. Бросила еще волну виноградных лоз в дьявола. Окруженная таким количеством растений и согретая светом, я стремительно восстанавливалась. Но даже в своей полной силе, я могла выиграть Арику не так много времени.

Так или иначе, он держался за свои мечи. Как-то, он приподнялся, присел. Встряхнул головой, как будто проясняя зрение.

— Ах, Оген, много мускулов и нет мозгов. Нет мастерства — нет стиля. Разве ты не знаешь, что качество всегда побеждает количество?

Оген взревел настолько громко, что это причинило боль моим ушам. Он напал еще раз.

В последний момент, Арик откатился в сторону, уклоняясь от наковальни его кулака, и вскинул один меч вверх, вспарывая кишки Дьявола. Потекла вонючая слизь.

— Б-босс? — всхлипнул Оген. Он начал сжиматься, как будто его сдували.

Проворачивая меч, Арик пронзил его вторым.

Тело Огена сжималось, пока он не стал чуть выше Арика. Только тогда Смерть вытащил свои мечи… чтобы сложить их ножницами на шее Огена.

Пока Оген молча шатался на копытах, Арик сказал:

— До следующего раза, Дьявол. — Отрезал.

Карты «Дьявол» больше не было…

Опустошенный, Арик поднял и опустил плечи, смущенно глядя на все еще сжимающееся тело своего бывшего союзника. Сражение было закончено.

Арик стоял ко мне спиной. Больше не было манжеты на моей руке. Не было шлема на его шее, что оставляло его уязвимым. Импульс охватил меня. Пыл сражения? Более, чем.

— Я слышал, как ты зовешь меня, Императрица, — сказал он, начав поворачиваться ко мне.

Я же подскочила и ударила, вонзив в шею Смерти пять когтей.

Глава 43

Все его мышцы напряглись, но Арик не пытался защищаться. Просто склонил голову и позволил мне нанести ему удар — капитулировал, давая мне достаточно времени, чтобы накачать его ядом. Когда я освободила его, он встретился со мной отчаянным взглядом.

— Хорошая игра, тварь. — Он уронил один меч, и взял за лезвие другой, чтобы вручить его мне рукоятью. — Прикончи меня, теперь. Я не буду сопротивляться.

Пошатываясь от растерянности, я взяла меч, но не шевельнулась, чтобы ударить. Я хотела объяснить свои действия, но выражение его лица лишило меня дыхания.

— Т-ты хочешь умереть?

С горьким смехом, он сказал:

— Зачем мне хотеть жить на протяжении многих столетий, когда я презирал бы себя каждую секунду?

— Презирал?

— Из-за того, что жажду тебя. Снова и снова я влюбляюсь. В первый раз, когда ты напала на меня, я защищался, не веря, что это была ты. Я убил тебя прежде, чем ты смогла впрыснуть полную дозу своего яда. В следующей игре ты умерла прежде, чем я смог найти тебя, но в третьей, я наблюдал за тобой и ждал.

Я вспомнила, как красная ведьма разрушала те галеоны. Он был на берегу, наблюдал. Она заметила, что Смерть всегда был «очарован подарками Императрицы».

— В конце концов, я открылся тебе, рассказал, что мы были женаты… и что ты со мной сделала, — сказал он. — Ты была в ужасе от этого, и убедила меня, что никогда больше не причинишь мне боль. Однажды ночью ты сказала мне, что я буду полностью обладать тобою. Наконец- то, подумал я, я познаю плоть женщины, моей женщины. Вместо этого ты дала мне свой ядовитый поцелуй.

Я задохнулась от невыносимой боли в его глазах. Безнадежность. Он хотел умереть, чтобы… забыть. Чтобы начать все заново.

— Твои губы были такими сладкими, что даже после того, как я понял, что ты со мной делала, я продолжал целовать их. Только в следующую секунду я смог оторваться. Мне потребовались месяцы, чтобы прийти в себя. — Он потянулся назад, чтобы коснуться своих ран на шее. — А теперь это.

— Арик, подожди.

— Я достаточно долго ждал. — Он сорвал с себя нагрудник, выгнув свою татуированную грудь, предлагая свою уязвимую кожу. — Что говорят об обманутых? Если позор приходит к тому, кого одурачили дважды, то правильно, что поражение приходит к тому, кого одурачили трижды. — Он взялся за конец своего меча, вынуждая меня поднять его против него. — Ты хотела знать, что означают руны на моей груди? Это — наша история, Императрица, напоминание никогда не давать тебе своего доверия — и конечно не отдавать свое сердце. И все же я сделал это в этот раз. — Сверкая глазами, он выдохнул, — прежде, я желал тебя, но я никогда не любил тебя до этой жизни.

Мое собственное сердце забилось быстрее, чем в сражении. Он любил меня!

— Ну же, пронзи меня этим мечом. Я принесу тебе пять знаков. — Он поднял правую руку, показывая свои значки, среди них был Оген — пара рогов.

Прежде, чем я смогла отреагировать, Арик наклонился к лезвию, прижимая острие выше своего сердца. Кровь засочилась из одной из его рун. Как будто она плакала.

— Ты даже не избавишь меня от мук своего яда? Или возможно ты подаришь мне последний поцелуй? Теперь укушенный, я могу прикоснуться к гадюке.

Я выпустила рукоятку меча, и оружие упало между нами.

— Говоря о гадюках, я дала тебе сухой укус. — На его непонимающий взгляд я ответила: — я не использовала свой яд на тебе, хотя могла. Эти проколы заживут завтра. Возможно, теперь ты будешь доверять мне, если я скажу, что никогда снова не буду пытаться убить тебя.

Выражение его лица говорило, что он не смеет верить.

— Пока тебя не было, мне приснилась наша брачная ночь. И на сей раз, я действительно напугана тем, что я тебе сделала. Я никогда не причиню тебе боль снова, Арик.

Его челюсть расслабилась, а брови выгнулись.

— Sievв.

Он называл меня так прежде.

— Что значит это слово?

— Это означает жена. — Он подошел ко мне. — Поскольку я собираюсь сделать тебя ею сегодня ночью.

Я захромала к нему, когда Ларк слабо пробормотала:

— Что происходит?

Я повернула голову.

— О, Боже, Ларк! — Она выглядела действительно разбитой.

Ее покалеченные волки подползали к ней, их мех оставлял мокрые кровавые следы. Ох, Циклоп. Несмотря на то, что они были похожи на выживших в дорожной аварии, они расположились вокруг нее, все еще защищая ее. Даже сокол ковылял к ней. Они будут исцеляться, также же долго, как и Ларк.

— С тобой все в порядке? — спросила я ее. Арик говорил, что у него в лагере есть медик. Я очень надеялась, что Оген не съел его. — Ты можешь стоять?

С усилием, Ларк спросила:

— Дьявол мертв?

Оглядываясь назад на Арика, я ответила:

— Много чего умерло здесь сегодня вечером.

Арканы гудели:

— Смерть снова стал собой. -

— Дьявола больше нет! -

— Императрица следующая. –

Я сидела в своей темной комнате, освещенной только огнем. Арик собирался прийти ко мне сегодня вечером. Снова, я задалась вопросом, что мне делать.

Я оставила Ларк и животных на попечение Арика и медика — невзрачного человека,

который прятался от Огена в подвале с углем. Молодой человек хотел перевязать и меня, но как только он сказал, что другие его пациенты стабилизировались, я ушла, чтобы избавиться от корки засохшей крови.

Арик не сказал мне больше ни слова, но напрягался всякий раз, когда я оказывалась рядом….

К тому времени, как я закончила принимать горячий душ, моя рука почти восстановилась. Она плохо выглядела, но исцелялась. Если бы только я могла окрепнуть морально. Я нервничала. В сущности это была моя первая брачная ночь.

Я то заплетала, то расплетала волосы, раздумывая над выбором одежды. И остановилась на длинной королевской шелковой синей ночной рубашке и халате.

Почему я так нервничала из-за перспективы секса с ним? Я привязалась к человеку и, ради Бога, я уже делала это однажды.

С Джеком. В тот момент времени. Я — все еще peekфn.

Казалось, что как только я решила переспать с Ариком, мои чувства к Джеку вышли на передний план, воспоминания о нем, вторгались в мой разум: «Эванджелин, я должен чувствовать тебя с каждым моим шагом. Иначе я схожу с ума».

Когда я была уверена, что умираю, я ясно видела лицо Джека. Почему? Он не был Арканом, напомнила я себе. Он лгал мне самым худшим способом. Это были препятствия, которые просто невозможно преодолеть.

Дверь распахнулась. Я вскочила на ноги. Сверкая глазами, Арик стоял в дверях, словно занимая все пространство.

— Я ждал — его голос упал до шепота — тебя так долго, чтобы быть с тобой. — Его акцент стал сильнее, чем я когда-либо слышала.

Тогда он шагнул ко мне. Его пристальный взгляд, завораживая, приковал меня к месту, когда он взял в ладони мое лицо. Когда его губы накрыли мои, я ахнула. Он воспользовался этим, чтобы углубить поцелуй, застонав, едва прикоснулся. Его руки напряглись на моем лице. Его сексуальные стоны сводили меня с ума, путали мои мысли.

Хотя он не раздевал женщину веками, прежде чем я что-то поняла, одежда на мне растаяла, его рубашка и ботинки также исчезли. Он прервал поцелуй, чтобы отнести меня в кровать.

Как Джек. Не думай о нем.

Арик пристально посмотрел на меня, раздетую в его руках, сверху, и прошипел:

— Великие боги. — Он положил меня на кровать, пристроившись около меня. Он все еще был в штанах, но по каким-то причинам я не стеснялась его, когда он рассматривал каждый изгиб моего тела. Вероятно потому, что я чувствовала себя раздетой перед ним в течение многих месяцев до этого.

Его взгляд светился голодом, когда он опустил голову вниз к моему телу и поцеловал… мою исцеленную руку.

— Моя жестокая Императрица. Я не могу больше быть гордым. — Он подарил мне настоящую улыбку: не дразнящую насмешку, не скупую полу-ухмылку.

Прекрасный мужчина. Губы безупречной формы, белые зубы. Хотя его глаза горели словно звезды, я могла видеть их золотистый цвет. Они были переполнены теплотой и… любовью.

Если он был великолепен прежде, то теперь он был разрушителен. Мои глифы вспыхнули

в ответ, привлекая его пристальный взгляд.

— Они всегда приводили меня в смятение. Я нахожу их такими красивыми, но всякий раз, когда я их видел, ты собиралась меня убить.

Джек тоже находил их красивыми.

Блокируй это! Я была женой Арика. Я обидела его в прошлом, и заставила его страдать сотни — нет, тысячи — лет. Я должна была сделать все правильно. Как раскаяние.

Он провел по моей нижней губе большим пальцем, и его рука начала дрожать. Я поняла, что он теряет свой жесткий контроль, его желание разгоралось все жарче и жарче.

— Ты не можешь быть прекраснее. — Он смотрел так, будто собирается меня проглотить, заставляя меня дрожать как в ознобе. — Я терпеливый человек, sievв, но сегодня вечером…

Было что-то неуловимо угрожающее в его словах. Мелькнуло предчувствие. Слишком быстро.

Но затем он склонился, чтобы поцеловать меня, обжигая мои губы до тех пор, пока мои мысли снова не исчезли. Когда он переместил губы к моей шее, проводя языком по коже, его губы были такими горячими, что это вызывало головокружение.

Он всегда был безукоризненным и сложным. Теперь неизведанная сила его потребности поразила меня. Между поцелуями он шептал по-латышски.

— Что ты говоришь?

Он приподнялся, подняв мой подбородком пальцем.

— То, что ты на вкус как жизнь. Теперь ты — моя жизнь.

Его слова чувствовались настолько окончательными. Если в том далеком прошлом он выглядел собственником, то теперь он выглядел так, будто потерял себя. Во мне.

Я собиралась попросить делать все медленнее, когда он опустил свою голову к моей груди, целуя меня там. Удовольствие было таким интенсивным, что я с трудом вспомнила о своих опасениях и смогла только выдохнуть его имя.

Когда я выгнула для него спину, он застонал вокруг одной вершины, потом другой, обхватив ее губами, лаская своим умелым языком.

Когда раскаяние ощущалось так хорошо?

Не отрываясь от моей влажной кожи, он прохрипел:

— Лучше, чем тысячелетия грез.

Когда я стала извиваться от желания, он поднял свою голову. С тлеющими глазами, он сказал:

— Я фантазировал также и о других вещах.

Едва касаясь, его губы прошлись по моей груди, вниз по моему животу, я чувствовала на коже его обжигающее дыхание. Он потер носом мой пупок, затем продолжил свой путь ниже. Ниже.

— Мм, Арик?

С отчаянным стоном, Смерть… поцеловал.

Глава 44

Уставившись в потолок, я растянулась на кровати, обалдевшая от удовольствия, которое он только что мне доставил.

— Я…ты… где ты этому научился?

Было ли что-нибудь, чего он не умел? Дрожа от нетерпения, он выдавил мученическую улыбку. Никогда не видела, чтобы его глаза так горели.

— А как ты думаешь, о чем я мечтал, пока ты для меня танцевала? Я представлял, что все изменилось, что ты жаждешь моих прикосновений, моих поцелуев. Я представлял тысячи вещей, которые хотел проделать с твоим прекрасным маленьким телом.

Вернувшись губами к моей груди, он сорвал с себя брюки. Я мельком взглянула на его обнаженное тело — от одного его вида, я изнемогала от желания.

Устроившись между моих ног, дрожащим голосом он прошептал два слова:

— Наконец, sievв.

Подождите, что-то не так… чего-то не хватает? Я широко раскрыла глаза:

— А у тебя есть, хм, защита?

Он напрягся:

— В такой особый момент ты и вправду просишь меня сходить за чем-то? Может, еще бокал вина?

— Нет, не в этом дело. Что, если я забеременею?

Джек был таким осторожным. Перестань себя мучить, Эви. Так будет лучше…

— Возможно, я вообще не способен создать жизнь, — сказал Арик, — но мы ничего не потеряем, если попробуем. Если ты хочешь выйти из игры, это единственный неиспробованный способ. Как мы сможем навредить друг другу, если вместе создадим династию?

— Арик, я слишком молода!

Он уперся своим лбом в мой.

— Нет, не слишком. Теперь, когда мы вместе, игра затянется. Мы будем стареть, поскольку в живых останется больше чем один Аркан. Уже прошло семнадцать твоих коротких смертных лет. И двадцать три моих.

Он говорил о том, чтобы обзавестись семьей? Когда я даже не была уверена, взойдет ли еще хоть когда-нибудь солнце? Это было слишком. Он был слишком…

Слишком похотлив, слишком возбужден. Поглощен своими мужскими потребностями. Нет, не думай о ведьме!

— Сегодня вечером я не могу сделать этого.

— Ты шутишь?

— Все происходит слишком быстро.

Все завертелось, дни пролетели. Может мне стоит прекратить жить в свое удовольствие, предаваясь праздным мечтаниям, вырваться отсюда и вернуться в окружающий мир, а уж потом заводить отношения с этим мужчиной?

Арик приподнялся на вытянутых руках и прищурился, глядя на меня:

— У твоей нерешительности есть иная причина, не так ли?

Так ли это было? Я признавала, что между нами с Джеком стояли серьезные преграды. Но он говорил, что вместе мы сможем преодолеть все, и тогда я ему верила. Он просил лишь дать ему шанс до меня добраться. Если я сделаю это сегодня, то отниму у Джека обещанный ему шанс. Не должна ли я хотя бы дать ему возможность все объяснить?

Я знала, что думать так, было наивно и даже смешно. Вряд ли у нас что-нибудь получится после того, что он сделал. Черт, видимо, мои чувства к Арику зашли слишком далеко.

И тут до меня дошла одна простая истина: ложась в постель с Ариком, я принимала судьбоносное решение, но для принятия такого решения у меня еще не было достаточно информации. И никто не мог заставить меня сделать выбор до того, как я буду готова. Никто.

— Это из-за него. — Арик обернулся, сидя на краю кровати, сжимая свой лоб рукой так сильно, что на ней вздулись мышцы.

Я приподнялась и дотронулась до его плеча, но он отшатнулся.

— Пожалуйста, Арик. Какова бы ни была причина, разве нельзя с этим повременить?

— Ты это отрицаешь? — от него волнами исходила ревность.

— Я не говорю, что не хочу быть с тобой, но я дала ему обещание. Ты говорил, что в прошлом я их не держала, но сейчас держу. Я обязана хотя бы поговорить с ним обо всем этом, до того как решу перейти с тобой на следующую стадию.

— Я рассказал тебе, как он с тобой поступил, а ты все равно его хочешь!

— Могу сказать то же о твоих чувствах ко мне.

С резким возгласом раздражения, он поднялся, чтобы одеться.

— Я думал, ты покончила с этим. Покончила с ним.

Так и было. Моя жизнь, казавшаяся потерянной, вспыхнула перед моими глазами.

— Ты хочешь, чтобы я всегда задавалась вопросом о нем? Разве тебе не хочется начать со мной все с чистого листа?

Он натянул брюки:

— Черт подери, Императрица, ты выберешь меня! Ты должна. Он сможет двигаться дальше. Я не смогу!

Я задумалась над поведением Джека, не совсем уверена, что он сможет двигаться дальше. «A moi, Эванжелин!».

Меряя шагами комнату, Арик сказал:

— Прежде ты никому не отдавала свое сердце. Я вообще был уверен, что у тебя его нет.

Я натянула простыни, прикрывая грудь:

— Есть, и сейчас оно разрывается напополам.

— Почему, как только я поклялся отомстить тебе, ты единственный раз родилась такой? Честной и отзывчивой? И единственный раз, когда ты идеально мне подходишь, ты влюблена в другого мужчину!

Я прошептала:

— Прости меня.

— Если бы после Вспышки я отправился в Хейвен и защищал тебя и твою мать, ты бы выбрала меня, полюбила бы меня?

До того, как отправилась в путь с Джеком? До того, как узнала, каким многогранным человеком он был? До того, как он спас мою жизнь? Я должна была ответить честно:

— Да.

С отчаянным криком Арик ударил кулаком по каменной стене. Башня задрожала. Между вздохами он прохрипел:

— Я должен был пойти к тебе! Переступить через свою ненависть и защищать тебя.

Он не сказал «вместо того, чтобы, терроризировать тебя», но я знала, что мы оба подумали об этом.

— Этого уже нельзя изменить.

— Нет, нельзя. Я был терпелив с тобой. Я растянул границы своего и так бесконечного терпения. Теперь я вижу, что смертного нужно вывести из уравнения.

Как и говорил Мэтью. Ледяным тоном я сказала:

— Чтобы между нами не было, если ты навредишь Джеку, этому конец. Неужели ты хочешь, чтобы мы снова стали врагами?

Я выпустила когти. Заметив это, он нахмурился:

— Нет, не хочу.

— Ты должен быть ему благодарен. Если бы не Джек, Любовники схватили бы меня, истерзали бы и убили.

Сказав это вслух, я еще больше укрепилась в решении пойти к нему. Он спас мне жизнь; я обязана его выслушать.

— Если у тебя есть к нему чувства, борись с ними, — велел мне Арик, — если ты пойдешь к нему, то снова разожжешь их. Понимаешь? Он может найти другую женщину, я — нет. Если ты выберешь его, то обречешь меня на адскую судьбу. Что ты и делала раз за разом. Нет, теперь будет еще хуже, ведь я знаю, что теряю.

— Я просто хочу с ним поговорить. Поеду в эти выходные, — сказала я решительным голосом.

— Нет, не поедешь, — все его высокомерие вернулось, — пойми, я не уступлю женщину, предназначенную мне одному. Ни смертному, ни кому-либо другому.

— Ты не можешь больше держать меня здесь против моей воли. Что ты сделаешь? Снова наденешь на меня манжету?

— Я раскаиваюсь в этом…

Я жестом остановила его:

— Я понимаю, почему ты это сделал. Но больше не хочу быть узницей.

Он схватил рубашку и засунул руки в рукава.

— Говоришь, что теперь держишь обещания? Ты дала обет перед богами быть моей женой. И в этой жизни ты сдержишь клятву данную мне, прежде чем выполнишь какое-либо обещание, данное ему.

— Тебе меня не остановить. Я вернула свои силы. Я заработала свои силы.

Изогнув губы в жестокой усмешке, он сказал:

— Ты пообещала, что никогда не навредишь мне, Императрица. Знай, чтобы уйти отсюда, тебе придется меня убить.

Когда он вышел за дверь, я сказала:

— И ты знай, чтобы удержать меня здесь, тебе придется снова надеть на меня власяницу.

Оставшись в одиночестве, я позвала Мэтью.

— Императрица жива сегодня. -

На этот счет были какие-то сомнения?

— Сражения чреваты. Так много веток. Вихри. -

Его способ сказать, что он не всегда мог видеть тысячи способов, какими судьба могла повернуться.

— Ты все еще кажешься расстроенным, Мэтью. Запутанным. Слишком много всего? Я должна поговорить с Джеком. Если я покину это место, ты поможешь мне вернуться к вам? -

— Дурак укажет тебе путь…-

Глава 45

369 ДЕНЬ ПОСЛЕ ВСПЫШКИ.

Ларк, спящая в своей новой комнате в окружении дремлющих млекопитающих, казалась такой юной. Два дня назад медик наложил ей гипс на сломанное предплечье и лодыжку, зафиксировал ключицу. И назначил постельный режим. Волки, выздоравливающие так же быстро, как и она, расположились у камина. Поскольку Циклоп еще не мог осилить лестницу, он остался здесь, со своей стаей. Сокол, свивший себе гнездо в корзине для белья, тоже шел на поправку.

Собираясь уезжать, я волновалась за Ларк. Каким-то образом эта мелкая хулиганка стала моим другом. Хорошая, плохая, хорошая. Не все ли мы такие? Джек, я, Арик.

Он избегал встреч со мной, будто ему было больно просто смотреть на меня. Мы даже ели по-отдельности. Но, несмотря на острую потребность поговорить с Джеком, я томилась по Арику.

Вчера я столкнулась с ним, возвращаясь от Ларк.

— Как поживает Фауна?

— Ей уже лучше.

Он кивнул и развернулся, чтобы уйти.

— И всё? — окликнула его я. — Сколько еще это будет продолжаться? Мы должны поговорить о том, что случилось.

С грубым смешком он повернулся ко мне:

— Все очень просто. Я хочу тебя, ты хочешь другого, а мне причитается жена.

Изо всех сил стараясь сохранить самообладание, он резко сказал:

— В противоположной ситуации ты тоже ни за что бы меня не отпустила.

Я замолчала, так как не могла этого отрицать. Он ушел, а я смотрела ему вслед.

Атмосфера в поместье была чуть ли не напряженнее, чем когда Оген требовал жертвоприношений. Мысли Арика, вероятно, были в полнейшем замешательстве, поскольку он тренировался интенсивнее, чем когда-либо. В последний раз, когда я видела его таким, он был похож на древнескандинавского витязя. А теперь? На тикающую бомбу, которая вот-вот взорвется.

— Императрица! — позвал Мэтью.

— Я здесь. — Я натянула одеяло на Ларк до самого подбородка и подошла к камину, чтобы подкинуть дров для нее и животных. Температура постоянно опускалась, хлестали ветра. Мою башню будет качать больше всего. — Сейчас не лучшее время, Мэтью. Мне еще многое нужно обдумать. — Слишком многое, и в основном это касается Арика.

— Пожалуйста, Императрица! ПОЖАЛУЙСТА! -

Я застыла от паники в его голосе.

— В чем дело? -

— Они забрали его. Устроили ловушку. Не вижу его будущего! Не знал. Он у них. -

— Помедленнее. Кто у кого? -

— Герцог и Герцогиня. Самые Извращенные. ДЖЕК. -

От ужаса сердце ушло в пятки. Джек у Любовников? Участь, похуже Смерти.

— Кайджан устанавливал ловушки против армии. Винсент разведывал новое место для

лагеря и неожиданно напал. Вайолет присоединится к брату. Когда Любовники соберутся вместе, Джеку будет… больно. -

— Сколько у меня времени? -

— До того, как они убьют его, или до того, как нанесут непоправимые повреждения? -

Я почувствовала тошноту.

— Я смогу добраться до него вовремя? -

— Они разбили лагерь в нескольких днях от Смерти. -

— Все, что угодно может меня задержать. Буря, ополченцы, Бэгмены. А как на счет Селены? Разве нельзя послать ее? -

— Она пыталась, рисковала жизнью ради него. Оставила умирать. Финн тоже. -

— Пошли другого Аркана спасти его, пообещай все, что угодно! Я все отдам! -

— Башня заявил об альянсе с Императрицей. Спасет твоего смертного, если ты принесешь ему голову Смерти. -

— Что? Джоуль освободит Джека, как наемник? -

— Наемник Башня! -

— Я не могу сделать то, что он хочет. Попробуй договориться о чем-нибудь другом. Что-угодно, кроме этого! Я дам знать о своих планах. -

— Поторопись, Императрица! -

Хотелось обдумать все хладнокровно, рационально. Но от страха за Джека меня колотило.

Я поплелась вниз по лестнице к комнате Арика. Судя по всему, судьба оставила мне два выхода. Просить Арика о помощи, или… невозможное.

С чего бы Смерти помогать парню, который занимался любовью с его женой? Я и не надеялась уговорить его помочь, но должна была попробовать.

Я вошла в кабинет без стука. Арик лежал на диване, погруженный в раздумья. На нем не было рубашки, только низкие кожаные штаны. Уставившись в потолок, он подложил одну руку под голову, а пальцами другой водил про груди. Он обводил каждую руну, словно запоминая их точное расположение.

О чем он думал, прикасаясь к этим фигурам?

— Арик, мне нужно с тобой поговорить.

Он с неестественной скоростью вскочил с места и подошел ко мне.

— Что случилось?

Взяв меня за подбородок, он повернул лицо из стороны в сторону.

— Почему ты такая бледная?

Пытаясь сохранять спокойствие, я сказала:

— Любовники схватили Джека.

Он опустил руки.

— Тогда сейчас он жалеет, что я не прикончил его в пещере.

Сдерживая слезы, я сказала:

— Мне нужна твоя помощь, чтобы освободить его.

— Собрать армию ради него? Зачем мне это делать? Я ненавижу его больше, чем когда-

либо кого-то ненавидел. Даже тебя.

Он отвернулся и потянулся за водкой. Наполнил рюмку, но пить не стал:

— Кроме того, твой смертный обречен.
— Пожалуйста, Арик. Я прошу тебя!
— Он обернулся с яростью застывшей в глазах.

— Ты отказалась — дважды — умолять меня о своей собственной жизни, но ты умоляешь о его?
Я прошептала:

— Да.
С расчетливым блеском в глазах, он сказал:

— Это не невыполнимая задача то, о чем ты просишь меня. Я могу связаться со своими старыми союзниками. Они будут здесь в считанные часы. Мы бы выехали единым фронтом.
— П-правда?
— При одном условии: ты станешь моей женой по-настоящему, моей во всех отношениях. Начиная с сегодняшнего вечера. Подчинишься, и я соберу для тебя армию.
Мой рот раскрылся от шока.

— Как ты можешь так со мной поступить?
— Дево потерян для тебя, так или иначе. Он будет либо убит Любовниками… либо спасен моей женщиной, ее жертвой. — Он протянул свою руку. — Пойдем со мной и начнем это.
— Не делай этого, Арик! Не разрушай того, что я действительно чувствую к тебе.
— Я возьму — он схватил мою руку и дернул меня к себе — все, что я могу взять.
Вопреки себе, я задрожала от этого прикосновения, от его хриплого голоса. Он держал меня крепко, как будто я ему принадлежала. Поскольку он полагал, что я собираюсь стать его. Красная ведьма во мне шептала: «Смерть думает, что ты в его власти. Но Императрицу не удержать ошейником или закрыв в клетке — или управляя ею. Возьми его голову и заплати Башне».
Заткнись!

— Пожалуйста, Арик. Я возненавижу тебя после этого. Я не хочу чувствовать к тебе это. Никогда снова. Не вынуждай меня делать этого.
— Вынуждать? — непреклонный, он привел меня к своей спальне. — Я не вынуждаю тебя делать что-либо. Так же, как ты не можешь принудить меня спасать твоему возлюбленному жизнь. Каждый из нас приносит жертвы, чтобы получить желаемое.
С колотящимся сердцем, я переступила порог в его темный мир. Черные стены, черный потолок, черная ночь за его окнами. Тем не менее, мне показалось, что снаружи я увидела… одинокую трепещущую снежинку.
Как знак.
— Пойдем, sievв. Я больше не буду ждать.
Когда Смерть подвел меня к своей кровати, обещая удовольствия, я почувствовала возрастающий жар желания — и…

Битвы.